
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

---

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

---

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

---

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

1 (54) • 2014

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; Н.И. Матузов (зам. главного редактора – председатель ред. совета), д.ю.н., профессор; К.Е. Игнатенкова (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, к.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.В. Нырков, к.ю.н., доцент; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; О.Л. Солдаткина, к.ю.н., доцент; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.С. Судоргин, к.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент; Е.А. Игнатенков (зав. редакцией)

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; С.Б. Суоров, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

Malko A.V. (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Matuzov N.I. (deputy of editor-in-chief – chief of editorial council), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Ignatenkova K.E. (executive secretary), Candidate of Law; Abalduiev V.A., Candidate of Law, Associate Professor; Afanasiev S.F., Doctor of Law, Professor; Vavilin E.V., Doctor of Law, Professor; Voroshilova S.V., Doctor of Law, Associate Professor; Vyrlieeva-Balaeva O.S., Candidate of Law, Associate Professor; Golikova A.V., Candidate of Law, Associate Professor; Danilov M.V., Candidate of Political Science, Associate Professor; Ivanov A.N., Candidate of Law, Associate Professor; Isakov N.V., Doctor of Law, Professor; Kobzeva E.V., Candidate of Law, Associate Professor; Kovaleva N.N., Candidate of Law, Associate Professor; Kolesnikov A.V., Candidate of Law, Associate Professor; Kolesnikov E.V., Doctor of Law, Professor; Komkova G.N., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; Konoalov I.N., Doctor of History, Professor; Lipinskiy D.A., Doctor of Law, Professor; Nyrkov V.V., Candidate of Law, Associate Professor; Ponomarenkov V.A., Candidate of Law, Associate Professor; Popov V.V., Doctor of Law, Associate Professor; Rudkovskiy V.A., Doctor of Law, Associate Professor; Salomatina A.Y., Doctor of Law, Doctor of History, Professor; Soldatkina O.L., Candidate of Law, Associate Professor; Subochiev V.V., Doctor of Law, Associate Professor; Sudorogin N.S., Candidate of History, Associate Professor; Sukhova N.I., Candidate of Law, Associate Professor; Timofeev L.A., Doctor of Law, Professor; Holodenko V.D., Candidate of Law, Associate Professor; Chmyhalo E.Y., Candidate of Law, Associate Professor; Yusupov R.Z., Candidate of Law, Associate Professor; Ignatenkov E.A. (chief of editorial office).

Editorial council:

Matuzov N.I. (chief), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; Belousov S.A., Candidate of Law, Associate Professor; Demidov A.I., Doctor of Philosophy, Professor; Ivannikov I.A., Doctor of Law, Professor; Komarov S.A., Doctor of Law, Professor; Lisitsin-Svetlanov A.G., Doctor of Law, Professor; Starilov Y.A., Doctor of Law, Professor; Suorov S.B., Doctor of Sociology, Professor; Tumanov S.N., Candidate of Law, Associate Professor; Bayniyazov R.S., Doctor of Law, Professor; Volishin Y.A., Doctor of Law, Professor (Ukraine); Vasilevich G.A., Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); Robbers G., DR, Professor (Germany); Zielinski J., Dr hab, Professor (Poland); Lyu S., Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Малько А.В., Елистратова В.В. (г. Саратов)*
К проблеме формирования Евразийского экономического союза
как новой модели межгосударственного объединения 8
- Липкина Н.Н. (г. Саратов)*
Взаимодействие Конвенции о защите прав человека и основных
свобод 1950 г. и внутригосударственного права государств–участников
в контексте принципа субсидиарности 12
- Казанин М.В. (г. Владивосток)*
Система формирования политики национальной безопасности КНР
в начале XXI века 16

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

- Родионова А.С. (г. Саратов)*
Дублирование ответственности в российском праве 21
- Матуева Ж.М. (г. Нальчик)*
Классификация правонарушений в сфере труда 25
- Малько Е.А. (г. Саратов)*
Традиции и новации отечественной гражданской процессуальной
правовой политики (на примере медиации) 32

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

- Колесникова А.Ю. (г. Благовещенск)*
Правовая политика России в отношении
некоторых категорий инвалидов в 1991–2004 годах 37
- Манин В.А. (г. Сургут)*
Заводской Устав В.Н. Тагищева и формирование модели
горного судопроизводства на Урале во второй четверти XVIII века 43
- Сосенков Ф.С. (г. Нижний Новгород)*
Вопросы профилактики сепаратизма
и обеспечения территориальной целостности России
в конституционном проекте П.И. Пестеля 48

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

- Самусенко Т.М. (г. Владивосток)*
Из жизни кафедры теории и истории государства и права
Дальневосточного федерального университета 53
- Мирошниченко О.И. (г. Владивосток)*
Основания легитимности государственной власти
в современной России 57
- Гайворонская Я.В. (г. Владивосток)*
Правовые акты в правовой системе Российской Федерации 61
-

Иванов А.М. (г. Владивосток) О возможности учета церковно-правовых норм в формировании государственной правовой политики в современной России	67
Овчинников С.Н. (г. Владивосток) Таможенное регулирование в конституциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона	71
Кочубей О.И. (г. Владивосток) Проблемы возвращения белоэмигрантов в Советскую Россию из Маньчжурии	76
Сонин В.В. (г. Владивосток) Проект рецепции американского конституционного права на Дальнем Востоке России (1920 год)	80

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Смирнов Д.А. (г. Ставрополь), Струсь К.А. (г. Пятигорск) О правовых основах оценки качества образования	84
Иванченко Е.А. (г. Ставрополь) Проблемы использования интерактивных методов обучения в преподавании правовых дисциплин	89
Ткачева Н.А. (г. Ставрополь) Проблемы реализации некоторых принципов конституционного строя Российской Федерации на современном этапе	92
Дотдаева О.Н. (г. Ставрополь) Теоретические и правоприменительные проблемы правового регулирования административно-территориального устройства Ставропольского края	98
Вышеслава Т.Ф. (г. Ставрополь) Социальные права граждан как показатель развития социального государства	103
Берсей Д.Д. (г. Ставрополь) Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства	109
Третьяк М.И. (г. Ставрополь) Некоторые вопросы установления сущности обмана как способа совершения мошенничества в современном российском уголовном законодательстве и судебной практике	113
Артамонова Е.А. (г. Ставрополь) Значение волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке	118
Зибер А.Э. (г. Ставрополь) Биологическое и социальное в структуре аномального поведения	125
Балакирева Л.М. (г. Ставрополь) Комплектование Юстиц-коллегией штатов подчиненных судебных органов в 1718 году	128

Трибуна молодого ученого

- Михалёва И.В. (г. Находка)*
Взаимодействие институтов президента и правительства
Российской Федерации и Республики Корея
в условиях политической трансформации современности 135
- Ахмедов А.Я. (г. Саратов)*
Договор трансфера спортсмена 137
- Кухтяева Е.А. (г. Махачкала)*
Постановка вопросов, подлежащих разрешению
присяжными заседателями 140

Материалы круглого стола

«Концепция судебной политики в современной России: проблемы формирования» (г. Пенза, 8 ноября 2013 г.)

- Малько А.В. (г. Саратов)*
Судебная жизнь общества как объект судебной политики 144
- Терёхин В.А. (г. Пенза)*
Некоторые аспекты содержания проекта
Концепции судебной политики в Российской Федерации 146
- Фомин А.А. (г. Пенза)*
К вопросу о принципах формирования
и реализации судебной политики 150
- Саломатин А.Ю. (г. Пенза)*
О ценности французского опыта подготовки судей 151
- Рудковский В.А. (г. Волгоград)*
Роль суда в правоприменительной политике 152

Персоналии

- К юбилею Рудольфа Левоновича Хачатурова 155

CONTENT

LEGAL AND POLITICAL LIFE OF SOCIETY

- Malko A.V., Elistratova V.V. (Saratov)*
To the problem of formation of the Eurasian economic union
as a new model of interstate association 8
- Lipkina N.N. (Saratov)*
The interaction of the Convention for the Protection of Human Rights
and Fundamental Freedoms 1950 and the domestic law of the States Parties
in the context of the principle of subsidiary 12
- Kazanin M.V. (Vladivostok)*
People's Republic of China national security system in early XXI century . . . 16

FIELD ASPECTS OF LEGAL POLICY

- Rodionova A.S. (Saratov)*
Overlapping of responsibilities in Russian law 21
-

<i>Matueva Z.M. (Nalchik)</i>	Classification of offences in the sphere of labor	25
<i>Malko E.A. (Saratov)</i>	Traditions and innovations of domestic civil procedural legal policy (on the example of mediation)	32

HISTORICAL ASPECT OF LEGAL POLICY

<i>Kolesnikova A.Y. (Blagoveshchensk)</i>	Legal policy of Russia as regards some categories of persons with disabilities in the period 1991–2004	37
<i>Manin V.A. (Surgut)</i>	The mining court of V.N. Tatischev and formation model mining legal proceedings in the Urals in the second quarter of the XVIII century	43
<i>Sosenkov F.S. (Nizhny Novgorod)</i>	The issues of prevention of separatism and ensure Russia’s territorial integrity in the constitutional project of P.I. Pestel	48

**PRESENTATION OF CHAIR OF THEORY AND HISTORY
OF STATE AND LAW OF LAW SCHOOL
OF FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY**

<i>Samusenko T.M. (Vladivostok)</i>	From life of chair of theory and history of state and law of the Far Eastern Federal University	53
<i>Miroshnichenko O.I. (Vladivostok)</i>	The grounds for legitimacy of the state power in modern Russia	57
<i>Gaivoronskaya Y.V. (Vladivostok)</i>	Legal acts as a part of Russian legal system	61
<i>Ivanov A.M. (Vladivostok)</i>	On the possibility of taking into account of the Church law norms in establishment of legal policy of the state in modern Russia	67
<i>Ovchinnikov S.N. (Vladivostok)</i>	Customs regulation in the constitutions of Asian Pacific countries	71
<i>Kochubei O.I. (Vladivostok)</i>	The problems of white emigrant’s return from Manchuria to Soviet Russia	76
<i>Sonin V.V. (Vladivostok)</i>	A project of reception of American constitutional law in the Far East of Russia (1920)	80

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF
RUSSIAN FEDERATION – NORTH CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY
LEGAL INSTITUTE**

<i>Smirnov D.A. (Stavropol), Strus K.A. (Pyatigorsk)</i>	On the legal basis of the estimation of the education’s quality	84
<i>Ivanchenko E.A. (Stavropol)</i>	Problems of use of interactive methods in the teaching of legal disciplines	89
<i>Tkatcheva N.A. (Stavropol)</i>	Problems of realization of some principles of the constitutional system of the Russian Federation at the present stage	92

<i>Dotdaeva O.N. (Stavropol)</i>	Some theoretical and enforcement problems of legal regulation of administrative-territorial system of the Stavropol region	98
<i>Vysheslavova T.F. (Stavropol)</i>	Social rights of citizens as the indicator of development of the welfare state	103
<i>Bersey D.D. (Stavropol)</i>	Dangerous condition of a person in context of russian modern criminal law	109
<i>Tretyak M.I. (Stavropol)</i>	Some issues of the establishing entity of cheating as a way of committing fraud in the modern Russian criminal legislation and judicial practice	113
<i>Artamonova E.A. (Stavropol)</i>	The meaning of the application of the accuser and (or) the suspect for making the decision about the further procedure of the criminal trial in a special order	118
<i>Sieber A.E. (Stavropol)</i>	Biological and social in the structure of anomalous behavior	125
<i>Balakireva L.M. (Stavropol)</i>	Staffing by the Judicial Collegium states of the subordinate judicial authorities in 1718	128

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

<i>Mihaleva I.V. (Nahodka)</i>	The interaction of the institutions of the President and the government of the Russian Federation and the Republic of Korea in the political transformation of modernity	135
<i>Ahmedov A.Y. (Saratov)</i>	Athlete's transfer agreement	137
<i>Kukhtyaeva E.A. (г. Махачкала)</i>	Statement of the questions which are subject to permission jurors	140

ROUND TABLE DISCUSSION'S MATERIALS

«Conception of judicial policy in modern Russia: discuss the project» (Penza, 8 November 2013)

<i>Malko A.V. (Saratov)</i>	Judicial life of society as the object of judicial policy	144
<i>Terehin V.A. (Penza)</i>	Some aspects of content of the project of the Conception of judicial policy in Russian Federation	146
<i>Fomin A.A. (Penza)</i>	To the question about principals of forming and realizing of judicial policy	150
<i>Salomatin A.Y. (Penza)</i>	About the value of French experience of judges' training	151
<i>Rudkovskiy V.A. (Volgograd)</i>	The role of a court in law-realizing policy	152

PERSONNELS

	To the jubilee of Rudolf Levonovich Hachaturov	155
--	--	-----

• ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

А.В. Малько,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН
igp@sgar.ru

В.В. Елистратова,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры немецкого и французского языков
Саратовской государственной юридической
академии
kdf@sgar.ru

К проблеме формирования Евразийского экономического союза как новой модели межгосударственного объединения

***Аннотация:** статья посвящена проблеме формирования основ эффективного правового обеспечения деятельности новой наднациональной структуры на основе положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и организаций, а также Европейского Союза. Подчеркивается необходимость четкого определения правовой природы новой межгосударственной модели.*

***Ключевые слова:** интеграция, постсоветское пространство, Евразийский экономический союз, форма межгосударственного объединения, правовая политика в сфере объединения государств.*

***Summary:** the article is devoted to the formation of efficient legal support of a new supranational structures based on existing good practice in the post- interstate associations and organizations, as well as the European Union. Requires a clear definition of the legal nature of a new interstate model.*

***Keywords:** integration, post-Soviet space, the Eurasian Economic Union, a form of interstate associations, legal policy in the sphere of association.*

В условиях глобализации наблюдается неразрывная связь национальных и интернациональных интересов. Коренные национальные интересы могут быть обеспечены лишь в контексте общих интересов государств, значение которых становится все более определяющим. Не случайно межгосударственные интеграционные процессы приобретают сегодня особую значимость. Эффективное государственное строительство невозможно без проведения адекватной, равноуровневой правовой политики в сфере равноправного сотрудничества стран мирового сообщества. Достижения в рамках внутригосударственного реформирования теснейшим образом связаны с межгосударственной интеграцией. При решении задач планетарного масштаба глобализационные процессы должны иметь

управляемый характер, чему призвана способствовать правовая политика в сфере объединения государств¹.

Главная проблема современной российской государственности — проблема суверенитета. Сущность суверенитета сегодня не сводится лишь к свободе государства в независимом осуществлении своей власти, но дополняется стремлением к полноценному сотрудничеству в рамках межгосударственных объединений на благо человека и всего общества. Оптимальным является сочетание суверенитета государств и новых форм межгосударственного общения с созданием наднациональных структур.

Вопрос о суверенитете государств-членов таких объединений не случайно вызывает серьезные разногласия и усиливает центробежные тенденции в межгосударственных интеграционных процессах. Наглядным примером является опыт европейской интеграции в связи с проектом Конституции Европейского Союза. Государства-члены ЕС усмотрели угрозу размывания государственного суверенитета и национальной самобытности в процессе интеграции, что и привело к провалу проекта Конституции. Основная причина этого состоит в отсутствии компромиссного решения по вопросам суверенитета.

В межгосударственном объединении с наднациональными органами принцип субсидиарности призван охранять суверенные интересы и национальную идентичность. Этот принцип является гарантией защиты национального суверенитета государств-членов от посягательств со стороны наднациональных органов. В то же время он придает позитивную динамику интеграционному процессу, т. к. на определенных этапах интеграции служит укреплению наднациональных структур.

В интеграции стран на постсоветском пространстве ведущая роль отводится именно России как естественному ядру объединительных процессов. Идеи о возможной интеграции бывших советских республик стали возникать практически сразу после развала СССР. Содружество Независимых Государств, выполнив достаточно важную историческую миссию, не превратилось в эффективный механизм правового регулирования отношений между странами постсоветского пространства. Союз России и Белоруссии, демонстрируя достаточно высокий уровень сближения стран, касается лишь двусторонних связей.

Формирование и функционирование межгосударственных структур на постсоветском пространстве — процессы, имеющие свои уникальные особенности и специфические черты. СНГ, Союзное государство России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и другие объединения представляют собой различные формы межгосударственного общения. Однако сегодня действенная модель взаимоотношений государств на постсоветском пространстве еще не найдена.

Будущее государство постсоветского пространства связано с процессом их дальнейшего единения, установлением прочных, взаимовыгодных многосторонних отношений. Важно определить приемлемую форму межгосударственного объединения с передачей ему определенных надгосударственных

---

¹ См.: Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2006. С. 464–465.

полномочий. Идея Евразийского союза представляется достаточно оптимистичной и реализуемой.

В.В. Путин предлагает «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹. «Тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени»².

Российская Федерация будет способствовать углублению евразийской интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан и созданию к 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, исходя из открытости этих процессов для присоединения других государств, прежде всего членов Евразийского экономического сообщества и участников СНГ. Наша страна готова содействовать международному позиционированию новых интеграционных структур.

На современном этапе следует разработать основы эффективного правового обеспечения деятельности новой наднациональной структуры именно с применением положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и организаций, а также Европейского Союза. Необходимо выявить эффективные средства правового обеспечения деятельности Евразийского Союза на основе продуманной правовой политики. Требуется научное осмысление правовой основы и четкое определение правовой природы новой межгосударственной модели, правовое прогнозирование развития интеграционных процессов. Большое значение будут иметь рекомендации и предложения ученых, направленные на совершенствование организационно-правового механизма Евразийского союза. Важно также определение основных тенденций в сфере межгосударственного объединения.

В процессе развития межгосударственных структур на постсоветском пространстве проявляются и некоторые особенности, характерные для модели Европейского Союза. При формировании Евразийского экономического союза следует учитывать как опыт межгосударственных объединений с участием Российской Федерации, так и опыт Европейского Союза, который представляет большую практическую ценность. Европейский Союз — крупнейшее современное интеграционное объединение, не имеющее аналогов в мире. Это новое и уникальное явление в современном мире, которое находится в процессе постоянных изменений³.

Евразийский экономический союз — уникальный проект, который призван реализовать новые возможности в интеграции на постсоветском пространстве. Он впитает многое от Европейского Союза, но не станет его аналогом. Это не попытка воссоздания СССР. Это будет новая форма

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

² См.: Там же.

³ См.: Костенко М.Л., Лавренова Н.В. ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация? // Государство и право. 1994. № 4. С. 105.

межгосударственного объединения со свойственными ей специфическими чертами и особенностями.

Вопрос об организационно-правовой форме новой модели объединения на постсоветском пространстве, особенно с учетом трансформации форм его существования на различных этапах интеграции требует детального научного анализа, в том числе с позиций государственно-правового подхода.

Научное теоретическое изучение новой формы межгосударственного объединения представляет особую важность, поскольку именно от формы межгосударственного объединения зависит реализация его целей и задач. При этом необходимо учитывать, что форма межгосударственного объединения теснейшим образом связана с элементами формы государства.

Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 6 октября 2007 г.¹, Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., Договор о зоне свободной торговли в рамках СНГ², а также создание Единого экономического пространства с 1 января 2012 г. заложили реальную правовую основу для создания и функционирования будущего Евразийского экономического союза.

Особо следует подчеркнуть значение Единого экономического пространства. О.Ю. Бакаева считает, что цели его создания превосходят приоритеты предыдущего этапа альянса, они расширяют границы правовой политики, не ограничиваясь только таможенными вопросами: формирование эффективной транспортной инфраструктуры, благоприятного инвестиционного климата; свободное движение товаров, капитала, рабочей силы и услуг на основе унифицированного законодательства; расширение рынков сбыта, обеспечение устойчивого и сбалансированного развития трех стран³.

По мнению О.Ю. Бакаевой, вступление России в ВТО позволит стабилизировать российское законодательство, которое должно соответствовать международным нормам. основополагающей характеристикой обновленного российского законодательства должно стать оптимальное соотношение частных и публичных интересов⁴.

Введение принципа поэтапной, разноуровневой и разносторонней интеграции на постсоветском пространстве обусловлено специфическими особенностями протекающих здесь процессов. Следует согласиться с В.Ю. Лукьяновой в том, что региональная экономическая интеграция наиболее успешно развивается между государствами относительно сопоставимого уровня развития, тогда как объединение стран с различным уровнем

¹ См.: О ратификации Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза : федеральный закон РФ от 27 октября 2008 г. № 187-ФЗ // Российская газета. 2008. 29 окт.

² См.: Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. : ратифицирован Федеральным законом от 1 апреля 2012 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 14, ст. 1547.

³ См.: Бакаева О.Ю. Правовая политика Российской Федерации в преддверии формирования Евразийского экономического союза // Правовая политика и модернизация государственности : материалы междунар. науч.-практ. конференции, г. Пятигорск, 13–14 декабря 2012 г. Пятигорск, 2012. С. 211.

⁴ См.: Там же. С. 212–213.

экономического развития в рамках одного интеграционного образования делает межгосударственное объединение уязвимым для мировых экономических кризисов¹.

Сознательное и целенаправленное правовое регулирование государственного развития посредством творческого использования инструментария интеграционного права, передового правового опыта межгосударственных структур становится одним из важнейших способов обеспечения стабильности государств, адаптации их к изменяющимся условиям и жизнеспособности человечества².

Формирование основ эффективного правового обеспечения деятельности Евразийского экономического союза с использованием положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и Европейского Союза связано, прежде всего, с четким определением правового статуса и юридической природы новой межгосударственной модели. От этого зависит успех дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве.

¹ См.: Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 109.

² См.: Кашкин С.Ю. Тенденции развития интеграционного права в контексте глобализации // Законы России. 2013. № 1. С. 5.

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры европейского права и сравнительного
правоведения Саратовской государственной
юридической академии
eurolaw@sgap.ru

Взаимодействие Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и внутригосударственного права государств-участников в контексте принципа субсидиарности*

Аннотация: в статье исследуется особая роль принципа субсидиарности в процессе взаимодействия Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и внутригосударственного права государств-участников; анализируются отдельные грани такого взаимодействия.

Ключевые слова: права человека; принцип субсидиарности; взаимодействие международного и внутригосударственного права.

Summary: this article analyzes special role of the principle of subsidiarity in the process of the interaction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in 1950 and domestic law of States Parties; analyzes some aspects of such interaction.

Keywords: Human Rights; the subsidiarity principle; the interaction of international and domestic law.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00102 «Соотношение международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности: международно-правовой и сравнительно-правовой аспекты».

Принцип субсидиарности имеет особое значение в контексте взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере прав человека. Именно обращение к принципу субсидиарности позволяет ответить на некоторые сложные вопросы, возникающие в процессе реализации государством своих международных обязательств в указанной сфере. Не являются исключением и обязательства государства по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция). Показательно, что, говоря о соотношении международного и внутригосударственного права, в науке используются термины «взаимовлияние»¹, «взаимодействие»² и т. п., которые подчеркивают именно взаимный характер воздействия международного права и внутригосударственного права друг на друга. Представляется необходимым рассмотреть последовательно как роль Конвенции, так и роль внутригосударственного права в обеспечении на внутригосударственном уровне прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией.

Роль Конвенции в обеспечении прав человека на внутригосударственном уровне заключается в следующем. Во-первых, несоблюдение государством своего общего обязательства по обеспечению эффективного взаимодействия положений Конвенции и внутригосударственного права не освобождает его от ответственности за нарушение конвенционных положений. Так, в постановлении по делу «Smith and Grady v. The United Kingdom» Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) установил, что Высокий Суд (High Court) и Апелляционный Суд, отметив в ходе судебного разбирательства по жалобе заявителя, что Конвенция не является частью английского права, указали, что суды не могут отвечать на вопрос о том, нарушено ли право заявителей, предусмотренное ст. 8 Конвенции. Однако, по мнению ЕСПЧ, отказ внутригосударственных судов рассмотреть спорный вопрос сквозь призму принципов, лежащих в основе анализа ЕСПЧ жалоб по ст. 8 Конвенции, лишает заявителей эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения их права, гарантированного ст. 8 Конвенции³.

Во-вторых, несмотря на наличие у государства свободы усмотрения в вопросах, касающихся формы закрепления на внутригосударственном уровне стандартов прав и свобод, гарантированных Конвенцией, такая свобода усмотрения ограничивается требованием обеспечения эффективной реализации существа гарантированных Конвенцией прав и свобод. Так, в постановлении по указанному делу «Smith and Grady v. The United Kingdom» ЕСПЧ указал в отношении ст. 13 Конвенции, что данная статья гарантирует наличие средств правовой защиты на внутригосударственном уровне для обеспечения соблюдения *самого существа прав и свобод*, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они не были закреплены во внутригосударственном правовом порядке⁴. Таким образом, в тех случаях, когда конвенционные стандарты прав

¹ См., напр.: Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3.

² См., напр.: Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. Владивосток, 2005.

³ См.: Smith and Grady v. the UK, nos. 33985/96 and 33986/96, § 136, 27 September 1999.

⁴ См.: Там же.

и свобод, будучи минимальными по содержанию, по каким-либо причинам являются более высокими, чем те, которые закреплены во внутригосударственном праве, а государство действует не в рамках свободы усмотрения по изменению объема гарантированных в Конвенции прав и свобод, институциональной внутригосударственной гарантией реализации обязательств по Конвенции должно стать эффективное внутригосударственное средство правовой защиты, позволяющее защитить именно «конвенционное» право. Как представляется, указанная правовая позиция ЕСПЧ свидетельствует, в том числе, о необходимости закрепления и соблюдения государством требований приоритета применения положений Конвенции в случае наличия коллизии между нормами Конвенции и внутригосударственного права.

В-третьих, внутригосударственное право должно толковаться с учетом стандартов Конвенции. Конвенция предусмотрела создание ЕСПЧ, в ведении которого находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и протоколов к ней. Таким образом, государство обязано совершенствовать свое внутригосударственное право под воздействием процесса развития стандартов Конвенции в практике ЕСПЧ. Вместе с тем в указанной сфере государство пользуется и определенной свободой усмотрения по изменению объема конвенционных стандартов, а также по их толкованию в тех случаях, когда Конвенция или правовые позиции ЕСПЧ содержат основания для такого усмотрения. Меньше всего вопросов вызывают общепризнанные стандарты, например, срок досудебного заключения под стражу, принцип *habeas corpus*, презумпция невиновности и др., поскольку за долгие годы существования и деятельности ЕСПЧ они большей частью уже имплементированы во внутригосударственное право государств-участников и не вызывают особых разночтений. Однако в последние годы все чаще перед ЕСПЧ встают все новые вопросы, обусловленные развитием общественных отношений и обуславливающие необходимость «обновления» Конвенции путем выработки ЕСПЧ новых правовых позиций по ранее не рассматриваемым аспектам гарантированных прав и свобод, что может поставить вопрос о необходимости, например, существенного изменения, в отдельных случаях, внутригосударственного права либо интерпретационной линии соответствующих органов¹.

Таким образом, все указанные аспекты влияния Конвенции на процесс обеспечения прав и свобод человека на внутригосударственном уровне подтверждают субсидиарный характер системы защиты прав человека, созданной на основании Конвенции. Конвенция призвана закрепить дополнительные гарантии прав и свобод, которые имеют особое значение в тех случаях, когда государство не обеспечило права и свободы надлежащим образом самостоятельно. Такие дополнительные гарантии действуют как в процессе закрепления государством внутригосударственных гарантий прав и свобод и в процессе их реализации им, так и в процессе защиты государством нарушенных прав и свобод.

¹ Следует отметить, что роль Конвенции в процессе обеспечения прав и свобод человека на внутригосударственном уровне определяется не только материальным аспектом принципа субсидиарности, но и процессуальным его аспектом. ЕСПЧ имеет право осуществлять контроль за выполнением государством-участником своих обязательств по Конвенции, в том числе и соответствия толкования внутригосударственного права обязательствам по Конвенции.

Что касается роли внутригосударственного права в обеспечении прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией, то она состоит в том, что, во-первых, в силу принципа субсидиарности, внутригосударственный уровень защиты прав человека остается основным уровнем защиты прав и свобод человека, в том числе закрепленных в Конвенции¹. Права и свободы человека нередко могут быть обеспечены практически только при наличии внутригосударственного права. Несмотря на политико-правовую значимость конвенционных положений, закрепляющих права и свободы человека, многие из них не являются самоисполнимыми². При этом внутригосударственные стандарты прав человека могут быть выше, чем стандарты прав человека, закрепленные в Конвенции, а также иметь специфику содержания в рамках свободы усмотрения государства³. С этой точки зрения, внутригосударственное право имеет характер правового базиса обеспечения прав человека, именно внутригосударственные принципы и нормы максимально пригодны для непосредственного регулирования вопросов прав человека.

Во-вторых, государство имеет свободу усмотрения по осуществлению вмешательства в гарантированные Конвенцией права и свободы, в том числе свободу определять (с соблюдением всех принципов, установленных в Конвенции и в правовых позициях ЕСПЧ) пределы прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией; вводить постоянные и временные ограничения таких прав и свобод; устанавливать допустимые различия в правовом регулировании положения отдельных лиц и др. При осуществлении любого вмешательства в гарантированные права и свободы государство должно соблюдать, в частности, принцип законности. При этом государства имеют право самостоятельно определять, каким образом закрепить во внутригосударственном праве права и свободы, гарантированные Конвенцией, и их пределы. Ограничивается свобода усмотрения государства по закреплению во внутригосударственном праве стандартов прав и свобод необходимостью соблюдения принципа верховенства права⁴, а также принципа правовой определенности, выражающегося, в частности, в требованиях доступности, ясности, предсказуемости последствий применения правового акта⁵.

¹ См.: Красиков Д.В. Юрисдикция Европейского суда по правам человека: принцип субсидиарности : дис. канд. юрид. наук. Казань, 2004.

² См., напр.: *Ciulla v. Italy*, no. 11152/84, 22 February 1989 (Dissenting opinion of judge Valticos, approved by judge Matscher). P. 17.

³ Такая свобода усмотрения может проистекать либо из прямого указания статьи Конвенции, либо из отсылочной нормы Конвенции к внутригосударственному праву, либо из способа формулировки статьи Конвенции, представляющей пространство для усмотрения государства ввиду размытости формулировки и ее абстрактного характера.

⁴ Так, например, в постановлении по делу «*Malone v. the United Kingdom*» ЕСПЧ отметил, что в свете принципа верховенства права смысл формулировки «предусмотрено законом» приобретает также такой аспект, как необходимость закрепления в документе, являющемся правовым основанием для вмешательства, мер правовой защиты от произвола государственных органов при его осуществлении (см.: *Malone v. the United Kingdom*, no. 8691/79, § 67, 2 August 1984).

⁵ Так, в постановлении по делу «*Goussev and Marenk v. Finland*» ЕСПЧ, отметив, что условия осуществления вмешательства в право заявителя, гарантированное ст. 10 Конвенции, во внутригосударственном праве четко не обозначены, установил, что вмешательство не было предусмотрено законом, поскольку заявитель не имел возможности предвидеть такое вмешательство (см.: *Goussev and Marenk v. Finland*, no. 35083/97, § 54, 17 January 2006).

В-третьих, в случае наличия в положениях Конвенции отсылки к внутригосударственному закону внутреннее право, по сути, «инкорпорируется» в Конвенцию¹, представляя собой неотъемлемую часть стандартов соответствующего права или свободы человека и возлагая на государство обязанность по разработке и принятию соответствующих норм. В таких случаях происходит совместное действие норм Конвенции и внутригосударственного права. Это приводит к тому, что при реализации стандартов прав человека, а особенно при вмешательстве в такие права и свободы должна соблюдаться «двойная» законность, т. е. вмешательство в гарантированные права и свободы человека должно быть правомерным как с точки зрения Конвенции, так и с точки зрения внутригосударственного права.

Подводя итог, можно привести мнение Г. Петцольда о том, что принцип субсидиарности — ключевой принцип процесса имплементации Конвенции², предоставляющий государству свободу усмотрения во многих вопросах: о способе имплементации; о форме закрепления и о толковании стандартов Конвенции во внутригосударственной правовой системе; а также в вопросах установления оснований для вмешательства в гарантированные права и свободы и др. Следует отметить, что принцип субсидиарности, тем не менее, не дает государству безграничную свободу усмотрения. Прежде всего, государство всегда должно иметь в виду принципы добросовестности, обеспечения эффективных прав и свобод, законности, соразмерности и другие принципы, закрепленные в Конвенции и выработанные в практике ЕСПЧ.

¹ См.: *Petzold H.* The Convention and the Principle of Subsidiarity // *The European System for the Protection of Human Rights* / ed. by [R.St.J. Macdonald etc.]. Dordrecht, 1993. P. 51.

² См.: *Ibid.* P. 59–60.

М.В. Казанин,
старший преподаватель кафедры
Тихоокеанской Азии Школы региональных
и международных исследований
Дальневосточного федерального университета
mkazanin@yandex.ru

Система формирования политики национальной безопасности КНР в начале XXI века

Аннотация: статья посвящена системе выработки положений политики национальной безопасности Китайской Народной Республики в свете постоянных геополитических изменений и роли военных и гражданских звеньев этой системы.

Ключевые слова: Китай, национальная оборона, национальная безопасность, НОАК, ВМС, ВВС, система, разработчик, сбор и анализ информации.

Summary: the article is devoted to the development of the system of the provisions of national security policy of the People's Republic of China in situation of the constant geopolitical changes, and the role of the military and civilian elements of this system.

Keywords: china, national defense, national security, the PLA Navy, Air Force, Second Artillery Force, the system, designer, the collection and analysis of information.

С точки зрения классической геополитики (по Макинтеру) Россия контролирует ключевой район мира, сердце мира — Хартленд (Евразию). Однако, как отмечает современный российский геополитик С.Г. Киселев, в последние десятилетия в мире стали происходить серьезные геополитические сдвиги, которые могут привести к утере Россией этого контроля. Среди новых претендентов на эту роль — Китай, стремительно набирающий геополитический и геостратегический вес и всесторонне укрепляющий систему национальной безопасности¹. В связи с этим представляется необходимым обратить особое внимание на систему формирования политики национальной безопасности КНР в начале XXI в.

Одной из важнейших составляющих политики национальной безопасности КНР является национальная оборона, обеспечение которой возложено на Народно-освободительную армию Китая (НОАК) и, в определенной мере, на другие министерства и ведомства (Министерство государственной безопасности).

Ключевыми компонентами национальной обороны являются: военная доктрина, оперативная доктрина, военный бюджет, организационно-штатная структура родов войск, порядок развертывания войск, обучение и готовность подразделений, стратегические и тактические маневры подразделений, анализ военных угроз, контроль за вооружениями и ядерным разоружением, нераспространение оружия массового уничтожения, контакты с вооруженными силами других стран, поставки вооружений за рубеж.

В разработке политики национальной обороны ключевую роль выполняет НОАК, решение о принятии ее к исполнению входит в функции Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) и Центрального военного совета (ЦВС), поскольку в руководящих документах КНР четко определена главенствующая роль партии над вооруженными силами.

При формулировании стратегически важных положений политики национальной обороны самыми важными считаются мнения Начальника Генерального штаба (ГШ) НОАК, командующих Военно-морскими (ВМС) и Военно-воздушными (ВВС) силами НОАК, а также руководителя Комиссии по науке и технологиям, промышленности, национальной обороне (КНТПНО)².

ГШ НОАК собирает и анализирует информацию, на основе которой осуществляет оперативное планирование и формулирует директивы для родов и видов войск.

За последние 20 лет сложилась практика параллельного обсуждения важнейших стратегических вопросов национальной безопасности и национальной обороны: ЦВС и ГШ НОАК, ЦВС и ВМС и ВВС НОАК. Именно командование ВМС в консультациях с высшим руководством страны доказало необходимость создания «океанских» военно-морских сил, что позволит

---

¹ См.: Киселев С.Г. Геополитические сдвиги и вызовы безопасности России // Концептуальные проблемы национальной безопасности Российской Федерации : материалы круглого стола. М., 2008. С. 215–216.

² См.: Роль ВС КНР в процессе формирования политики национальной безопасности // RAND: URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR782-1.pdf (дата обращения: 18.11.2013).

обеспечить политическую и экономическую безопасность страны в свете нарастающих угроз из-за океана. Однако не во всех вопросах ВМС НОАК получает равнозначную с Сухопутными войсками (СВ) поддержку по причине «сухопутной» ориентированности некоторых влиятельных гражданских экспертов по внешней политике¹.

Не столь значительную, по нашему мнению, роль в принятии стратегических решений по формированию политики национальной безопасности выполняют ВВС НОАК, в которых до сих пор имеются серьезные проблемы как в кадровой, так и технической составляющей, что низводит их до положения «воздушного щита».

Главное политическое управление (ГПУ), Главное управление работы тыла (ГУРТ) и Второе артиллерийское управление выполняют роль консультантов и информаторов по конкретным оперативным вопросам национальной обороны². Исполнительный комитет ЦВС, выполняя обязанности руководящего звена в цепочке формирования политики национальной обороны, проводит постоянные консультации с руководителями названных управлений.

Академия военных наук и Университет национальной обороны КНР выполняют в основном экспертные функции: осуществляют оценку теоретических положений и предложений в области политики национальной обороны. Проверка современных стратегий и тактик всех родов и видов войск также входит в компетенцию этих двух учреждений, их силами проводятся масштабные компьютерные и реальные учения на одном из трех комплексных полигонов НОАК, по результатам которых формируется список предложений, направленных на обеспечение национальной обороны в современных условиях.

В разработке стратегии национальной обороны также принимают участие отдел политических исследований при ЦВС, ряд институтов ВМС НОАК, Центр мира и развития Ассоциации международных дружественных контактов КНР (ЦМР АМДК) КНР.

В системе сбора и анализа иностранной открытой и закрытой информации, которая используется для формирования концептуальных положений стратегии национальной безопасности КНР, можно, помимо военного звена, выделить и гражданское звено.

Гражданское звено системы сбора и анализа информации для обеспечения национальной безопасности КНР включает: Постоянный совет ЦК КПК, ЦВС, Управление внешних сношений Госсовета, разработчиков высшего звена — Институт сравнительных международных отношений (ИСМО), Институт международных исследований, Департамент зарубежных новостей и информации агентства «Синьхуа», разработчиков низшего звена — Институт мировой экономики и политики, Институт США, Институт России, Восточной Европы АОН, Исследовательский центр развития, Международный научно-исследовательский центр и отдел Госсовета,

¹ См.: Ежегодный доклад конгрессу по развитию вооруженных сил КНР // Department of Defense: http://www.defense.gov/pubs/2013_China_Report_FINAL.pdf (дата обращения: 18.11.2013).

² См.: Роль ВС КНР в процессе формирования политики национальной безопасности // RAND: URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR782-1.pdf (дата обращения: 18.11.2013).

Исследовательский центр политики, Шанхайский институт международных исследований МИД и различные вузы КНР¹.

Принцип разделения органов-разработчиков высшего и низшего звена заключается в узкой направленности деятельности исходя из названия самого органа, его подчиненности определенному ведомству, а также численному составу сотрудников.

Доклады, подготовленные вышеперечисленными организациями, поступают параллельно в Постоянный комитет ЦК КПК, постоянный комитет ЦВС и отдел внешних сношений Госсовета КНР, на их основе формулируются официальные программные выступления руководителей страны. Ежегодно составляется список всех поступивших докладов с отметкой об использовании в руководящих документах.

Как правило, поступающая в различные гражданские организации информация военного толка перенаправляется в распоряжение аналитиков Второго управления (внешняя разведка) ГШ НОАК, которое отвечает за ее обработку и оценку. Однако есть исключительный случай — это ЦМР АМДК КНР, задачей которого является сбор и анализ стратегически важной информации, поступающей из Макао, Гонконга и Тайваня. Данный центр подчиняется Отделу внешних территорий ГПУ НОАК.

Такая система обеспечивает руководство КНР важнейшей информацией как стратегического, так и оперативного характера по следующим вопросам:

- взаимоотношения между лидирующими и развивающимися странами;
- глобальное, региональное и субрегиональное развитие в политической, экономической, социальной и военной сферах;
- состояние вооруженных сил стран-соседей;
- поставки вооружений и другая информация военного характера².

Военные и гражданские звенья системы находятся в постоянном взаимодействии, которое выражается в проведении специальных двухсторонних конференций и семинаров, что позволяет согласованно вырабатывать схемы действий по следующим важнейшим направлениям:

- отношения с США и Евросоюзом;
- отношения с Японией и Республикой Корея;
- отношения с соседями по Среднеазиатскому региону;
- отношения с Тайванем;
- политика военной безопасности и военное строительство;
- защита национальных интересов у границ и в регионе в целом и т. д.³

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что система органов, отвечающих за формирование политики национальной безопасности в КНР, носит вертикальный характер с одновременным параллельным подчинением; сформированы специальные постоянные комитеты и

¹ См.: Чжунго Шихуй Кэсюэ луньтань «Даго дэ я тай чжаньюэ» гоцзи сюэшу яньфухуй цзунцзе // НИИ глобальной и азиатско-тихоокеанской стратегии АОН КНР: URL: <http://niis.cass.cn/cate/141802.htm> (дата обращения: 18.11.2013).

² См.: Роль ВС КНР в процессе формирования политики национальной безопасности // RAND: URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR782-1.pdf (дата обращения: 18.11.2013).

³ См.: Там же.

управления, в рамках которых работают профессионалы по конкретным направлениям внешней политики, экономики, военного дела, согласованно вырабатывающие предложения по стратегическому развитию страны. В КНР разработаны следующие стратегии: «Мирного возвышения КНР», «Мирного окружения КНР», «Единой сетевой войны», «Воздушно-морских объединенных операций», «Океанского флота», «Регионального контрвмешательства». Разработаны и осуществляются стратегические планы, а именно: «Национальный план по развитию и исследованиям в области высоких технологий 863», «Национальный план по развитию и исследованиям в области высоких технологий 973», «Плановая программа информационной безопасности 242», «Национальная безопасность 115», «Проект планирования национальной информационной безопасности S219»¹.

Взаимоотношения между гражданским и военным секторами системы становятся все более тесными, многие бывшие высшие офицеры занимают руководящие посты в Академии общественных наук КНР и в других гражданских научно-исследовательских заведениях. При этом военный сектор не диктует свою волю гражданскому сектору, но является полезным оппонентом, поскольку «военное мышление», которым руководствовались такие руководители Китая, как Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, показало свою эффективность в тяжелый переходный период, период политики «Четырех модернизаций»².

В заключение следует отметить, что руководством КНР определены два стратегических направления в сфере национальной обороны:

- «ближне-среднесрочное» — повышение эффективности Вооруженных сил страны для обеспечения внешней политики;
- «долгосрочное» — наращивание сил для обеспечения интересов страны за пределами так называемого «домашнего» для КНР региона.

Следует согласиться с мнением, что Российской Федерации, последовательно укрепляющей разносторонние отношения с КНР, приходится учитывать возрастающий потенциал геополитического соседа, дабы избежать нежелательного «возможного сдвига геополитического эпицентра»³.

¹ См.: Интерпретация большой стратегии КНР // RAND: URL: http://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB61/index1.html (дата обращения: 18.11.2013).

² См.: Новые руководители ВС КНР // Global Defence.net: URL: <http://www.globaldefence.net/portals/security/22269-chinaas-new-military-leadership.html> (дата обращения: 18.11.2013).

³ Киселев С.Г. Указ. соч. С. 216.

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.С. Родионова,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической
академии
rodionova@mail.ru

Дублирование ответственности в российском праве

***Аннотация:** статья посвящена исследованию вопроса дублирования административной, дисциплинарной, уголовной ответственности в Российской Федерации. Анализируется роль оптимизации системы наказаний в российском праве.*

***Ключевые слова:** наказание, двойная ответственность, меры уголовного, административного, дисциплинарного наказания.*

***Summary:** the article is devoted to the issue of duplication of administrative, disciplinary, criminal liability in the RF. Examines the role of the optimization of the system of punishments in the Russian law.*

***Keywords:** punishment, double responsibility, criminal, administrative, disciplinary punishment.*

Важной задачей системы правовых наказаний в Российской Федерации, существующей в настоящее время, является решение вопросов ее оптимизации. В связи с этим требуется формирование научно обоснованной карательной (наказательной) правовой политики государства при активном участии институтов гражданского общества.

Дефекты, противоречия и коллизии в системе правовых наказаний имеют системный характер, нарушая ее целостность и снижая эффективность.

Так, в отечественной юридической практике нередки случаи двойной ответственности за одно и то же правонарушение. При этом ч. 1 ст. 50 Конституции РФ гласит, что закон должен исключать повторное наказание за одно и то же преступление.

В целом же законодательство Российской Федерации не должно допускать случаи двойной ответственности в отношении всех видов наказания, а не только уголовного. Лицо также не должно подвергаться повторному дисциплинарному, материальному, административному наказанию за совершение одного и того же правонарушения. Это необходимо более четко прописать в законе, и не только в УК РФ, распространив этот принцип на административное, и на трудовое право, а также на иные отрасли.

Подобные аргументы и стали поводом для исключения рецидива, повторности, неоднократности из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. До этого момента они выступали в виде квалифицирующих признаков, приводя к случаям удвоения наказания.

Ситуации с дублированием наказания возникают на практике в ходе возложения административной и дисциплинарной ответственности. Они становятся возможными при наличии дополнительных специфических условий, связанных с положением виновного лица, подвергающегося наказанию. Данные условия имеют место, например, в исправительных учреждениях Министерства юстиции РФ и в военизированных структурах, прежде всего в армии.

Дисциплинарная ответственность обеих этих категорий субъектов имеет и административные черты. Однако возникает вопрос: следует ли рассматривать отдельные наказания сквозь призму традиционного их деления на уголовные, административные и дисциплинарные?

По верному замечанию К.В. Бубона, природа наказаний, применяемых по отношению к определенной категорий субъектов права, не столь однозначна, как это может показаться с первого взгляда. К примеру, лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, и военнослужащие по своему правовому статусу находятся в отношениях подчинения к определенным должностным лицам, состоят с ними в отношениях управленческого характера¹. Эта особенность их статуса отражается и на специфике применяемых к ним правовых наказаний. К указанным категориям субъектов могут применяться наказания с двойственной природой, по своей сути более приближенные к административным и уголовным средствам воздействия, чем к дисциплинарным мерам, например, ст. 115 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в которой речь идет о мерах взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы. По мнению К.В. Бубона, законодатель далеко не случайно избегает в данном случае термина «дисциплинарный», упоминающегося в статье единожды. Следует согласиться с тем, что природа подобных наказаний не позволяет относить их в чистом виде к дисциплинарным мерам, но и к административным санкциям их также вряд ли можно причислить. Представляется, что рассматриваемые наказания имеют производный характер от основного — уголовного наказания. Уголовно-исполнительные меры призваны обеспечить должную реализацию именно отбываемого виновным лицом уголовного наказания. При этом уголовно-исполнительные санкции выполняют особую, хотя и вспомогательную функцию в механизме реализации системы наказаний. Их нельзя отнести к подсистеме ни административных, ни дисциплинарных наказаний.

Наблюдаемое внешнее сходство между краткосрочным содержанием под стражей в специализированном учреждении (например, в штрафном изоляторе в качестве наказания для осужденных к лишению свободы) и административным арестом, установленным Кодексом об административных правонарушениях РФ, не говорит об их принадлежности к одной и той же подсистеме наказаний в российском праве. Уголовно-исполнительные санкции имеют собственное предназначение и обеспечивают не порядок государственного управления как административные меры, а надлежащий режим отбывания уголовного наказания, что не одно и то же.

Представляется необходимым в теории права выделять особую подсистему наказаний, выполняющих специальную функцию второго порядка по

---

¹ См. подробнее: Бубон К.В. Без вины виноватые // Адвокат. 2008. № 1. С. 10–21.

обеспечению надлежащей реализации наказаний из другой подсистемы. В целом же правотворческая практика нуждается в более четких установках по градации правовых наказаний на виды (подсистемы), дабы не допускать двойного наказания за одно и то же правонарушение. В случае же с уголовно-исполнительными мерами при правильном их закреплении в законодательстве двойная ответственность отсутствует, ибо эти меры применяются уже не за изначально совершенное преступление, а за правонарушения, допущенные в ходе отбывания основного наказания.

Однако не всегда правотворческие органы действуют последовательно в установлении мер уголовного, дисциплинарного и иного наказания. Так, В.К. Бубон приводит пример следующей ошибки законодателя, имевшей место в недалеком прошлом. Утративший силу старый Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ в параграфе 94 содержал положение о том, что военнослужащий, подвергнувшийся дисциплинарному наказанию за совершенное преступление, не освобождается от уголовной и материальной ответственности. В данном случае налицо нарушение одного из важнейших принципов системы наказания — недопустимости его удвоения за одно правонарушение. Кроме того, правотворческим органом нарушены системные связи между наказаниями. Дисциплинарные наказания в принципе не должны применяться за совершение лицом преступления. Это является исключительно предметом правового регулирования уголовного права и сферой действия подсистемы уголовного наказания, но не дисциплинарного.

Практика наказания военнослужащих, совершивших преступления по дисциплинарному уставу и по Уголовному кодексу РФ, была весьма устойчива. В ныне действующем законодательстве отсутствует прямая оговорка о недопустимости подобного двойного наказания.

Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 был утвержден Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ¹, который исправил обозначенную ошибку в законодательстве. В соответствии с параграфом 47 указанного акта военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности только за совершение дисциплинарных проступков, которые не влекут за собой уголовной или административной ответственности. Схожая норма содержится и в ст. 28.2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76 «О статусе военнослужащих»². Рассматриваемые примеры правотворческой практики еще раз свидетельствуют о необходимости системного подхода к теоретическому исследованию наказаний в праве и практике их установления и реализации.

В качестве дополнительной гарантии от установления и применения двойной ответственности за одно и то же правонарушение В.К. Бубон упоминает судебный порядок реализации в отношении военнослужащих такого наказания, как дисциплинарный арест за совершение грубого дисциплинарного проступка. Речь идет о Федеральном законе от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при

---

¹ См.: Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (в ред. от 14 января 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 47, ч. 1, ст. 5749.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331.

применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»¹.

Однако сам по себе судебный порядок еще не является полноценной преградой для случаев применения двойной ответственности. Статья 18 названного Федерального закона гласит, что суд принимает решение о прекращении производства по материалам о грубом дисциплинарном проступке в случае «передачи указанных материалов руководителю военного следственного органа Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, если в действии (бездействии) военнослужащего содержится достаточно данных, указывающих на признаки преступления, и решение об освобождении военнослужащего от уголовной ответственности в установленном законодательством Российской Федерации порядке не принято».

Данная норма не охватывает ситуации, когда первоначально орган расследования принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела, затем к военнослужащему было применено дисциплинарное наказание в виде ареста, после чего последовала отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, и оно было в итоге возбуждено. На практике нередки случаи, когда следственные и прокурорские органы отменяют ранее вынесенные ими постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В итоге военнослужащий подвергался и уголовному, и административному наказанию за совершение одного и того же деяния, что противоречит конституционному принципу (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

При этом согласованность системы правового наказания не нарушается, если к лицу, совершившему преступление, применяется уголовное наказание и одновременно на него возлагается обязанность возместить причиненный материальный ущерб или вред здоровью потерпевшему. Подчеркнем, что меры праввосстановительного характера не могут составлять содержание наказания и выступают самостоятельным средством защиты права. Однако недопустима ситуация, когда за совершение преступления лицо подвергается, например, и уголовному штрафу, и гражданско-правовому или административному штрафу. Как результат, очевидно, что присутствие гражданского иска в уголовном процессе не является случаем нарушения принципа недопустимости двойного наказания за одно и то же правонарушение.

При одновременном назначении основного и дополнительного наказания в уголовном праве также не имеет место нарушение рассматриваемого принципа. В данном случае речь идет о комплексном, но все же едином правовом наказании, состоящем из двух взаимосвязанных мер, преследующих цель полноты воздействия на нарушителя для достижения положительного эффекта от мер репрессивного характера. И в этом случае еще раз проявляют себя системные качества наказания в праве, которое в уголовном праве нередко имеет многосоставной характер, а вся подсистема уголовного наказания разбивается на две более дробные части — основные и дополнительные меры карательного воздействия.

Таким образом, в российском законодательстве все еще имеются пробелы в правовом регулировании вопросов применения наказания, что

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 49, ч. 1, ст. 5089.

вызывает на практике ситуации двойной ответственности за одно правонарушение. Основным показателем повторного привлечения лица к ответственности в соответствии с практикой Европейского суда по правам человека принято считать возбуждение по одному и тому же факту нескольких процессуальных производств. Совершенствование российского законодательства по данному вопросу снизило число подобных случаев, но полностью не устранило проблемы. При этом несовершенство законодательства и дефектная правоохранительная практика, ориентированная на «палочную систему», возрастание статистического числа совершаемых правонарушений, по-прежнему приводит к удвоению наказания в отношении субъектов правонарушений¹.

Система наказаний, установленная в законодательстве Российской Федерации, находится на настоящий момент в состоянии, далеком от оптимального. Обобщая практику установления и реализации всей системы наказания, включая уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую подсистемы, можно констатировать, что она, безусловно, нуждается в дальнейшем повышении уровня ее согласованности, в более четкой координации между ее подсистемами и в устранении потенциальной возможности дублирования. Именно в этих целях необходимо продолжение научных изысканий в области формирования законченной общей теории системы наказаний в праве, что отчасти сдерживается узкоотраслевой направленностью большинства современных исследований рассматриваемого феномена. Комплексный и системный подход к установлению наказаний в законодательстве в перспективе может выступить весьма значимым средством повышения эффективности их действия.

¹ См.: Бубон К.В. Указ. соч. С. 10–12.

Ж.М. Матуева,
соискатель кафедры трудового права
Академии труда и социальных отношений
zhanna_927@list.ru

Классификация правонарушений в сфере труда

25

***Аннотация:** статья содержит исследование видов правонарушений с позиций общей теории права и трудового права, в рамках которого формируется классификация трудовых нарушений по различным основаниям.*

***Ключевые слова:** законность, правонарушение, субъект правонарушения, трудовое нарушение, юридическая ответственность, виды трудовых правонарушений.*

***Summary:** the article contains a study of the types of offences from the standpoint of the General theory of law and labour law, in the framework of which is formed classification violations of labour law on various grounds.*

***Keywords:** the rule of law, the offence, the subject of the offence, violation of labour law, the legal responsibility, types of labour offences.*

Современные теоретики права изучают правонарушение как самостоятельную правовую категорию. Систематизировав существующие определения данного понятия, можно сформулировать следующие необходимые признаки любого правонарушения:

– правонарушение — это всегда деяние (действие либо бездействие), т. е. определенный поведенческий акт, имеющий физическое выражение, поскольку нематериализованные мысли находятся вне правового регулирования;

– данное деяние носит обязательно виновный характер, т. е. субъект правонарушения осознает противоправность своего поведения¹;

– данное деяние всегда общественно опасно;

– субъектом правонарушения может быть лицо, обладающее определенными признаками: достижение лицом соответствующего возраста, наличие возможности осознавать значение совершаемого деяния и нести за него ответственность. Авторы по-разному именуют их: «праводееспособность», «праводеликтоспособность», «правосубъектность», «правовой статус» и др.;

– деяние является противоправным, т. е. совершается вопреки, в нарушение установленных правовыми нормами предписаний. При этом не имеет значения неосведомленность лица о противоправности совершаемого деяния: незнание закона не освобождает от ответственности;

– деяние влечет наступление вредных последствий, в том числе юридическую ответственность.

Из приведенных признаков правонарушения оспоримыми, по нашему мнению, являются общественная опасность, а также достижение совершеннолетия как на одно из обязательных условий признания совершенного лицом деяния правонарушением.

Вопрос о том, что свойство общественной опасности присуще всем правонарушениям, до настоящего времени остается дискуссионным. Преобладающей является позиция, в соответствии с которой общественная опасность — неотъемлемый признак любого правонарушения². Иное мнение выражается в признании общественной опасности только за преступлениями, все остальные правонарушения характеризуются как социально вредные³. В учебной литературе по трудовому праву об общественной опасности деяния как основании трудовое право об общественной опасности деяния как основании трудовой ответственности по общему правилу не говорится⁴. Например, В.Н. Смирнов определяет дисциплинарный проступок как деяние, «исключающее уголовную ответственность»⁵. Полагаем обоснованно-

¹ По мнению М.Н. Марченко, не считаются правонарушениями так называемые объективно противоправные деяния, хотя они и совершаются осознанно, по воле лица. Такого рода деяния совершаются в силу профессиональных или служебных обязанностей и не содержат в себе вины. См.: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 625.

² См., напр.: *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 78; *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983. С. 18; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 248; *Козлов А.П.* Понятие преступления. СПб., 2004. С. 707–710.

³ См., напр.: *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М., 1998. С. 555; *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М.; Л., 1948; *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М., 1962. С. 69; *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963.

⁴ См.: *Коробов А.Е., Хохлов Е.Б.* Правонарушение как основание юридической ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 3. С. 70.

⁵ Советское трудовое право / под ред. А.С. Пашкова, О.В. Смирнова. М., 1982. С. 308.

ванной позицию авторов, считающих общественную опасность признаком только преступлений.

В вопросе о возрасте следует отметить, что новеллизация законодательства привнесла возможность признания субъектами права (например, трудового, уголовного, гражданского) лиц, не достигших совершеннолетия. Следовательно, деликтоспособными, т. е. способными нести ответственность за свои поступки, они также становятся раньше остальных участников аналогичных отношений.

Представляется необходимым дополнить приведенный перечень признаков правонарушения еще одним: наличием причинно-следственной связи между деянием и наступившим вредом. Неблагоприятные последствия должны быть результатом конкретного деяния конкретного лица. В противном случае действие (бездействие) последнего не может быть признано правонарушением.

Общетеоретическое понятие правонарушения как социально вредного деяния, совершенного (допущенного) деликтоспособным лицом, причиняющее или могущее причинить вред другому лицу, обществу, государству, влекущее за собой юридическую ответственность, позволяет сформулировать отраслевое понятие применительно к сфере труда. Предлагаем под трудовым правонарушением понимать общественно вредное деяние работника, работодателя (его представителей) и участников иных, непосредственно связанных с трудовыми, отношений, которым нарушены нормы трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, причинившее или могущее причинить вред лицу, обществу, государству и влекущее за собой юридическую ответственность.

Ввиду разнообразия и значительной распространенности трудовых правонарушений единый критерий их классификации выработать затруднительно. Поэтому применяется комплексный критерий, объединяющий совокупность признаков, характеризующих единством правового регулирования, относительной устойчивостью и повторяемостью возникающих при этом правоотношений. Следуя традиционной структуре любого правонарушения, включающей в себя субъект, субъективную сторону, объективную сторону, объект, правонарушения в трудовом праве могут быть классифицированы по указанным критериям.

Субъектами трудового права могут быть: граждане; работники; работодатели (организации любых организационно-правовых форм или физические лица); объединения работодателей; коллективы работников, представители работников, в том числе профсоюзные органы и иные уполномоченные работниками выборные органы; органы надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства; органы по рассмотрению трудовых споров.

Статьей 20 ТК РФ определены стороны трудовых отношений — работник и работодатель. Учитывая их главенствующее положение среди субъектов трудового права, можно подразделить трудовые правонарушения по субъектному составу следующим образом:

- а) совершаемые (допускаемые) сторонами трудовых отношений, т. е. работником и работодателем;
  - б) совершаемые (допускаемые) иными субъектами трудового права.
-

В свою очередь, первую из названных групп трудовых нарушений можно классифицировать на совершаемые (допускаемые) работодателем и совершаемые (допускаемые) работником.

Применительно к последним выработан термин «дисциплинарный проступок», под которым ТК РФ понимает неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей (ст. 192). Речь идет о неисполнении (ненадлежащем исполнении) трудовых, служебных и других обязанностей, которые содержатся в правилах внутреннего трудового распорядка (ст. 189 ТК РФ), должностных инструкциях, дисциплинарных уставах, могут предусматриваться разовыми поручениями руководителей управленческих структур. К дисциплинарным проступкам относятся: опоздание на работу, прогулы, появление работника на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, нарушение требований охраны труда, невыполнение законных распоряжений работодателя и др.

По критерию отнесения субъектов трудового права к физическим и юридическим лицам совершаемые ими правонарушения можно классифицировать следующим образом:

- совершаемые физическими лицами — субъектами регулируемых трудовым правом отношений;
- совершаемые юридическими лицами — субъектами регулируемых трудовым правом отношений;
- совершаемые участниками отношений, входящих в предмет трудового права, которые не обладают статусом юридического или физического лица.

В последнем случае имеются в виду субъекты, существование которых узаконено ст. 20 ТК РФ, определяющей, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, работодателем может выступать иной субъект (не юридическое и не физическое лицо), который должен быть наделен правом заключать трудовые договоры.

Существуют субъекты трудового права, которые даже потенциально не могут выступать в роли правонарушителей в сфере труда (например, суд, комиссия по трудовым спорам, федеральная инспекция труда).

Выделяют и нетипичных субъектов трудового права¹. К последним может быть отнесен собственник имущества работодателя. Согласно ч. 12 ст. 20 ТК РФ по вытекающим из трудовых отношений обязательствам работодателей-учреждений, финансируемых полностью или частично собственником (учредителем), а также работодателей-казенных предприятий — дополнительную ответственность несет собственник (учредитель) в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

К нетипичным субъектам трудового права относят также родителей (опекунов) — при подписании ими трудовых договоров в соответствии с ч. 4 ст. 63 ТК РФ для работы лиц, не достигших возраста 14 лет, в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках с согласия одного из родителей (опекуна) и разрешения органа опеки и попечительства для участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию. Законные представители фи-

¹ См.: *Еремина С.Н.* Нетипичные субъекты трудового права // Трудовое право. 2011. № 1. С. 53–59.

зических лиц в трудовом законодательстве в качестве нетипичных субъектов трудового права встречаются и в других нормах ТК РФ. Так, от имени физических лиц, имеющих самостоятельный доход, достигших возраста восемнадцати лет, но признанных судом недееспособными, их опекунами могут заключаться трудовые договоры с работниками в целях личного обслуживания этих физических лиц и помощи им по ведению домашнего хозяйства (ч. 9 ст. 20 ТК РФ).

Допуская возможность выделения категории «нетипичных» субъектов трудового права, полагаем, что нет необходимости совершаемые такими субъектами правонарушения выделять в особую категорию, поскольку каждый из них также относится к категории юридических (физических) лиц либо лиц, не обладающих ни одним из этих статусов.

По критерию субъективной стороны правонарушения в трудовом праве можно выделить следующие виды трудовых нарушений:

- умышленное трудовое нарушение;
- трудовое нарушение, совершенное по неосторожности.

Субъективное отношение лица, совершающего (допускающего) нарушение норм трудового права, выражается в наличии вины. В нормах трудового законодательства отсутствуют понятие и виды вины, их заимствуют из уголовного и административного законодательства.

В теории трудового права под виной понимается психическое (внутреннее) отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям (результатам)¹. Проблема вины относится к одной из наиболее важных и сложных в трудовом праве и имеет свои особенности: в одних случаях она ближе к уголовно-правовой трактовке вины (при совершении дисциплинарного проступка), в других — к гражданско-правовой (вина работодателя в случае причинения материального ущерба работнику)².

Вина содержит в себе интеллектуальный и волевой элементы. Первый определяет отношение лица к своему деянию (действию или бездействию) и его последствиям с точки зрения сознания, а второй — отношение лица к своему поведению и последствиям этого поведения с точки зрения воли. В зависимости от того, как соотносятся сознание и воля с противоправным деянием (действием или бездействием) и наступившими последствиями, выделяют две формы вины (умысел и неосторожность), а также виды умышленной вины (прямой и косвенный умысел) и неосторожной вины (легкомыслие и небрежность)³.

Прямой умысел характеризуется тем, что субъект осознает противоправность своего поведения, предвидит возможность или неизбежность наступления вредных последствий (ущерба) и желает их наступления. При косвенном умысле субъект осознает противоправность своего поведения, предвидит возможность наступления вредных последствий (ущерба), не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

Неосторожность в форме легкомыслия состоит в том, что субъект предвидел возможность наступления вредных последствий (ущерба) в результате своего противоправного поведения, но без достаточных к тому оснований

¹ См.: *Полетаев Ю.Н.* Материальная ответственность сторон трудового договора. М., 2003. С. 46.

² См.: *Хвостов А.М.* Вина в советском трудовом праве. Минск, 1970. С. 20.

³ См.: *Дзарасов М.* Вина в российском трудовом праве // Вопросы трудового права. 2006. № 2. С. 72.

самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий. Правонарушение считается совершенным по небрежности, если субъект не предвидел возможности наступления вредных последствий своего противоправного поведения, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

В отличие от ГК РФ (ст. 1079) ТК РФ не содержит положений, устанавливающих объективное вменение за причинение вреда источником повышенной опасности. Однако практика показывает, что многие работодатели являются собственниками либо на ином праве владеют такими источниками, следовательно, причиняют вред либо являются потенциальными причинителями вреда работникам в рамках трудовых отношений. Ответственность в таких случаях наступает независимо от наличия вины, а потому утверждение, что вина непременно наличествует в трудовые правонарушения, предполагает исключение из этого правила в указанных случаях.

По критерию объективной стороны как элемента трудового нарушения представляется обоснованной следующая их классификация:

- а) трудовые нарушения, совершаемые субъектами трудового права, т. е. в основе указанных правонарушений лежит действие;
- б) трудовые нарушения, допускаемые субъектами трудового права, т. е. в основе указанных правонарушений лежит бездействие.

Учитывая, что вредные последствия выражаются в материальном либо моральном вреде (хотя существуют мнения и о наличии такого вида вины, как организационный вред¹), трудовые нарушения дифференцируются как влекущие материальный вред и влекущие моральный вред (физические и (или) нравственные страдания).

В соответствии с п. 8 ст. 81 ТК РФ работник, выполняющий воспитательные функции, может быть уволен за совершение аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы. Для увольнения по указанному основанию не важно, где был совершен проступок (на работе или в быту) (п. 46 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»²) и были ли свидетелями его совершения дети. Не имеет значения место совершения правонарушения и в случае совершения виновных действий работником, непосредственно обслуживающим денежные или товарные ценности, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя (п. 7 ст. 81 ТК РФ; п. 45 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2). Вне рабочего места возможно совершение такого правонарушения, как разглашение охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашение персональных данных другого работника (подп. «в» п. 6 ст. 81 ТК РФ), прогул (подп. «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ), принятие необоснованного решения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями и главным бухгалтером, повлекшее за

¹ См.: *Пешкова О.А.* Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» // *Мировой судья.* 2010. № 7. С. 7–11.

² См.: *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2004. № 6.

собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации (п. 9 ст. 81 ТК РФ) и др.

С учетом изложенных положений все правонарушения в сфере труда можно подразделить на совершаемые на работе и совершаемые вне места работы.

Каждую из предложенных групп можно подразделить на подгруппы по критерию совершения правонарушения в рабочее либо нерабочее время (например, во время обеденного перерыва, в период отпуска по уходу за ребенком, временной нетрудоспособности).

По длительности совершения правонарушения делятся на длящиеся и продолжаемые.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ раскрывает понятие «длящееся нарушение». Им признается такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом или правовым актом обязанностей. Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся. Представляется, что приведенное понимание длящегося правонарушения в полной мере применимо к трудовым правонарушениям.

Судебная практика трудовых нарушений трактует по-разному. В одном случае суд признал несвоевременную выплату заработной платы длящимся правонарушением², а в другом — не считал ее таковым³.

Представляет интерес Письмо Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства (МАП) от 18 октября 2002 г. № СД/15395 «О разъяснении отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁴, в котором МАП указывает на необходимость обращать внимание на общетеоретические правовые конструкции, касающиеся понятия единого сложного правонарушения и его видов:

— продолжаемого правонарушения — такого, которое складывается из ряда тождественных деяний, направленных к одной цели и объединенных единым умыслом;

— длящегося правонарушения — действия или бездействия, сопряженного с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой административного наказания, характеризующегося непрерывным осуществлением состава определенного правонарушения.

Длящееся правонарушение начинается с какого-либо действия или акта бездействия и заканчивается вследствие действий самого виновного, направленных на прекращение правонарушения, или с наступлением событий, препятствующих дальнейшему совершению правонарушения.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

² См.: Постановление ФАС Центрального округа от 11 октября 2006 г. по делу № А64-2481/06-4. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 21 сентября 2006 г. № А05-4383/2006-20. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

По видам ответственности, наступающей в результате противоправных деяний в сфере трудовых отношений, трудовые нарушения можно разделить на четыре группы:

- 1) влекущие трудовую (дисциплинарную, материальную) ответственность;
- 2) влекущие гражданско-правовую ответственность;
- 3) влекущие административную ответственность;
- 4) влекущие уголовную ответственность.

Приведенная классификация — адаптация к трудовому праву общепризнанного деления правонарушений на преступления и иные правонарушения — гражданские, административные, дисциплинарные¹.

В зависимости от того, нормы каких источников трудового права нарушаются, трудовые нарушения можно разделить на:

- затрагивающие нормы международных правовых актов;
- затрагивающие нормы нормативных правовых актов, действующих в Российской Федерации;
- затрагивающие нормы локальных нормативных актов;
- затрагивающие нормы правовых актов — соглашений и коллективных договоров;
- затрагивающие условия трудового договора.

Учитывая определенный ст. 1 ТК РФ предмет трудового права, градацию трудовых нарушений можно провести в зависимости от вида отношений в сфере труда:

- в рамках трудовых отношений;
- в рамках иных непосредственно связанных с трудовыми отношениями.

Приведенная классификация видов трудовых нарушений позволяет правоприменителям четко и предметно ориентироваться во всем многообразии правовых запретов и обязанностей в сфере труда. На этой основе обеспечивается дальнейшее улучшение работы по охране правопорядка, усиление борьбы с трудовыми нарушениями и укрепление законности в стране.

¹ См., напр.: Самощенко И.С. Указ. соч. С. 138; см. также: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. М., 1961. С. 248.

Е.А. Малько,

*кандидат юридических наук, ассистент
кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета Саратовского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
elena16.87@mail.ru*

Традиции и новации отечественной гражданской процессуальной правовой политики (на примере медиации)

Аннотация: статья посвящена выявлению основных традиций отечественной гражданской процессуальной правовой политики, а также определению ее новаций, которые влияют на ход развития указанной политики.

Ключевые слова: правовая политика, гражданская процессуальная правовая политика, суд, судебная система, процессуальное законодательство.

Summary: article is devoted to identifying the main traditions of the national civil procedural legal policy, as well as the definition of its innovations, which influence on the development of this policy.

Keywords: legal policy, civil procedural law policy, the court, the judicial system, procedural law.

Как известно, одной из важнейших задач правового государства является создание высокоэффективного и действенного правосудия как необходимого фактора развития общества в целом.

Важно заметить, что на всех основных этапах развития истории Российского государства особое внимание уделялось именно судебным реформам. Еще при Александре II были проведены серьезные преобразования в соответствующей сфере.

В новейшей истории традиция развития и переустройства судебной деятельности продолжилась в 1991 г. Например, была принята Концепция судебной реформы, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1¹. В этом документе содержатся основополагающие принципы реформирования устаревшей судебной системы для приведения ее в соответствие с современными политическими, социальными и экономическими системами. Концепция считалась необходимым условием функционирования России как демократического правового государства² и подтверждала сохранение курса на создание наравне с судами общей юрисдикции арбитражных и конституционных судов.

Предполагалось, что современная российская судебная система объединит в себе все лучшее, накопленное дореволюционной Россией, советским государством. Однако происходящие в последнее время изменения носят больше организационно-формальный либо политический характер³.

Помимо этого реформирование судебной системы в целом не должно проходить стихийно, непоследовательно и без учета интересов общества и отдельных граждан. Как справедливо заметил В.М. Жуйков, анализ российского процессуального законодательства «свидетельствует об отсутствии единой концепции его развития»⁴.

Все вышесказанное ставит на повестку дня вопрос об упорядочении судебной системы. Важную роль в его решении играет гражданская процессуальная правовая политика — достаточно новое, современное и актуальное правовое явление.

Однако данная политика является разновидностью правовой политики, под которой понимают научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур по созданию

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

² См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. за вып. Б.А. Золотухин. М., 1992. С. 108–109.

³ См.: Анохин В.С. Судебная система Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 7.

⁴ Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства : сборник науч. статей / предисл. В.М. Жуйкова. Краснодар: СПб., 2005. С. 13.

эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в целях наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина и др.¹ Правовая политика в зависимости от различных критериев может проявляться в виде политики правотворческой, правоприменительной, судебной-правовой, процессуально-правовой, конституционно-правовой, финансово-правовой, информационно-правовой, административно-правовой и др.

Еще в конце XIX — начале XX вв. учеными-юристами выделялись отраслевые виды правовой политики — гражданская, уголовная, финансовая и иные. Например, С.А. Муромцев отмечал, что разновидностью правовой политики выступает гражданско-правовая политика. «На основании ее указаний слагается догма гражданских правоопределений, которая излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданско-судебной политики»². Л.И. Петражицкий выделял гражданскую, уголовную, финансовую, аграрную политику. В частности, под предметом исследования гражданской политики он видел правовой механизм децентрализованной системы народного хозяйства³.

В контексте настоящей статьи научный интерес представляет одна из разновидностей правовой политики — гражданская процессуальная правовая политика, которая, на наш взгляд, является научно обоснованным, последовательным и системным руководством к действию, принятию решений органами государственной власти, местного самоуправления, их должностными лицами, негосударственными учреждениями и организациями в сфере оптимизации механизма гражданского процессуального правового регулирования, а также принудительного исполнения судебных постановлений и актов других органов, в целях защиты нарушенных и оспариваемых прав, свобод и законных интересов⁴.

Данный вид правовой политики представляет собой специализированную и самостоятельную политику именно в сфере цивилистического судопроизводства и, тем самым, направлен на совершенствование механизма гражданского процессуального правового регулирования.

В связи с этим указанная политика воплощается в реальность благодаря деятельности различных субъектов в рамках своих полномочий. Так, ее реализацию невозможно представить без деятельности судебных органов.

Еще С.А. Муромцев верно отмечал, что «гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться законодатель и судья...»⁵. Сегодня указанное мнение не потеряло своей актуальности. По мнению С.Ф. Афанасьева, «субъектами, посредством которых гражданская

¹ См.: Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 26.

² Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 14–15.

³ См.: Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С. 42, 62.

⁴ См. подробно: Малько Е.А. Гражданская процессуальная правовая политика в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012; *Ее же*. Гражданская процессуальная правовая политика в современной России / под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013.

⁵ Муромцев С.А. Указ. соч. С. 14–15.

процессуальная политика воплощается в жизнь, выступают суды, входящие в систему Российской Федерации»¹.

Действительно, судебные органы (высшие судебные инстанции и нижестоящие суды) играют в формировании гражданской процессуальной правовой политики очень важную роль, т. к. их деятельность заключается в восстановлении социального мира и порядка, устранении конфликтных ситуаций, по возможности с учетом интересов всех участников процесса. Собственно, идея справедливости и предполагает, прежде всего, достижение баланса интересов².

Однако не стоит забывать, что судебная система периодически подвергается реформированию, вбирает в себя последние тенденции современности и новации в области процессуального законодательства, которые не могут не коснуться рассматриваемого вида правовой политики.

В связи с тем, что суды общей юрисдикции являются субъектами указанной политики, а проблема их чрезмерной загруженности представляется достаточно актуальной, целесообразным представляется внедрение альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров.

В последнее время уделяется повышенное внимание альтернативным способам разрешения гражданско-правовых споров. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 сентября 2013 г.)³ (далее — ФЗ «О процедуре медиации») предусматривает становление и развитие полноценных институтов медиации в виде практикующих медиаторов, организаций, оказывающих содействие в проведении процедуры медиации, и даже специализированных саморегулируемых организаций.

«Процедура медиации — это один из элементов единой системы урегулирования и разрешения правовых споров, представляющий собой самостоятельный внеюрисдикционный способ урегулирования правового спора путем переговоров сторон при содействии нейтрального лица — медиатора»⁴. Медиатор ставит перед собой задачу, нацеленную, в основном, на то, чтобы помочь сторонам снова завязать, выстроить или сохранить отношения. Его цель — построить будущее, цель судопроизводства — навести порядок в прошлом⁵.

Если рассматривать статистику досудебного урегулирования споров, то она демонстрирует, что в США до 95 % споров разрешается, не доходя до суда, в Англии — до 87 %, в Словении — 35 %, в России — не более 5–6 %. Однако в России становление института медиации только начинается, что сталкивает его со многими проблемами, в том числе

¹ *Афанасьев С.Ф.* Гражданская процессуальная политика как элемент правовой политики // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Краснодар; Сочи, 2002. С. 75.

² См.: *Орешкин С.Н.* Введение в судебную политику. Элиста, 2007. С. 69.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

⁴ *Калашникова С.И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции. URL: <http://lawtheses.com/mediatsiya-v-sfere-grazhdanskoy-yurisdiktsii> (дата обращения: 15.12.2013).

⁵ См.: URL: <http://mediacia.com/merout.php?id=46> (дата обращения: 15.12.2013).

связанными с недостаточной информированностью общества о нем и нехваткой эффективных программ подготовки медиаторов по урегулированию разногласий по семейным, жилищно-коммунальным, трудовым, гражданским и иным спорам¹.

На Первой Российско-Французской конференции по медиации 30 сентября 2010 г. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отметил, что медиация способна взять на себя часть важной функции судебной деятельности — восстановление мира между спорящими сторонами, и это никоим образом не повлечет за собой уменьшения роли суда: «Напротив, медиация, освобождая суды от части нагрузки, в определенной мере усилит оперативность и эффективность рассмотрения и разрешения дел, по которым сторонам не удастся прийти к согласию»². Он также подчеркнул, что альтернативные способы решения споров могут успешно применяться там, где есть хорошо развитая, устойчивая система судопроизводства³. С этим нельзя не согласиться.

Бесспорно, указанные изменения способствуют повышению эффективности гражданской процессуальной правовой политики. Кроме того, они дают возможность развивать гражданское судопроизводство более перспективно, ориентируясь при этом на европейские стандарты правосудия.

В заключение отметим, что, сочетая традиции и новации отечественной гражданской процессуальной правовой политики, можно сформировать четкую концепцию гражданского процессуального законодательства, без которой сложно представить его продуктивность.

¹ См.: Перспективы развития медиации в республике Башкортостан : обзор материалов круглого стола. Евразийская адвокатура. 2013. № 2.

² URL: <http://mediacia.com/merout.php?id=46> (дата обращения: 15.12.2013).

³ См.: Там же.

• ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.Ю. Колесникова,
старший преподаватель кафедры
уголовного права Амурского
государственного университета
albeyeva@mail.ru

Правовая политика России в отношении некоторых категорий инвалидов в 1991–2004 годах

***Аннотация:** статья посвящена историческому анализу российской правовой политики в отношении различных категорий инвалидов в 1991 – 2004 гг.*

***Ключевые слова:** правовая политика, инвалид, инвалиды военной службы, инвалиды-чернобыльцы, льготы.*

***Summary:** the article is devoted to the historical analysis the russian lawful politics as regards different persons with disabilities in the period 1991 – 2004.*

***Keywords:** lawful politics, invalids of military service, invalids of Chernobyl, privilege.*

Данный период истории был выбран нами не случайно. В основе его выделения лежит сложный комплекс социально-экономических, правовых, политических факторов. С 1991 г. связаны распад одного государства (СССР) и начало существования другого (Российская Федерация), интенсивное развитие новых условий, в которых должны были строиться отношения между государством и инвалидами. 2004 г. является знаковым для всех российских инвалидов, т. к. он стал последним годом действия льгот в натуральной форме. Дело в том, что именно в 2004 г. был принят Федеральный закон № 122¹, в соответствии с которым одномоментно отменялась часть льгот, а другая часть заменялась денежной компенсацией.

Происходящие в стране экономические и политические процессы, неудовлетворительное состояние законодательства требуют совершенствования правового регулирования взаимоотношений инвалидов и государства.

Появление одного из приоритетных направлений правовой политики в исследуемой области связано с техногенной катастрофой, произошедшей на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Перед инвалидами этой категории

---

¹ См.: О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"»: федеральный закон РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 35, ст. 3607.

государство имеет особые обязательства. Анализ экологических, социальных, медицинских последствий радиационных аварий привел к выводу о необходимости повышенного внимания к данной категории инвалидов, их реабилитации и социальной защите. Принятие Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹ в 1991 г. явилось актом признания остроты и актуальности проблем лиц, инвалидность которых наступила вследствие радиационных воздействий.

Данный Закон установил льготы в различных сферах жизнедеятельности: оказание медицинской помощи (обеспечение лекарствами, бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов, обеспечение санаторно-курортными путевками и т. д.); обеспечение жилой площадью; предоставление скидки в размере 50 % по оплате жилой площади и коммунальных услуг; некоторые преимущества в сфере трудовых отношений; внеочередное вступление в ЖК; льготы при выходе на пенсию; внеочередное поступление в высшие и средние учебные заведения; выплата денежных компенсаций по возмещению причиненного здоровью ущерба. Эти и другие льготы распространялись не только на инвалидов-чернобыльцев, но и на лиц, получивших инвалидность вследствие аварии на производственном объединении «Маяк» в 1957 г. и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча², ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне³, а также из подразделений особого риска⁴.

При анализе данного направления правовой политики обращает на себя внимание немалое количество нормативных правовых актов (в основном федеральных целевых программ), направленных на обеспечение жильем лиц, получивших инвалидность вследствие радиационных воздействий. Однако главная проблема реализации подпрограммы «Обеспечение жильем участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф», Федеральной целевой программы по обеспечению жильем участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1995 – 1997 гг.⁵ состояла в отсутствии единых принципов и механизмов выполнения государственных обязательств России и недостатке финансовых средств, традиционном для исследуемого периода. В частности, ввиду неполного финансирования Федеральной целевой программы по обеспечению жильем «чернобыльцев» в 1995–1997 гг. она

¹ См.: О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 21, ст. 699.

² См.: О социальной защите граждан, подвергшихся радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча : закон РФ от 20 мая 1993 г. № 4995-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 25, ст. 901.

³ См.: О социальной защите граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне : федеральный закон РФ от 19 августа 1995 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 34, ст. 3428.

⁴ См.: О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска : постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 4, ст. 138.

⁵ См.: О Федеральной целевой программе по обеспечению жильем участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1995–1997 годах : постановление Правительства РФ от 24 мая 1995 г. № 511 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 22, ст. 2080.

была выполнена лишь на 29,9 %¹. Кроме того, в связи с ростом количества семей участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и увеличением численности инвалидов среди указанной категории граждан общее количество семей, нуждавшихся в улучшении жилищных условий, за этот период существенно возросло. Следует также отметить, что, несмотря на наличие льгот по бесплатному обеспечению жильем, граждане из подразделений особого риска, ставшие инвалидами, фактически не могли воспользоваться этим правом, т. к. отсутствовал механизм его реализации. Он (механизм реализации) появился лишь благодаря принятию программы «Обеспечение жильем участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф», вошедшей в состав Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 гг.

Помимо непосредственного нарушения прав рассматриваемой категории инвалидов имели место факты принятия законов, нормы которых не соответствовали Конституции РФ. Так, были признаны не соответствующими Конституции РФ (ст. 42 и ч. 2 ст. 55) положения ч. 1 и ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» в части ограничения максимальным размером (10000 рублей) сумм, исчисленных из заработка ранее назначенного возмещения вреда инвалидам-чернобыльцам, а в случае их смерти нетрудоспособным членам семьи, находившимся на их иждивении². Этим же постановлением были признаны не соответствующими Конституции РФ (ст. 19 и ч. 2 ст. 55) положения ч. 3 ст. 5 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. о внесении изменений и дополнений в данный Закон в части установления ежегодной индексации сумм возмещения вреда исходя из роста величины прожиточного минимума в целом по России без обеспеченности ее своевременности и безусловности.

Во исполнение указанного постановления Правительство РФ в трехмесячный срок должно было внести в Государственную Думу РФ проект федерального закона, направленный на устранение данных противоречий законодательства России о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию

¹ См.: О подпрограмме «Обеспечение жильем участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф», входящей в состав федеральных целевых программ «Жилище» на 2002–2010 годы : постановление Правительства РФ от 16 октября 2002 г. № 760 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 42, ст. 4155.

² См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Закона РФ от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», от 19 июня 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2002 г. № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 27, ст. 2779.

радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС. Однако, как следует из постановления Государственной Думы РФ от 2 апреля 2003 г.¹, вынесенного спустя 10 месяцев после принятия постановления Конституционного Суда РФ, Правительство РФ так и не внесло в Государственную Думу РФ необходимый законопроект.

Помимо указанных существовали и другие нарушения прав данной категории инвалидов. В частности, гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, беспроцентные ссуды на приобретение жилья, на кооперативное или индивидуальное жилищное строительство не предоставлялись более 10 лет, после 1 января 2001 г. не производилось ежегодное повышение ежемесячной денежной компенсации возмещения вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров². Несмотря на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в сфере реализации прав рассматриваемой категории инвалидов, исполнение решений судебных органов по искам граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, обеспечивалось Министерством финансов РФ не в полной мере.

Таким образом, в рассматриваемый период российскую правовую политику в отношении лиц, ставших инвалидами вследствие воздействия радиации, нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, была сформирована нормативно-правовая база, регламентирующая правовой статус данной категории населения, характеризовавшийся установлением прав на денежные компенсации и льготы в различных сферах жизнедеятельности. С другой стороны, инвалиды не всегда могли воспользоваться многочисленными льготами, предусмотренными для них законодательством, в силу разных причин: не всегда были четко отработаны (либо вовсе отсутствовали) механизмы реализации установленных льгот; не в полной мере финансировались мероприятия, предусмотренные нормативными правовыми актами; принимались законы, отдельные нормы которых не соответствовали Конституции РФ; органами государственной власти Российской Федерации не выполнялись обязанности по устранению нарушений законодательства.

Еще одной категорией лиц, перед которыми государство имеет повышенные обязательства, являются инвалиды военной службы. В анализируемый исторический период Россия не избежала военных конфликтов, имевших место в Прибалтике, Закавказье, Республике Таджикистан. Особо следует отметить вооруженный конфликт в Чеченской Республике, способствовавший росту количества террористических актов и масштабов их проявления и, как следствие — увеличению численности инвалидов среди военнослужащих,

¹ См.: О парламентском запросе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Председателю Правительства РФ М.М. Касьянову «О необходимости принятия мер по реализации положений законодательства о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 апреля 2003 г. № 3779-III ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 16, ст. 1418.

² См.: Там же.

выполнявших задачи по поддержанию конституционного строя, обеспечению правопорядка и общественной безопасности (причем не только на территории Чеченской Республики, но и на территории Северо-Кавказского региона). В целом ситуация, складывающаяся в этой сфере, напоминала ситуацию 1980-х гг., когда встал вопрос о регулировании правового положения военнослужащих, получивших инвалидность вследствие участия в боевых действиях в Республике Афганистан. Большого количества нормативных правовых актов, устанавливающих льготы, компенсации для инвалидов-военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти, где предусмотрена военная служба, в рассматриваемый период принято не было. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, 24 ноября 1995 г. был принят Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹, определивший правовой статус этой категории населения и установивший льготы в различных сферах жизнедеятельности.

Во-вторых, в законах, ведомственных актах содержались нормы о распространении на военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, ставших инвалидами вследствие участия в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона, льгот и компенсаций, установленных для инвалидов Великой Отечественной войны. Так, согласно Закону РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах»² на военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии, заболевания, полученных в результате выполнения задач в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера в Чеченской Республике и на непосредственно прилегающих к ней территориях Северного Кавказа, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, распространялись права и социальные гарантии, установленные законодательством Российской Федерации для инвалидов Великой Отечественной войны. Аналогичная норма содержалась в п. 8 приказа Федеральной пограничной службы РФ от 29 апреля 1998 г. № 207 «О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах»³.

Дополнительные социальные гарантии для данной категории инвалидов устанавливались отдельными нормативными правовыми актами и законами. Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 12 июня 1996 г. № 863 «О правах и льготах военнослужащих, выполняющих (выполнявших) задачи

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4563.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 6, ст. 181.

³ См.: Бюллетень нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. № 15.

в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике»¹ федеральные органы исполнительной власти были обязаны обеспечивать детей военно-служащих и сотрудников органов внутренних дел, ставших инвалидами в связи с выполнением задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике, бесплатными путевками в детские оздоровительные учреждения. Подобные нормы содержались в упоминавшемся Законе от 21 января 1993 г., приказе ФПС от 29 апреля 1998 г., а также в постановлениях Правительства РФ.

Некоторые документы устанавливали денежные выплаты единовременного характера. Так, в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»² лицу, принимавшему участие в контртеррористических операциях, получившему увечье, повлекшее наступление инвалидности, полагалось единовременное пособие в размере 500 минимальных размеров оплаты труда (в соответствии с более поздними изменениями — 50 000 рублей).

Формирующаяся в условиях новых социально-экономических реалий правовая политика в отношении инвалидов не учитывала специфику получения инвалидности вследствие боевых действий и военной травмы. Несмотря на повышенные обязательства государства по отношению к этой категории инвалидов, отсутствовал законодательно закрепленный приоритет по реализации законных гарантий в отношении данной категории лиц в общей системе социальной защиты инвалидов. Причем такая ситуация наблюдалась при прогнозируемом росте численности инвалидов данной категории в связи с наличием военных конфликтов, увеличением числа террористических актов, проведением контртеррористических операций, усложнением военной техники. Следует отметить существование различий в правах и льготах офицерского и рядового состава. В целях решения этих проблем была разработана и принята федеральная целевая программа «Социальная защита инвалидов военной службы на период 1997–2000 годов»³, действие которой было продлено на 2001 г. Реализация данной программы способствовала созданию условий для формирования и функционирования системы социальной защиты инвалидов военной службы.

Правовую политику рассматриваемого периода нельзя оценивать однозначно. Правовое регулирование развивалось по пути количественного накопления законов и иных нормативных правовых актов. При этом абсолютное большинство льгот, имевшихся у инвалидов, перешли из советского законодательства в российское. К положительным процессам правовой политики рассматриваемого периода можно отнести принятие федеральных законов «О ветеранах», «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», «О государственной социальной помощи». Однако наибольшее значение для инвалидов имеет Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Его принятие

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2997.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3808.

³ См.: О Федеральной целевой программе «Социальная защита инвалидов военной службы на период 1997–2000 годов»: постановление Правительства РФ от 22 апреля 1997 г. № 454 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 18, ст. 2150.

свидетельствует о признании серьезности проблем, с которыми сталкиваются инвалиды, и необходимости их решения именно на законодательном уровне. Тем не менее указанные позитивные моменты нередко нивелировались такими негативными факторами, как дефицит бюджетных средств, отсутствие механизма реализации, принятие законов, не соответствующих Конституции РФ, неисполнение решений высших органов государственной власти.

В.А. Манин,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального
права Сургутского государственного
университета ХМАО-Югры
v.manin@mail.ru

Заводской Устав В.Н. Татищева и формирование модели горного судопроизводства на Урале во второй четверти XVIII века

***Аннотация:** в статье речь идет о возникновении горного суда и его месте в системе судопроизводства Российской империи в первой половине XVIII в., правовых основах его деятельности. Особое место занимает анализ этого органа в проекте заводского устава В.Н. Татищева.*

***Ключевые слова:** горнозаводское законодательство, горный суд, Горное управление, Заводской устав, источники права.*

***Summary:** the article deals with the origination of the mining court and its role in the legislature of the Russian Empire in the first part of the 18th century and its reflection in legal sources. A special emphasis is laid upon the analysis of the court in the project of Zavodskoy Ustav (Manufacture Code) by V.N. Tatischev.*

***Keywords:** mining legislature, Mining court, Mining management, Legal Sources.*

Проблема существования и функционирования горного суда в Российской империи не только вызывает теоретический интерес, но и имеет определенную практическую значимость для современного этапа развития отечественного экономического правосудия.

Проблема юрисдикции для горнозаводских предприятий возникла с момента образования крупного горного производства в России. С самого появления этого производства власть стремилась вывести его участников из-под юрисдикции местных властей, передав их в подсудность центральным приказам. А поскольку специализированного ведомства по руководству горнозаводской промышленностью вплоть до начала XVIII в. еще не было, для руководства этой отраслью промышленности использовали ведомства, исходя из других принципов¹.

Система горного суда имеет два источника: во-первых, административное судопроизводство, хорошо развитое в структуре приказов, а затем сохранившееся как специальная прерогатива коллежской системы; во вторых —

¹ См.: Манин В.А. Формирование горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII–XVIII веков. Екатеринбург, 2008. С. 17–27.

судебные прерогативы местных властей, начиная от слободского и заканчивая воеводским управлением.

При образовании Берг-коллегии была определена юрисдикция данного учреждения по кругу лиц (заводовладельцы, рудопромышленники и мастерские) и по категории дел (все нарушения, связанные с горнозаводским делом, а также некоторые иные виды преступлений, например, фальшивомонетничество).

При этом для Берг-коллегии система ее местных учреждений разработана не была. В Берг-привилегии по примеру ее шведского прототипа предполагалось учреждение трех крупных горных округов с центрами в Москве, Казани и Сибири во главе с местными представителями этого центрального учреждения — берг-офицерами, осуществляющими только технические надзор и помощь¹.

Однако эта система не оказалась оптимальной, и центр регионального горного управления достаточно быстро утвердился на Урале.

Возникновение горного судопроизводства на Урале связано с образованием там высшего горного начальства как специализированного органа горного управления, большую роль в организации которого сыграл В.Н. Татищев².

По проекту В.Н. Татищева этот орган (Горная канцелярия, или Сибирское высшее горное начальство) должен был не только осуществлять административно-техническое руководство отраслью, но и иметь существенные судебные полномочия³. Однако губернские власти с недоверием отнеслись к этой инициативе, и фактически реализовывать ее пришлось заменившему В.Н. Татищева генерал-майору В. де Геннину.

В 1725 г. указом Сената В. де Геннину передавалось исключительное право разбирать дела о злоупотреблениях должностных лиц на подведомственной ему территории, а затем указом Берг-коллегии судебная канцелярия ликвидировалась, а все судебные прерогативы переходили в руки подчиненных Сибирскому обер-бергамту земских комиссаров.

Эта система была окончательно оформлена сенатскими приговорами 1731 и 1732 гг.⁴ и предполагала учреждение обер-бергамта, которому были подведомственны как гражданские, так и уголовные дела, вплоть до наиболее тяжких (убийств), причем под юрисдикцию данного органа подпадал широкий круг лиц, не только связанных с заводским производством, вплоть до частных заводчиков, но и приписных крестьян. Фактически компетенция горного суда, учрежденного В. де Генином, приравнивалась к воеводскому суду. Соответственно апелляционной инстанцией для таких дел становился губернатор⁵.

¹ См.: *Киселев М.А.* Организация местных органов Берг-коллегии в период реформ Петра I: шведская модель и российские практики // Диффузия европейских инноваций в Российской империи : материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 156–157.

² Подробнее см.: *Манин В.А.* Формирование специального горного управления на Урале в истории российской государственности в XVIII в. // Российский юридический журнал. 2013. № 4.

³ См.: Там же. С. 54.

⁴ См.: ПСЗ РИ. Т. 9, № 6563.

⁵ Подробнее см.: *Манин В.А.* К вопросу возникновения горного суда как специализированного судебного органа Российской империи // Современная юридическая наука и правоприменение. (III Саратовские правовые чтения) : сборник тезисов и докладов. Саратов, 2010. С. 123–124.

Однако данная система просуществовала недолго, и под влиянием В.Н. Татищева она была отменена Сенатским указом от 28 марта 1734 г., т. к. уступала, по его мнению, той, что была учреждена им самим при первоначальном образовании горного начальства.

При повторном назначении В.Н. Татищева главным начальником всех горных заводов в Сибири и Перми¹ по указу 17 марта 1734 г. ему была вручена подробная инструкция, содержащая программу реформирования горной отрасли и состоящая из 22 пунктов², в которой он наделялся необычайно широкими полномочиями, входящими для этого в компетенцию Берг-коллегии.

Полномочия Уральского горного начальства были также увеличены за счет содержащегося в инструкции их разделения между гражданской властью и горным управлением. В частности, в инструкции содержался запрет светским и военным чиновникам, вплоть до губернаторов вмешиваться в компетенцию горных чиновников, за исключением следствия по уголовным преступлениям.

При этом в инструкции имелось специальное задание: упорядочить горное законодательство. В осуществление этой инструкции В.Н. Татищев созвал в Екатеринбург промышленников (их приказчиков) и 12 декабря 1734 г. открыл совещание для обсуждения проекта «Горного устава». Одновременно была организована работа по составлению «Наказа шихтмейстеру» и «Заводского устава».

Эти три документа в разных аспектах трактовали вопросы промышленного строительства на Урале. «Наказ шихтмейстеру» определял обязанности чиновников, прикрепленных горной администрацией к частным заводам. Материалы проекта «Горного устава» освещали преимущественно проблемы взаимоотношений промышленников. В «Заводском уставе» были изложены обязанности должностных лиц коронной администрации по управлению казенными заводами, в том числе и их прерогативы в области осуществления судопроизводства.

Заводской устав Татищева состоял из 8 глав, включающих 101 раздел. При этом устройство и функции горного суда рассматривались практически во всех главах, а в некоторых они составляли значительную часть статей³.

Судебные функции по первой инстанции осуществлял горный суд во главе со специальным судьей⁴, учреждаемый в каждом из подведомственных Канцелярии главного заводов правления горных начальств. При этом судебное решение могло выноситься как коллегиально, так и единолично.

¹ См.: *Попов Н.В.* В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 140.

² См.: ПСЗ РИ. Т. 9, № 6559.

³ См., напр.: О должности, власти и преимуществе Главного заводов Правителя, или Канцелярии // Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 1. Гл. 1.; О должности, власти и преимуществах Главного земского судьи или Воеводы Екатерининского ведомства // Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3; Ч. 2, кн. 5. Гл. 4.

⁴ На горного судью возлагались также многочисленные административные функции, слабо связанные с непосредственным процессом судопроизводства, например, контроль за деятельностью внутренних таможен. См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3; Ч. 2, кн. 6. Гл. 4. § 33. С. 333.

Горное судопроизводство становилось одной из функций главы уральского горного ведомства, который фактически возглавлял суд второй инстанции, и судебные полномочия которого были шире губернаторских.

В.Н. Татищев обосновывал данное обстоятельство следующими причинами:

- во-первых, отсутствием специального законодательства, регламентирующего споры, возникшие из особенностей горнозаводского производства;
- во-вторых, ошибками нижестоящего суда, неправильно вынесшего решение по делу;
- в-третьих, несовершенством самого законодательства, наличием в нем значительных пробелов.

В случае пробелов в законодательстве предполагалось созывать особое совещание под руководством Главы Уральского горного начальства (Правителя), включая его заместителей и лучших приказчиков, в количестве не менее 12 человек для сочинения нового законопроекта, с последующим утверждением его в Сенате.

Источником для решения дела и законотворческой инициативы должны были выступить не только административная практика, но и аналогия закона¹. Было также рекомендовано активно использовать иностранное горное законодательство.

При этом, исходя из естественно-правовых воззрений, критерием должны были выступать естественные законы², и законопроект должен учитывать особенность структуры уральского горного управления и не противоречить российскому законодательству.

Заводской устав достаточно подробно регламентировал процедуру вынесения решения судом первой инстанции, с возможностью отложить решение на два дня для более тщательного исследования применяемого законодательства. На этом основании любой член судебного присутствия, предварительно обосновавший свою позицию, мог потребовать изменения подготовленного судебного решения.

После окончания суда первой инстанции, если одна из сторон была не удовлетворена решением, то в течение трех дней она могла потребовать пересмотра дела в суде следующей инстанции.

Апелляционное производство начиналось подачей в указанный срок жалобы в суд, принявший решение по первой инстанции, с указанием, что принятое решение не соответствует закону или обстоятельствам дела. По этому обращению суд обязан был выдать на руки выписку и приговор и приостановить исполнительное производство до рассмотрения дела в суде следующей инстанции. При этом предполагались определенные обеспечительные меры как против злоупотреблений стороны в споре с помощью поручителей, так и против должностных упущений самих судей, в виде штрафов и вычетов из жалования.

Срок от получения судебных документов до обращения в следующую инстанцию исчислялся в зависимости от расстояния между судами, по семь дней срока на сто верст.

---

¹ Чаще всего военное законодательство, но с учетом специфики военной службы (См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3. Гл. 4. § 4. С. 340).

² Основанные на трудах Г. Гроция и С. фон Пуфендорфа.

Юрисдикции Горного суда принадлежали все дела, касающиеся всех субъектов права, находящихся под юрисдикцией горнозаводского управления¹, непосредственно споров, вытекающих из горнозаводских отношений, вне зависимости от сословной или ведомственной принадлежности субъектов, в том числе, если дело касалось горнозаводской собственности или если одна из сторон принадлежала к горнозаводскому ведомству².

Чтобы избежать злоупотреблений при отнесении сторон к подведомственности различных судов, предполагалась особая коллегиальная форма суда, включающая представителей различных судебных присутствий. Если субъекты подлежали различным юрисдикциям, то использовалась смешанная форма состава суда.

Уровень судебных коллегий при этом зависел как от уровня спора, так и от урегулированности данной проблемы законодателем. Так, по незначительным гражданским (например, по долговым обязательствам) и уголовным делам, если субъекты подлежали различным юрисдикциям (например, горному ведомству и соляной конторе), дело разрешалось смешанной коллегией, включающей от горного ведомства горного судью и межевщика и одного чиновника от другого ведомства³.

Совместной коллегией из горного и земского судьи рассматривались жалобы крестьян по вопросам привлечения их к заводским работам и оплаты за них, вне зависимости от владельческой принадлежности предприятий. При этом данная коллегия была апелляционной по незначительным делам, решаемым администрацией предприятий⁴.

Если же дело признавалось делом особой важности или не было урегулировано законодателем, то коллегия собиралась из равного числа чиновников и промышленников, и спор решался с учетом существующей практики или по аналогии закона. В этом случае создавалось особое судебное присутствие, с привлечением руководящего состава и промышленников — равное количество членов от заинтересованных ведомств. Местом судопроизводства становился тот орган, к преимущественной юрисдикции которого относилось рассматриваемое дело⁵.

Кассационной инстанцией для всех указанных форм состава суда при этом должен был стать не губернатор, как предусматривалось действующим законодательством, а специальная коллегия, включавшая от каждого ведомства по три человека, во главе с руководителем уральского горного управления. Эти жалобы предполагалось рассматривать на местах, во время ежегодных

¹ При этом земскому суду оставались уголовные дела в отношении этих категорий населения (См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3. Гл. 4. С. 337–338), предусмотренные Наказом 1728 г. (См.: ПСЗ РИ. Т. 8, № 5333; 1728, 12 сент.).

² Вмешиваться в горные дела Земский суд имел право только в ограниченном числе случаев, предусмотренных Заводским Уставом, или по просьбе горных властей. (См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3. Гл. 4. § 2, С. 338–339).

³ См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1. Гл. 1. § 9. С. 21.

⁴ См.: Горный журнал. 1831. Ч. 2, кн. 5. Гл. 1. § 9. С. 22.

⁵ «Да дело соляного промысла точно принадлежит то также собираться, судить в Соляном правлении, а земских делах, яко по крестьянам, по крепостям земляных, мельницах, строениях, домов городских, и тому подобных, судить воеводе, однако ж, ежели они Горному или Соляному суду подчинены, то заседать с воеводой оным Начальникам, а по векселям и в посторонних торгах, судиться в ратуше». См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 1, Гл. 1. § 9. С. 22.

объездов руководителя горного ведомства для ревизии предприятий или по специальной просьбе заинтересованной стороны¹. В случае невозможности самому рассмотреть спор, эта функция могла передаваться Советнику.

Коллегия, состоявшая из руководителей горного ведомства, санкционировала также вопрос о применении пыток к подозреваемому.

В особых случаях (назначение обвиняемому наказания в виде смертной казни) решение должно было утверждаться Правителем и всеми присутствующими в Канцелярии руководителями горного ведомства в составе не менее семи членов².

Кассационной инстанцией по отношению к горному суду по категории дел, связанных с горным производством, становился Сенат, а по остальным категориям дел — Юстиц-коллегия³.

Таким образом, компетенция ведомственного горного судопроизводства должна была значительно усилиться⁴.

Однако этот проект не был принят, поэтому первоначально горный суд на Урале длительное время существовал в виде органа административного присутствия самой горной администрации по делам специального судопроизводства, связанным с решением проблем экономического правосудия или имеющим общеуголовный и гражданско-правовой характер. Он является органом двойного подчинения, искусно встроенным в судебную систему во главе с Юстиц-колlegией.

¹ При этом судебные расходы, включая командировочные и жалование чиновникам, во главе с руководителем уральского горного управления (правителем), возлагались на проигравшую сторону, а указанная коллегия получала дополнительную оплату сверх жалования. Особо подчеркивалось, что эти расходы не должны быть чрезмерны и разорять просителей. См.: Горный журнал. 1831. Ч. 3, кн. 7. Гл. 5. § 7. С. 2.

² См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 3. Гл. 4. § 6. С. 343.

³ См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1. Гл. 1. § 8. С. 19–20.

⁴ Особо отметим, что хотя Соляное ведомство не было в непосредственном подчинении горных властей, но по вопросам по делам, законодательно не урегулированным, утверждение решения также принадлежало главе горной администрации на Урале. См.: Горный журнал. 1831. Ч. 3, кн. 7. Гл. 5, § 7. С. 2.

Ф.С. Сосенков,
кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой государственно-правовых
дисциплин Волжской государственной
академии водного транспорта
fss2005@rambler.ru

Вопросы профилактики сепаратизма и обеспечения территориальной целостности России в конституционном проекте П.И. Пестеля

Аннотация: статья посвящена анализу мер профилактики сепаратизма и обеспечения территориальной целостности России, предусмотренных конституционным проектом П.И. Пестеля. Рассматриваются три основных меры: унитарная форма государственного устройства, национальная и религиозная унификация.

Ключевые слова: П.И. Пестель, декабристы, сепаратизм, территориальная целостность, унитаризм.

Summary: the article is devoted to the analysis of separatism and the territorial integrity of Russia, provided by the constitutional project of P.I. Pestel. Three major measures are considered: a unitary form of government, national and religious unification.

Keywords: P.I. Pestel, decembrists, separatism, territorial integrity, unitarianism.

Одной из серьезнейших политико-правовых проблем современного мира является сепаратизм, определяемый в справочной литературе как стремление отделиться, обособиться; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования или за предоставление автономии части страны¹. Данная проблема возникла еще в древности. На протяжении практически всей истории наблюдается стремление государств удержать свои границы, не допустить территориального распада. Будучи многонациональным и мультикультурным, Российское государство неминуемо встречалось с подобными вызовами на различных этапах своего развития.

Указанная проблема в силу своей значимости не могла не учитываться деятелями декабристского движения и нашла свое отражение в их конституционных проектах. На наш взгляд, наиболее интересен проект, составленный руководителем Южного общества П.И. Пестелем (1793 – 1826), под названием «Русская правда».

В первой четверти XIX в. термин «сепаратизм» еще не употреблялся в своем нынешнем значении, однако П.И. Пестель в своем труде указывает все существенные признаки рассматриваемого явления: «Народы, подвластные Большому Государству и происходящие не от Господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя Независимости и отдельного политического существования: утверждаясь на праве составлять особые Государства и называя оное Правом Народности»². Государство, населенное различными народами, в понимании П.И. Пестеля, неминуемо противодействует «центробежным силам»³.

В «Русской правде» предлагаются три основных меры профилактики центробежных сил.

Во-первых, это установление унитарной формы государственного устройства и безусловное неприятие федерализма.

Автор проекта указывает четыре «невыгоды федеративного образования Государства» вообще: 1) относительная самостоятельность субъектов федерации может привести к неповиновению федеральному центру, что чревато необходимостью применения силовых методов воздействия; 2) невыгодность федеральной «опеки» для субъектов, в силу чего последние будут стремиться обособиться; 3) ослабление вооруженных сил в условиях децентрализации управления; 4) развитие «местного патриотизма» и ослабление любви к

---

¹ См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 554.

² Пестель П.И. Русская правда // Восстание декабристов: документы. М., 1958. Т. 7. С. 120.

³ См.: Там же. С. 121.

единому Отечеству¹. Вместе с тем, по мнению автора «Русской правды», особенно пагубно федеративное устройство для России: «Что же в особенности касается до России, то дабы в полной мере удостовериться, до какой Степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное Государство составлено. <...> легко предвидеть можно, что эти разнородные Области скоро от Коренной России <...> отложатся...»².

В представлении П.И. Пестеля Российское государство уже испытало на себе нечто похожее на федерализм в период феодальной раздробленности, в связи с чем возврат к децентрализации государственного управления рассматривается руководителем тайного общества как безусловное зло. Находясь под следствием, руководитель Южного общества подверг критике конституционный проект Н.М. Муравьева (1795 – 1843), определяющий для России федеративное устройство: «У него предполагался федеративный образ правления, как в соединенных областях Америки. Это походило на древнюю удельную систему, и потому пагубным казалось»³.

Следует также оговориться, что П.И. Пестель был противником идеи федерации конкретно для России, в отношении же федеративной модели государственного устройства вообще он хоть и высказывал критику, но не отрицал возможность осуществления в практике государственного строительства. В определенных случаях он даже считал подобную модель целесообразной. Так, П.И. Пестель в 1821 г. выполнял специальное задание по сбору сведений о возмущениях греков против турецкой политики. По итогам работы была составлена записка под названием «Царство Греческое», представлявшая собой проект политического переустройства европейской части Османской империи на основе федерации. Проект предусматривал создание на Балканах единого государства, включающего в себя десять субъектов, пользующихся достаточно широкой автономией: Албания, Болгария, Босния, Валахия, Ливадия, Македония, Морея, Романия, Сербия, Фессалия. В своем донесении по итогам работы Пестель отмечал на этот счет: «Желание греков, на случай совершенного успеха, состоит в образовании федеральной республики наподобие Американских Соединенных областей»⁴.

Мы видим, что модель государственного устройства, присущая США, определяется как неприемлемая для России и допустимая для союза балканских стран. По нашему мнению, руководитель Южного общества пришел к выводу, что федерация является эффективным инструментом для объединения стран, не входивших ранее в одно государство. Она позволяет в этом случае достаточно плавно, сохраняя определенную автономию, создать новую державу. Для России же либо иного государства с централизованным государственным устройством переход к федерализму, децентрализация управления опасна по причине возможности развития центробежных сил.

¹ См.: *Пестель П.И.* Указ. соч. С. 126–127.

² Там же: С. 127.

³ Из показаний П.И. Пестеля // *Декабристы. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. О.И. Киянская. М., 2010. С. 259.*

⁴ Цит. по: *Иовва И.Ф.* Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. С. 129–130.

Во-вторых, представляя одной из основных причин сепаратизма стремление нации к политическому обособлению, Пестель предлагал осуществить в Российском государстве *национальную унификацию*.

Автор конституционного проекта указывает на диалектическое единство и противоборство права нации на государственное самоопределение и права государства сохранить свою территориальную целостность¹.

В отношении нерусских народов он полагает, что «лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольются сою Народность с народностью Господствующаго Народа, составляя с ним только один Народ»². Перечисляются в проекте и регионы, которым рекомендуется слиться с Россией и русским народом. Обосновывается такая точка зрения политической слабостью и отсутствием достаточного опыта собственной государственности³. Прогноз относительно политического будущего перечисленных регионов дается в проекте весьма однозначно: «Да и на будущая времена, по слабости своей никогда не могут составлять особых Государств; а по сему и подлежат все они Праву Благоудобства, долженствуя при том на веки отречься от права отдельной Народности»⁴. Одним из требований выдвигалось повсеместное господство русского языка.

В подобной позиции мыслителя исследователи видят то, что источником передового опыта государственного строительства для декабристов были, прежде всего, однонациональные западные страны⁵. В частности, упоминается Франция периода якобинской диктатуры, в которой жители были объявлены французами, в качестве единственного языка устанавливался французский, все другие языки и диалекты запрещались как таящие в себе опасность федерализма⁶.

В предложении П.И. Пестеля по национальной унификации Российского государства многие исследователи увидели проявление великодержавности, национализма и даже шовинизма⁷, в советской науке проект критиковался за непризнание руководителем Южного общества права наций на самоопределение и развитие собственного языка и культуры⁸.

Вместе с тем в исследованиях отмечено, что конституционный проект руководителя Южного общества не предполагал ни национальной розни, ни угнетения одних народов другими⁹. И дело, конечно, не в том, что Пестель

¹ См.: *Пестель П.И.* Указ. соч. С. 121.

² Там же. С. 122.

³ См.: Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ См.: *Галуза В.П.* Республиканская форма правления в России как составляющая часть государственной концепции дворянских революционеров (декабристов) в программных документах тайных обществ 1816–1825 гг. // Вестник ЧитГУ. 2007. № 3. С. 51.

⁶ См.: *Парсамов В.С.* Идея национальной самобытности в преобразовательных проектах П.И. Пестеля : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. С. 12–13.

⁷ См., напр.: *Нечкина М.В.* «Русская правда» и движение декабристов // Восстание декабристов: документы. М., 1958. Т. 7. С. 70; *Mauray A.* La conspiration des decabristes. Paris, 1964. P. 83 и др.

⁸ См.: *Покровский С.А.* Политические взгляды декабристов (1825–1950) // Советское государство и право. 1951. № 4. С. 57.

⁹ См.: *Прозорова Н.С.* Конституционно-правовые взгляды П.И. Пестеля // Советское государство и право. 1981. № 5. С. 117.

испытывал неприязнь к какой-либо народности, а в том, что национальное своеобразие потенциально нарушало политическое единство Российского государства. В специальных исследованиях по данному вопросу указывается на утопичность данного национального проекта, а также на то, что руководитель Южного общества, вероятно, не понимал, что ущемляет национальные права других народов¹.

По мнению П.И. Пестеля, реализация национального проекта, изложенного в «Русской правде», посредством установления «единоначалия, единородства и единомыслия» обеспечивала бы внутренний мир, спокойствие и территориальную целостность Российского государства.

В-третьих, в качестве меры профилактики централизации указывается религиозная унификация: «мы обязаны запрещать все те Действия Иноверных законов, которые противны Духу Законов Христианских»². Пестель признавал право за каждым исповедовать религию по собственному выбору, однако объявлял православие по сути дела государственной религией, сохраняя клерикальный характер Российского государства. По его замыслу, все части России должны быть связаны, в числе прочего, общностью православной веры.

В заключение отметим, что руководитель Южного общества декабристов в своем конституционном проекте «Русская правда» уделил значительное внимание вопросам сохранения территориальной целостности России и противодействия сепаратизму, одним из первых среди отечественных мыслителей комплексно подошел к заявленным проблемам. П.И. Пестелем предложен комплекс оригинальных и дискуссионных путей решения острых вопросов государственного развития России.

¹ См.: Рубаник С.А. Государственно-правовые воззрения П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 84.

² Пестель П.И. Указ. соч. С. 137.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА •**

Т.М. Самусенко,
*кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и истории государства
и права Юридической школы Дальневосточного
федерального университета
samusenko.tm@dvfu.ru*

**Из жизни кафедры теории и истории
государства и права Дальневосточного
федерального университета**

***Аннотация:** Статья посвящена кафедре теории и истории государства и права, ее истории, опыту и перспективам на будущее.*

***Ключевые слова:** юридическое образование, юридическая школа, наука, кафедра, преподаватели.*

***Summary:** Article is devoted to the Chair of theory and history of state and law, its history, experience and prospects on the future.*

***Keywords:** legal education, school of law, research, chair, professors.*

История кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета неразрывно связана с историей юридического образования на Дальнем Востоке.

Традиции юридического образования на Дальнем Востоке восходят к 1899 г., когда во Владивостоке был основан Восточный институт (ныне ДВФУ) — первое высшее учебное заведение к востоку от Байкала. В сентябре 1919 г. при Восточном институте был создан первый на Дальнем Востоке юридический факультет. В 1920 г. Восточный институт был преобразован в Дальневосточный государственный университет, в состав которого входило юридическое отделение. Традиции дальневосточного юридического образования были прерваны в период сталинских репрессий, которые привели к закрытию всего университета. И только в сентябре 1958 г. Минвуз СССР принял решение об открытии специальности «правоведение» на историко-филологическом факультете восстановленного Дальневосточного государственного университета. В 1959 г. был образован историко-правовой факультет и создана кафедра правоведения, которую возглавил кандидат юридических наук Н.И. Овчинников.

Кафедра теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета была создана приказом ректора от 12 февраля

1964 г. № 31 на основании Приказа министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 30 января 1964 г. № 95 «О кафедрах Дальневосточного государственного университета», в результате разделения кафедры правоведения на две самостоятельные кафедры — теории и истории государства и права и кафедры уголовного права, процесса и криминалистики.

Первым заведующим вновь образованной кафедры стал Бартыков Иннокентий Филиппович (12.02.1964 — 1.10.1967). В последующие годы кафедру теории и истории государства и права возглавляли: Елисейкин Петр Федорович (1.10.1967 — 29.08.1971), Бабаев Владимир Константинович (1.09.1971 — 30.08.1972), Белявский Виктор Федорович (8.09.1972 — 1.10.1979). С ноября 1978 г. по февраль 1995 г. кафедру возглавляла профессор Татьяна Самуиловна Исаева. С 1995 г. по настоящее время кафедрой заведует Татьяна Михайловна Самусенко.

С именами профессор Т.С. Исаевой и В.В. Сонины связана история не только кафедры, но и всего юридического образования в университете. Татьяна Самуиловна Исаева начала работать в Юридической школе Дальневосточного федерального университета с 17 июля 1959 г. в должности лаборанта юридического отделения историко-правового факультета. С 1 сентября 1960 г. Т.С. Исаева переведена на должность ассистента кафедры правоведения. За время работы на кафедре она прошла путь от ассистента до профессора и заведующего кафедрой. Она часто признается в том, что факультет стал для нее вторым домом, местом встреч с коллегами и друзьями. В стенах школы продолжают находить применение ее глубокие юридические и жизненные познания.

В.В. Сонин 55 лет своей жизни посвятил юридическому факультету ДВФУ, начав свою трудовую деятельность в университете с 1 сентября 1959 г. в должности преподавателя кафедры правоведения. С октября 1968 г. по ноябрь 1972 г. работал заместителем декана историко-правового факультета, а с января по октябрь 1982 г. — заместителем декана юридического факультета. В 1985—1987 гг. для подготовки и завершения докторской диссертации В.В. Сонин занимал должность старшего научного сотрудника. С марта 1991 г. работает профессором кафедры. Он не только прекрасный педагог, но и талантливый ученый, привнесший много нового в процесс изучения государства и права региона. Из-под его пера вышло более 200 научных трудов — монографий, учебных пособий, научных статей.

Большую учебно-методическую и научную помощь в становлении кафедры оказали известные советские ученые — С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Л.С. Явич, А.С. Королев. Особую роль в развитии кафедры и подготовке научных кадров сыграла кафедра теории и истории государства и права Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Именно в аспирантуре по данной кафедре прошла обучение и защитила кандидатские диссертации большая часть членов кафедры (доценты В.П. Федоров, С.Н. Овчинников, Т.М. Самусенко, Я.В. Гайворонская, Ю.Б. Кравченко, В.Ф. Белявский).

В настоящее время кафедра состоит из 12 человек: 1 заведующий кафедрой, 2 профессора, 7 доцентов, 1 старший преподаватель и 1 документовед. Ученую степень и ученое звание имеют 10 преподавателей, что составляет весьма высокий процент (90,9 %). Среди преподавателей кафедры — один заслуженный

работник высшей школы (профессор Т.С. Исаева), четыре имеют нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (профессор В.В. Сонин, профессор Т.С. Исаева, профессор Т.М. Самусенко, доцент С.Н. Овчинников), четыре преподавателя награждены Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (доцент С.Н. Овчинников, доцент В.П. Федоров, профессор Т.М. Самусенко, профессор В.В. Сонин).

Кафедра теории и истории государства и права является ведущей и выпускающей кафедрой при подготовке специалистов и бакалавров по специализации «Государственное право», а также при подготовке магистров по всем магистерским программам. Преподаватели кафедры обеспечивают преподавание юридических дисциплин (например, «Теория государства и права», «История российского законодательства» и др.) в других школах ДВФУ. Наиболее тесное сотрудничество осуществляется со Школой экономики и менеджмента, Гуманитарной школой, Школой искусства, культуры и спорта.

Кафедра теории и истории государства и права осуществляет учебную и учебно-методическую работу по дисциплинам, входящим как в базовую (теория государства и права, история отечественного государства и права, история государства и права зарубежных стран, история политических и правовых учений, философия права), так и в вариативную части федеральных государственных образовательных стандартов. Всего кафедрой обеспечивается преподавание 14 учебных дисциплин. По всем дисциплинам созданы учебно-методические комплексы, включающие программы курсов, планы семинарских занятий, тематику курсовых и дипломных работ, рекомендуемую литературу, тесты, задачи.

Внедрение информационных технологий в учебный процесс, создание интегрированной информационно-образовательной среды потребовало от преподавателей работы и в этом направлении, составляющем важную часть профессиональной подготовки специалиста. В настоящее время находятся в стадии погружения в интегрированную платформу электронного обучения Learning Management System (LMS) учебно-методические комплексы по всем реализуемым кафедрой дисциплинам.

По инициативе Т.М. Самусенко в Юридической школе в 2000 г. была создана юридическая клиника «ЭФОРА», позволившая объединить традиционные формы учебной работы с привлечением студентов практических навыков, необходимых для профессиональной деятельности. В работе клиники принимают участие и преподаватели кафедры: доценты С.Н. Овчинников и Я.В. Гайворонская, старший преподаватель О.И. Мирошниченко. В 2012 г. директором клиники назначена доцент кафедры Я.В. Гайворонская. О социальной востребованности юридической клиники свидетельствует то, что за период ее существования за правовой помощью обратились более 4500 жителей г. Владивостока и Приморского края.

Основными направлениями научно-исследовательской работа кафедры являются: закономерности развития современного Российского государства и права; государство и право Дальневосточной республики (ДВР). За последние годы преподавателями кафедры опубликовано 6 монографий, более 20 научных статей в журналах, включенных ВАК Минобрнауки России в

Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, 2 научные статьи в журналах, включенных в базу изданий SCOPUS. Преподаватели кафедры принимают активное участие в международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях.

Преподаватели кафедры взаимодействуют с созданными и действующими в Юридической школе Научно-образовательным Центром сравнительного правоведения и мониторинга законодательства России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Владивостокским центром исследования организованной преступности и коррупции, а также Центром дополнительного профессионального образования, с другими структурными подразделениями, что позволяет интенсифицировать научную, учебную и практическую работу по отдельным направлениям юриспруденции.

Профессор В.В. Сонин является членом диссертационного совета Д 212.056.07 на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история (исторические науки).

В рамках процесса интернационализации юридического образования преподаватели кафедры проходят стажировки в зарубежных университетах. Так, в октябре 2011 г. заведующий кафедрой Т.М. Самусенко прошла стажировку для администраторов (руководителей) российских университетов по программе «US Higher Education: Instruction, Academic Programs, and Management» (г. Сиэтл, США). Доценты кафедры С.Н. Овчинников и А.М. Иванов в июле — октябре 2012 г. прошли курсы повышения квалификации в Университете Висконсин (г. Мэдисон, США).

Большое внимание кафедра уделяет развитию студенческой науки. Студенческий дискуссионный клуб, объединяющий студентов разных курсов, ориентирован на углубленное изучение актуальных проблем современной юридической науки. Его ряды регулярно пополняют студенты, интересы которых простираются далеко за пределы учебных курсов. Организуются научно-теоретические конференции по актуальным проблемам теории права. Студенты достойно представляют Юридическую школу на научных и научно-практических конференциях как регионального, так и всероссийского уровня. Стало традицией проведение видеоконференций по актуальным проблемам теории государства и права со студентами юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Кафедра теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета с оптимизмом смотрит в будущее. На основе и во исполнение Программы развития Юридической школы Дальневосточного федерального университета разработана Программа развития кафедры теории и истории государства и права (2013–2019 гг.). В качестве ключевых факторов успеха развития кафедры определены: открытие и развитие аспирантуры; приоритетное развитие исследований в области сравнительного правоведения и государственного права, а также мониторинга законодательства России и стран АТР; внедрение новейших образовательных технологий в учебный процесс; достижение разумного сочетания опыта и молодости в формировании профессорско-преподавательского состава.

О.И. Мирошниченко,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Дальневосточного федерального университета
Ami_25.07@bk.ru

Основания легитимности государственной власти в современной России

***Аннотация:** в статье анализируется категория легитимности на предмет ее соотношения с русской социокультурной доминантой. Автор формулирует основания легитимности государственной власти в современной России, используя классификацию М. Вебера, соотнося ее с российской правовой действительностью и правовым менталитетом российского общества.*

***Ключевые слова:** легитимность, легальность, государственная власть, социокультурная доминанта.*

***Summary:** In this issue the category of legitimacy is analyzed according to Russian cultural basis. Author formulates the grounds for legitimacy of Russian state power, using the classification of M. Weber.*

***Keywords:** legitimacy, legalness, public authority, cultural basis.*

Бесспорно, что на настоящем этапе развития отечественную правовую науку одолевают размышления о наиболее перспективных путях развития российского права и государства. Этим объясняются свойственные для отечественной науки колебания из одной теоретической крайности в другую. Так, после распада Советского государства ведущей идеологической парадигмой стала так называемая теория модернизации, предполагающая безусловное следование либеральным западноевропейским концепциям и отрицание всякой национальной специфики. Вспомнились слова П.Я. Чаадаева: «...В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас живем для того, чтобы преподать урок отдаленным потомкам...»¹. Из контекста «выдирались» и тиражировались негативные, подчас уничтожающие саму возможность существования в России права и правового государства как явлений, высказывания известных правоведов. Например, авторитетнейший российский ученый, автор либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсесянц в одном из своих сочинений так охарактеризовал отечественное отношение к феномену права: «Стойкий и широко распространенный правовой нигилизм, отсутствие сколько-нибудь значимого опыта свободы, права, самоуправления, демократии, конституционализма, политической и правовой культуры, подчиненное положение общества в его отношениях с ничем не ограниченной и бесконтрольной властью...»². В.А. Четвернин и вовсе ставит русскую цивилизацию в ранг «не имеющих права на право» и в принципе не способных к регулированию правового характера³.

¹ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 13.12.2013).

² Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 353.

³ Материалы видеолекции В.А. Четвернина в Высшей школе экономики. URL: http://vk.com/video386882_165832013 (дата обращения: 13.12.2013).

Исследуемая в настоящей статье категория легитимности, безусловно, правовая и связывающая государство именно с правом — стала когда-то одной из ключевых в политике модернизации. Под лозунгами красивого западного понятия и придания «легитимности» до этого «нелегитимной» государственной власти проводились многочисленные выборы; в стране, где «не было права», это право насильственно прививалось, для чего формировались «легитимные» органы власти, создающие «легитимное» позитивное право; фактически сама категория стала объектом широких инсинуаций и злоупотреблений. И проблема, на наш взгляд, состоит отнюдь не в изначальной «расплывчатости понятия» и тем более не в его «низкой эвристической продуктивности»¹, а в том, что любая научная категория заслуживает рассмотрения применительно к особенностям того общества, в которое ее пытаются внедрить.

Предлагаем на секунду забыть об описанной выше широкой практике использования исследуемого понятия и вернуться к его начальной этимологической сущности. «Легальность», «легитимность», «легитимация» (*legitimus* — законный, лат.) — термины, когда-то ставшие продуктом определенной (французской) культуры и получившие первичное наполнение именно в ней. Введению рассматриваемого понятия в широкий оборот мы обязаны движению легитимистов — французских монархистов, которые, кстати, отождествляли легитимность с формальной законностью. Ирония в том, что на современном этапе (подобная трактовка была предложена известным политологом М. Вебером) легитимация считается процессом оценки чего-либо для признания объекта подходящим, правильным, а легитимность — качеством, означающим признание, положительную оценку явления. При этом саму законность, изначально породившую исследуемый термин, мы называем легальностью и считаем качественно другим понятием. Возникает вопрос: не предполагает ли сама эволюция исследуемой категории необходимость рассматривать легитимность не только как признание и доверие, но в связке с однокоренным понятием законности?

Приведенная любительская лингвистическая экспертиза не случайна. Все государственные и правовые явления необходимо исследовать лишь на основе их взаимосвязи со сложившимися в определенном обществе культурными ценностями и идеалами. Иначе говоря, наполнение и истинное содержание любой правовой или политической категории будет напрямую зависеть от социокультурной доминанты конкретного общества, его базовых ценностей. Таким образом, условием эффективности и легитимности государственной власти в контексте ее реальной содержательной наполненности и оцененности будет являться внутреннее архетипическое убеждение оценивающего субъекта в ее *правоте*. А это возможно лишь в том случае, если действия власти будут соответствовать социально-психологическим и культурно-историческим устоям общества. Еще Платон отмечал, что большинство требует от законодателей только одного: чтобы они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа².

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века. М., 2003. С. 57.

² См.: Платон. Законы // Соч. : 3 т. М., 1972. Т. 3, ч. 2. С. 154.

Таким образом, легитимность «по-русски» вполне может кардинально опровергать начальную французскую и даже конечную веберовскую трактовки исследуемого понятия, если будет отвечать на вопрос «на основании чего формируется поддержка и доверие?», но при этом содержать все по-настоящему качественные содержательные характеристики истинного признания власти населением. Так, один из исследователей российской правовой культуры А.И. Овчинников отмечает, что «социально-психологические исследования правосознания россиян последних лет на предмет их отношения к западноевропейской системе государственно-правовых ценностей, которую мы позаимствовали не столь давно, показывают, что факт знания и даже рационального одобрения тех или иных правовых принципов и норм никак не сказывается на реальном поведении опрошенных граждан, стоило им попасть в экстремальную проблемную ситуацию. Кроме того, эти нормы и принципы во многих случаях совершенно неправильно поняты, смысл их искажен, воспринят в соответствии с отечественными традициями»¹. И это неудивительно, если учесть, что, по мнению известного социолога П. Бурдьё, вся жизнь западного человека основана на вере в формально-правовые установления². В свою очередь, доверие к власти русского человека искони основывается на любви и вере в субъекта-носителя власти.

Все вышесказанное позволяет нам критически отнестись к часто встречающимся в современной научной литературе спекуляциям на тему отсутствия легитимности у современной российской государственной власти. Предлагаем на время отложить рассуждения в ставшем уже привычным негативно-ироническом ключе о пагубном торможении либерально-демократических реформ, о потере государственной властью своей легитимности (при этом ответа на вопрос, когда эта самая легитимность была — ведь для того, чтобы что-то потерять, надо это как минимум иметь, — не дается), о неучете интересов населения и т. д.³ и рассмотреть вопрос о причинах формирования в России именно той власти (а соответственно, и ее поддержки), которая существует на настоящем этапе. Да, мы считаем, что современная российская государственная власть вполне легитимна, хотя не отвечает западным критериям легитимной власти и факторы, на основании которых россияне доверяют своей власти, опровергают западное понятие легитимности как таковое. Однако обо всем по порядку.

На современном этапе правоведы определяют легитимность как свойство государственной власти, отражающее состояние правильности, оправданности, целесообразности, законности и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом⁴. М. Вебер выделяет «три чистых типа законной власти», т. е. три типа ее легитимности: законная власть —

¹ Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д, 2002. С. 30.

² См.: Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 112.

³ См., напр.: Иванников И.А. Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2009. Т. 7, № 4, ч. 3. С. 30–34; Чубайс И.Б. Власть в России нелегитимна. URL:<http://www.youtube.com/watch?v=tEUm57PAa8> (дата обращения: 13.12.2013).

⁴ См.: Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 66.

основанная на рациональном признании, корни которой проистекают из легитимности моделей или нормативных правил тех, кто пришел к власти; традиционная власть — базируется на вере в незыблемость традиций, в соответствии с которыми власть принадлежит определенным лицам; и харизматическая — в ее основе лежит восторженное отношение к героизму или иным образцовым качествам субъекта-носителя власти¹. Законная власть по умолчанию считается приоритетной, т. к. основывается на «качественном» принятии народом существующей формы управления, на действительно рациональном одобрении и доверии. Мы не будем сейчас вдаваться в философские споры о том, что какое-либо принятие, на наш взгляд, вообще невозможно без содержательно-качественного осмысления сути власти (и неважно, что во втором и третьем видах оно больше базируется на психологическом факторе), мы говорим лишь о том, почему нельзя считать аксиомой первичность и абсолютную идеальность рационально-правового типа легитимности для современной России.

Приведем любопытный факт. В 1998 г. в нашей стране было проведено социологическое исследование на предмет того, какой хотело бы видеть власть в государстве население. Выяснилось, что в качестве будущего Президента большинство россиян предпочитает увидеть национального лидера, способного обеспечить смыслополагающую функцию государства на базе разделяемых большинством населения фундаментальных ценностей². Заметим, что в опросе не фигурировало описание субъектного типа власти! Участники сами выбрали вариант, при котором оценивается именно глава государства. Иными словами, можно презюмировать, что население России все так же отдает предпочтение в сфере управления именно человеку, а не коллегиальному органу и считает, что именно конкретный глава государства в большей степени определяет жизнь и политику всей страны, что возвращает нас к базовой культурной доминанте.

Таким образом, говоря о поддержке российским населением власти, мы в большей степени оцениваем поддержку либо неприятие им конкретного человека. Из чего следует, что как минимум харизматический тип легитимности по веберовской классификации будет присущ нашему государству всегда, ибо русские сами наделяют своего лидера положительными и отрицательными качествами, с помощью которых либо придают ему весомость в собственных глазах, либо таковой лишают.

Характер признания либо непризнания власти имеет, наоборот, совершенно традиционный характер — лидер, носитель власти, оценивается по принципу наличия либо отсутствия у него необходимых самодержавному монарху качеств и, главное (совершенно нереальное и невозможное для западного человека!) на предмет наличия у него *любви* к своему народу и у народа любви к нему. Мы считаем, что взаимодействие общества и государства в России до сих пор лучше всего определяют слова классика: «Оставя все тонкие разборы прав политических, вопросим себя: кто есть самодержав-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646–647.

² См.: Самоопределение России : доклад по итогам исследования «Россия в формирующейся глобальной системе», проведенного центром глобальных программ Горбачев-Фонда в 1998–2000 гг. М., 2000. С. 12–15.

нейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим»¹. Именно любовь и безграничное доверие являются основанием отношения русского человека к власти. Поэтому ее веления не рассматриваются с точки зрения их рациональной мудрости, оценивается субъект власти на предмет наличия у него необходимых нравственных качеств. Совершенно верно утверждает судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский: «...В России граждане могут не заметить связи между качеством их голосования и результатами выборов. Когда во власть явится “хороший” человек, его встретят с доверчивой надеждой...»².

Таким образом, по нашему мнению, российская законная власть — это квинтэссенция традиционной любви к самодержавному лидеру и харизматичности субъекта-носителя власти, самим населением на лидерский «престол» вознесенного. Поэтому исконно русский тип легитимации — это поддержка любимой власти, отвечающей ценностным представлениям общества, и в контексте нашего государства такая легитимность, при всей ее несомненной психологической окрашенности, будет абсолютно и единственно подлинной и качественно-рациональной.

¹ Фонвизин Д.И. Рассуждения о непомерных государственных законах. URL: <http://golos-epochy.narod.ru/index.files/asr-fonvizin.htm> (дата обращения: 13.12.2013).

² Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003. С. 426.

Я.В. Гайворонская,

кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и
права Юридической школы Дальневосточного
федерального университета
yanavl@yandex.ru

Правовые акты в правовой системе Российской Федерации

***Аннотация:** в статье анализируются особенности правовой системы России. Автор выделяет формально-юридические особенности российской правовой системы по сравнению со странами романо-германской правовой традиции.*

***Ключевые слова:** правовая система, правовые акты, нормативные правовые акты, правотворчество, система правовых актов, менталитет, правовое сознание, правовые средства.*

***Summary:** the article is analyzing the distinguishing features of Russian legal system. The author marks the special formal legal features of Russian legal system that differs it from other countries that belong to continental family of law.*

***Keywords:** legal system, legal acts, normative acts, lawmaking, the system of legal acts, mentality, legal mind, legal means.*

В каждой стране исторически, в зависимости от национальных традиций, культуры, менталитета и других факторов социально-экономического и политического характера, сложилась своя правовая система. Однако, несмотря на существующие особенности и различия, в правовых

системах различных стран имеются и общие черты, позволяющие их объединять в так называемые «правовые семьи». Правовая семья понимается как совокупность национальных правовых систем, выделяемая на основе общности их различных признаков и черт¹. Правовая система признается в юридической науке самостоятельной правовой категорией, не совпадающей с понятиями «правовая надстройка», «правовая жизнь», «механизм правового регулирования», «система права». Правовая система есть целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация права, правоотношения, правосознание), складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия и характеризующий юридическое влияние на общественную жизнь².

На сегодняшний день современное российское право стоит перед выбором: присоединиться к одной из существующих правовых семей современности, пойти своим путем и образовать новую евро-азиатскую правовую семью либо вернуться к прежним «социалистическим корням».

Российскую правовую систему, как и советскую ранее, причисляют обычно к романо-германской правовой системе. Но существуют и другие точки зрения.

Все особенности российской правовой системы, выделяемые в литературе, можно отнести либо к содержательным, либо к формальным.

Большая часть исследований по специфике российской правовой системы затрагивает факторы первой группы. Современными исследователями анализируются в основном взаимодействие права и морали в российском обществе, деформации общественного правосознания, особенности славянского менталитета и исторически сложившегося уклада общественной жизни.

В.Н. Синюков в своей докторской диссертации указывал на самобытность российской правовой системы как составной части российской правовой семьи³. Особенность российской правовой системы отмечал и М.Н. Марченко. Не отрицая близость российской правовой системы к романо-германской правовой семье, он утверждает, что российское право, имея свои собственные исторические, социально-политические, бытовые, духовные, национальные и многонациональные основы, всегда было и остается уникальным, самостоятельным правом⁴.

Е.А. Лукьянова выделяет следующие особенности российской государственности и права: евразийство, общность, патернализм, национальная идея, духовность, державность и традиционализм. Возникновение таких особенностей было предопределено воздействием ряда объективных этнографических, экономических, исторических и других факторов. Все они возникли постепенно, по мере становления Российского государства, и в итоге приобрели

¹ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 166.

² См.: Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Правоведение. 2003. № 2. С. 14.

³ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система (вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 22–23.

⁴ См.: Марченко М.Н. Является ли правовая система России составной частью романо-германской правовой семьи? // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1.

устойчивый характер, определяющий сущность государственно-властных отношений в России и специфику их развития¹.

По мнению В.Н. Синюкова, Россия принадлежит к самостоятельному типу духовно-материальной организации, у которой своя ментальность, свои социальные институты, своеобразный характер, экономический уклад и трудовая этика. Это является важным показателем того, что Россия не может не иметь и адекватного себе национального правового мира, который нуждается в необходимой духовной идентификации средствами как государства, так и неполитической культурной, религиозной, научно-теоретической, литературно-художественной рефлексии².

Другая особенность вытекает из того, что правовая система отражает роль государства в регулировании всех общественных отношений. Надо отметить, что в российской политической культуре традиционно преобладает силовая парадигма государства, что соответствует преимущественно потестарному характеру российской политической действительности³.

По мнению В.Н. Синюкова, фундаментальная особенность российской правовой системы состоит в том, что она специфицируется не формой, а смыслом юридических институтов и явлений, внешне повторяющих рельеф континентальных правовых структур. При всей формальной схожести и одноименности в России эти структуры глубоко самостоятельны и часто даже диаметрально противоположны по своему смыслу тем социальным целям и мотивам, которые в них вкладываются в странах романо-германской правовой традиции⁴.

Итак, содержательные особенности российской правовой системы характеризуют, прежде всего, сферу правосознания, специфику славянского менталитета, исторически сложившиеся традиции взаимодействия государства и общества.

Формально-юридические особенности касаются системы источников права, их иерархии, принципов взаимодействия правотворчества и судебной практики в рамках правовой системы.

М.Н. Марченко, как и многие другие ученые, в своих работах говорит о совпадениях в российской и романо-германской правовых системах. Одним из основных принципов российского права является принцип верховенства конституции, закона, что полностью соответствует принципам романо-германской правовой системы⁵.

С идеей верховенства Конституции тесно связана концепция господства закона, но при этом имеются в виду законы, издаваемые во исполнение Конституции и соответствующие ей как Основному Закону страны. Именно законы, а не подзаконные акты должны быть основным регулятором общественных отношений,

¹ См.: Лукьянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 9.

² См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. М., 2010. С. 69.

³ См.: Соколыцк И.М. О силовой и юридической интерпретациях государства // Право и политика. 2007. № 2. С. 5.

⁴ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. М., 2010. С. 72.

⁵ См.: Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятия, виды, классификация // Вестник МГУ. Сер.: Право. 2000. № 2.

но вместе с тем нельзя допускать расширение законодательного регулирования до таких пределов, что закон превращается в инструкцию¹.

Однако реализация этого принципа и фактическое состояние системы нормативных правовых актов выглядят иначе.

Действительно, нормативные правовые акты являются основной формой российского права. Иные формы права в отечественной правовой системе ограничены теми разрешительными рамками, которые установлены законодательством².

Во многом особенности российской правовой системы предопределены ее советским наследием. В советском праве доминировали подзаконные акты, а законы носили именно рамочный характер³. Подзаконные акты представляют собой объемную разнородную массу. В десятки раз превышая количество законов, именно подзаконные акты подвергают общественную жизнь детальному правовому регулированию⁴. Парадокс современного правотворчества, как верно отмечают исследователи, состоит в том, что количество законов увеличилось на порядок не только в абсолютных величинах, но и с точки зрения производительности законодателя в год. Однако эта геометрическая прогрессия количества законов не усилила прямое действие этой формы права, не уменьшило количества издаваемых подзаконных нормативных правовых актов⁵.

В.Д. Зорькин в своих работах обращает внимание на правотворческую деятельность судов как особенность российской правовой системы. По его мнению, правотворческая деятельность судов в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права, так же, как это имеет место в ряде других стран Европейского континента. Решения и разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и фактически приобретают определенное прецедентное значение, способствуя формированию в правоприменительной практике судов оптимальных моделей для последующих судебных решений по конкретным делам⁶.

Отметим также, что учеными верно обращается внимание на непрерывную связь правовой системы с государством и политической системой⁷. Основой правовой системы является тип государства и права. В литературе мы практически не находим ответа на вопрос, к какому типу относится

¹ См.: *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 8.

² См.: *Бошно С.В., Васюта Г.Г.* Система нормативных правовых актов: современное состояние и потребности в развитии // Современное право. 2009. № 11. С. 11.

³ См.: Там же. С. 18.

⁴ См.: *Бошно С.В.* Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 51.

⁵ См.: *Бошно С.В., Васюта Г.Г.* Указ. соч. С. 18.

⁶ См.: *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российское право. 2004. № 4. С. 3.

⁷ См.: *Малько А.В., Затонский В.А.* Правовая система — ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 16.

наше государство¹. В отличие от романо-германской правовой системы, от сложившихся там правовых традиций в нашей стране господствует принцип верховенства политики над правом. Политика настолько превалирует над остальными ценностями, что все возможные отношения в России все еще строятся по схеме «кто начальник, тот и прав»². На это указывает и известный ученый-конституционалист С.А. Авакьян. С его точки зрения, правящие страной действуют не по Конституции и конституционному законодательству, а по политическим понятиям³.

В научных исследованиях выделены следующие особенности российской правовой системы, оказывающие влияние на законодательство: в отличие от романо-германской правовой семьи у нас действует принцип множественности источников права при ведущей роли закона; право в значительной степени зависит от политики, значительна роль теневого права в регулировании общественных отношений, правовой нигилизм характерен для всех сфер общества. При этом П.А. Паулов отмечает, правда, что данные характеристики не находятся в прямой функциональной зависимости с особенностями российского законодательства, а оказывают на него косвенное влияние⁴.

Проанализировав все вышесказанное, можно заключить, что отличительные особенности правовой системы Российской Федерации характерны не только для сферы правосознания, но и для области формально-юридических критериев типологии правовых систем.

На сегодняшний день наиболее существенной отличительной особенностью правовой системы Российской Федерации является отсутствие системности правовых актов. Как справедливо отмечено, именно по результатам правотворческой работы — законам и иным нормативным актам — судят о государстве в целом, степени его демократичности, цивилизованности, культурности⁵. В законодательстве Российской Федерации нет четкого разграничения между видами правовых актов, нет закрепления иерархии актов, официально установленных принципов их создания.

Конституция РФ содержит буквально две статьи (15 и 76), которые закрепляют основы правотворческой деятельности в Российской Федерации. На сегодняшнем этапе развития государства этого уже явно недостаточно. Федеральный закон о правотворчестве в России отсутствует, равно как отсутствуют законы о правовых актах в Российской Федерации и о нормативных правовых актах в Российской Федерации. На необходимость законодательного закрепления системы нормативных правовых актов и правовых актов в целом уже давно обращают внимание ученые.

¹ См.: Паулов П.А. Об особенностях правовой системы в России // Право и политика. 2008. № 4. С. 850–856.

² См.: Раянов Ф.М. Правовое государство — судьба России. Уфа, 2007. С. 147.

³ См.: Авакьян С.А. Конституционная нелегитимность. Опус первый: исход Конституционного Суда РФ из столицы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 1. С. 2.

⁴ См.: Паулов П.А. Факторный анализ современного российского законодательства: Методологический и практический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 19–20.

⁵ См.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. М., 1998. С. 289.

В настоящее время на законодательном уровне нет определенности ни с понятием документа, ни с установлением критериев официального документа, ни с понятием нормативного правового акта, ни с терминологией официальных источников в части употребления терминов «правовые акты», «нормативные правовые акты» и т. д. Нет единообразия и в трактовке интерпретационных актов, их допустимых видов и критериев их обязательности и применимости.

Официальное регулирование вопросов, связанных с правовыми актами, весьма фрагментарно. Единственным актом федерального уровня, регулирующим вопросы правотворчества, является Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹. Этого недостаточно с точки зрения удовлетворения потребностей в законодательном регулировании применительно к вопросам системы правовых актов, правил правотворческой деятельности.

Правовые акты — это внешнее проявление правовой жизни, отражение юридической реальности. Именно через правовые акты население взаимодействует с правовой реальностью. Правовые акты являются внешним выражением правотворчества и юридической практики как основных компонентов правовой системы.

Думается, все эти факторы позволяют считать правовые акты важной составляющей правовой системы. Система правовых актов в развитых правовых традициях выступает отдельным элементом правовой системы, ее качественной характеристикой. Эффективность правовой системы, ее демократический характер зависят, прежде всего, от используемых в ней правовых средств, т. е. от правовых актов.

Система правовых актов — качественный показатель развития правовой системы, демонстрирующий степень ее цивилизованности и прогрессивности. Четкая структуризация источников права и правовых средств, характерная для романо-германской правовой традиции, может служить образцом развития и ориентиром для российской правовой системы. Мы не говорим о слепом заимствовании. В дальнейшем развитие российской правовой системы может проходить либо по пути сближения с романо-германской правовой системой, либо по пути обособления, выделения собственного направления правового развития. Разные исследователи по-разному видят перспективы развития правовой системы России. Однако, независимо от избранного пути, модернизация правовой системы России будет связана с необходимостью определения принципов правотворчества и формированием на их основе системы правовых актов, а также их иерархии. На сегодняшний момент отсутствие такой системы является фактором дестабилизации правового развития, не позволяет России выйти на новый качественный уровень правовой жизни. Законодательно закреплённая система правовых актов позволит, по нашему мнению, повысить качество и правотворческой, и правоприменительной, и правореализационной деятельности.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005.

А.М. Иванов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права Дальневосточного
федерального университета
Ami_25.07@bk.ru

О возможности учета церковно-правовых норм в формировании государственной правовой политики в современной России

Аннотация: в статье говорится о том, что формирование гражданского общества в рамках правового государства предполагает наличие определенной правовой политики, направленной на единство общества и государства. По мнению автора, именно такое единство способствует стабильности в обществе и укреплению как внутреннего, так и внешнего авторитета государства.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, правовая политика, государственная идеология, стабильность, система ценностей.

Summary: in the article there is a thesis that the establishment of civil society under conditions of development of the "rule of law" state is presupposed by a definite legal policy, aimed at the unity of the society and the state. In the opinion of the author, this very unity contributes to stability of the society and is able to strengthen the authority of the state both within its borders as well as abroad.

Keywords: civil society, legal state, legal policy, state ideology, stability, system of values.

Для древних египтян и древних евреев, персов и римлян, жителей средневекового Кельна и средневекового Новгорода все в жизни начиналось с Веры. На вероисповедание опиралась нравственность, этика; на этику — политика. Лишь совсем недавно возникло и распространилось ложное утверждение: «политика — дело грязное». Так говорят те, кто хотел бы, чтобы люди нравственно чистые смирились с «грязными» политиками, чтобы чистые люди политикой заниматься перестали, оставив ее тем, кто «вынужден» делать за нас «грязное дело». Однако тысячелетиями люди жили иначе. «Политика — это прикладная этика», — писал Г. Федотов. Значит, бывает политика нравственная, а бывает безнравственная, «грязная»¹.

Правовая политика, как очевидно из названия, стремится к управлению населением правовыми, *правыми* способами. По-славянски «правый» — значит «прямой, не кривой». Отсюда антонимом однокоренного слова «правда» является слово «кривда». Справедливый, справедливость — того же корня. В силу различного индивидуального, а также микро- и макросоциального мировосприятия понятие (понимание) правовой политики может искажаться. Возникает вопрос: есть ли критерий неискаженного понимания и осуществления правовой политики? Ответ на этот вопрос напрямую связан с идеей справедливого управления, иногда называемого «честной политикой». Поскольку не может существовать ни одной политической партии, не оправдывающей свои цели, задачи, пути решения этих задач, все политические действия

---

¹ См.: Махнач В.Л. Параметры христианской политики. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/statute/parameter/> (дата обращения: 13.11.2013).

нуждаются в том или ином идеологическом обосновании. Или, если кратко — в идеологии. Думается, строительство гражданского общества будет проходить успешнее, если сама идея гражданского общества станет понятной всем слоям населения. То же касается и идеи создания правового государства.

С принятием Конституции в 1993 г. правящая партия установила относительно жесткий запрет на государственную идеологию, заморозив на некоторое время поиск новой системы идейных ценностей в нашей стране и тем самым парализовав общество. Со временем убедившись, что без такой системы все-таки не обойтись, что она — фундамент общественной и государственной жизни, высшее руководство России еще весной 1996 г. поставило задачу формирования национальной идеи (не изменив при этом Конституции, т. е. не отменив запрет на эту идею), которая, видимо, должна была как-то компенсировать отсутствие государственной идеологии, послужить тем каналом, который выведет страну из всеохватывающего системного кризиса¹. С момента этого решения было предложено великое множество идей с претензией и без претензий на всероссийский масштаб, но ни одна из них так и не была объявлена общенациональной.

На практике результатом отсутствия в стране объединяющей общенациональной идеологии является значительное повышение активности сепаратизма, национализма и других деструктивных тенденций. Противники государственной, общенациональной идеологии не понимают или отказываются понимать, что идеология и политика — это не одно и то же, и наконец — существует как реакционная, так и прогрессивная идеология².

История показывает, что ни одно государство ранее, равно как и современное общество, не могло и не может существовать без идеологии, так как именно она формирует у каждого из его членов политическое мировоззрение, дает им определенные ориентиры в окружающей политической жизни, делает их участие в политике осмысленным, что весьма важно для нас на этапе формирования гражданского общества.

В действительности, господствующая идеология в любом обществе существует независимо от того, сформулировал ли кто-то ее вслух в полном объеме. Анализ современной российской действительности показывает: поскольку единство, даже на позитивной платформе, по-прежнему запрещено, идет не столько интенсивный поиск современной российской, общенациональной идеологии, которая могла бы укорениться в менталитете россиян, сколько воспрепятствование укоренению такой идеологии под разными предлогами. Ее не нужно искать, она уже есть, более того, она выражена символически в государственном гербе России, значит, ее знают и не дают ей вновь привиться и ожить в сердцах россиян разных национальностей.

Усилия в области формирования правовой политики в настоящее время сосредоточены на привитии универсальных либеральных ценностей и

---

¹ Об это см., напр.: *Кочетков А.П.* Идеиные метания российского общества в начале XXI века // *Власть.* 2004. № 8. С. 3.

² О понятии «прогрессивный» см., напр.: *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999. С. 352.

институтов для российского общества или, другими словами, на «технологических аспектах проблемы». Отсюда отработки «оранжевых», «розовых», «бархатных» и прочих революций, шоковых и прочих терапий¹. А поскольку все направлено на достижение ложной цели, и объективно существующие законы общественного развития не учитываются, правители неизбежно приходят к выводу, озвученному американским политологом С. Холмсом: российский опыт «показывает, что, как это ни парадоксально, формирование либеральных институтов предполагает наличие сильного государства (!), активно вмешивающегося в создание новых общественных связей», а не просто обеспечивающего порядок — хотя и эта последняя задача в условиях слабого государства невыполнима². В противном случае нас будут подталкивать к мысли о необходимости «сильной политической воли» в деле налаживания порядка «в интересах народа». Примечательно, что об этом мечтают как те, кто хочет спасти страну от деградации, так и те, кто хочет навязать что-либо чуждое — они тоже хотят «сильной руки», роль которой они сами бы и выполняли по отношению к нам.

Важную роль в воспитании будущих граждан на основе идеалов демократии и гуманизма, патриотизма и нравственной чистоты играют семья и Церковь. Поэтому в укреплении и развитии семейно-брачных отношений, цивилизованных отношений с Церковью, при соблюдении свободы совести каждым гражданином заинтересованы в одинаковой степени как государство, так и его граждане.

Напрашивается вывод, что главное — создать систему управления обществом, решающую роль в которой играют его граждане. Однако здесь мы наблюдаем упование на профессионализм избираемого народом аппарата, а не на его духовно-нравственную чистоту. Между тем в мире вместо христианизации полным ходом идет «военизация политики»³, повышение агрессивности проводимой политики, навязывание своих ценностей, или иначе — политики изменения общественных ценностей во всех регионах планеты. Становится очевидным, что либеральная социальная политика, не сбалансированная политикой коммунитарно-демократической, т. е. ориентированной на общество и государственные интересы и ценности, в лучшем случае выражает интересы преуспевающей части граждан, каковых, однако, далеко не большинство⁴.

Поэтому мы обращаем внимание на символ осуществления правовой политики, который заключен в нашем гербе. Двуглавый орел выражает взгляд римских юристов на общественный организм как на организм отдельного человека, который требует заботы и о телесной части, и о духовной. Царская, или государственная, власть символизирует телесную часть в

¹ См.: Кочетков А.П. Указ. соч. С. 4.

² Как, впрочем и в США, где на деле господствует далеко не либеральная демократия. См. также: Согрин В.В. Управляемая демократия: американский вариант // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 112–121.

³ См.: Гуськов Ю. Современная демократия — гарант мира или источник агрессивности? // *Обозреватель*. Научно-политический журнал. 2005. № 4. С. 92, 98.

⁴ Ср.: Красин Ю.А. Российская демократия: коридор возможностей // *Полис*. Политические исследования. 2004. № 6. С. 134.

организме общества, а Церковь — духовную. Полное единомыслие и согласие между царской, государственной, и церковной иерархией есть условие мира и благополучия подданных по душе и телу. Такой взгляд на выстраивание государственно-церковных отношений называется «симфония властей»¹. По Эпананоге, Государь есть законодатель, высший правитель и судья людям, а по отношению к Церкви — хранитель благочестия и правоты. Царь по отношению к подданным пользуется неограниченной властью, но власть эта находит свой предел в религиозном и нравственном законе, установленном верховным законодателем и судьей — Христом².

Практическая проблема, т. е. задача правовой политики, думается, заключается не в том, чтобы привести нравственность в право, а в том, как поддерживать баланс между правом и нравственностью, между притязаниями, желаемым и этическими принципами, так или иначе субординируя их. Каким образом? Полагаем, что среди прочих решений целесообразно и возможно остановить поиски на следующем: политическое управление конкретным обществом, в частности в России, необходимо осуществлять не просто с позиции норм международного права, если уж такова реальность наших дней, но обязательно с учетом многообразия конфессионального мировосприятия, подчиняя политику интересам государство- и культуурообразующего мировоззрения, каковым для России традиционно является Христианское Православное исповедание. При этом нужно иметь в виду, что «общечеловеческое» заканчивается чаще всего на физиологическом уровне, на область же правовую и религиозную, культурно-политическую — не распространяется, следовательно, это должно найти отражение и в правовой, и в социальной политике. Например, противоестественность некоторых притязаний, возведенная в ранг «естественных прав», именуемых ныне «правами человека», ведет к укоренению патологического сознания и мировосприятия, формирует антиобщественный характер законодательных норм, что, по мере увеличения этих норм, чревато необратимостью процесса деградации общества. Нарушение правообразующего принципа: «право есть низший предел нравственности», выход за дозволенный предел нравственности, формально изложенный в Декалоге, по свидетельству мировой истории, является губительным для человечества.

Идею «симфонии властей» возможно осуществить и в условиях демократизации общества, но при выполнении следующего условия: для повышения роли нравственности в деле строительства «гражданского общества»

¹ Можно поразмыслить — насколько стройной являлась, да возможно, и сейчас является эта теория государственного устройства. Ведь современные ученые-государствоведы, хотя и вспоминают иногда на словах, что общество — тот же организм, на деле относятся к нему (видимо, как и к своему организму) — лишь бы напичкать каким-нибудь лекарством, а что дальше — выживет или нет — не важно. От чего лечимся — не знаем, чем лечиться — тоже. Результаты, как говорится, все — на лице! Или на желудке: происходит несварение как у индивидуального организма, так и у общественного. А ведь организм требует к себе бережного отношения, ибо (с религиозной точки зрения) это есть Храм Божий, вместилище Духа Святого. И когда относятся бережно и к общественному организму — и общество становится вместилищем Духа Святого.

² См.: *Иванов А.М.* Краткий курс Канонического права Православной церкви (для студентов-теологов заочного отделения Института истории и философии ДВГУ) : учеб. пособие. Владивосток, 2005. С. 66–67.

необходимо наличие духовного стержня, каковым может и должно стать Православие как культуuroобразующая религия русского народа, составляющего подавляющее большинство населения России. Дело в том, что монархистом, например, можно быть и вне идеи симфонии. Но тогда монархия не имеет ничего священного, просто рассматривается как наиболее удобный вид власти, что было известно еще Аристотелю. Особый православный характер государственной власти вытекает из церковного благословения, а никак не из природы монархической власти. Только став православным государством, Россия получила двуглавого орла.

Рецептов формирования «правильной» правовой политики в России множество. Мы не ошибемся, если не нарушим верной иерархии ценностей: сначала Церковь, затем русский народ, а лишь потом — государство. По крайней мере, «в отличие от идеи правового государства предки наши создали Государство Правды, которое не довольствуется правовыми целями государства и его правовым устройством. Государство Правды невозможно организовать введением какой-либо идеальной конституции. Оно имеет, кроме правовых, также и нравственные и религиозные цели и нравственную организацию. Оно никогда не теряет связи с Вечным и Абсолютным, действует во имя Вечного и, отказываясь от своей воли во имя воли Вечного, согласно с Его требованиями устроит государственную жизнь»¹.

¹ Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 33.

С.Н. Овчинников,
кандидат юридических наук, доцент
Юридической школы Дальневосточного
федерального университет
sovchinn@yandex.ru

Таможенное регулирование в конституциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Аннотация: статья посвящена анализу конституций азиатских стран АТР как источников таможенного права. Основная цель исследования — выделение конкретных примеров таможенного регулирования в конституциях, организационные и правовые аспекты этого регулирования.

Ключевые слова: таможенное право, сравнительное конституционное право, таможенное регулирование, азиатские страны АТР.

Summary: the article focuses on the constitutions of Asian-Pacific States as sources of customs law. The main objective of this paper is to analyse concrete examples of customs regulations in constitutions and the organizational and legal aspects of such regulations.

Keywords: customs law, comparative constitutional law, customs regulation, Asian-Pacific States.

Роль сравнительного правоведения как метода познания права и научной дисциплины в современных условиях значительно возрастает. Это определяется причинами как практического, так и теоретического

характера. С практической точки зрения сравнительное право дает возможность оценить уровень развития собственной правовой системы, и использовать достижения иных правовых систем. С теоретической точки зрения сравнительное право позволяет выявить факторы, влияющие на право, определяющие его содержание, определить особенности правовых систем различных стран.

В рамках сравнительного правоведения можно выделить различные уровни сравнения: сравнение целых правовых систем или семей правовых систем и сравнение определенных отраслей права, институтов и норм. Второй из названных уровней позволяет поставить вопрос о сравнительном таможенном праве.

В литературе высказывается мнение, в соответствии с которым главное в науке сравнительного правоведения — это не столько анализ отдельных правовых норм или институтов, сколько рассмотрение других компонентов правовой системы: общих принципов права, правовой культуры, правовой доктрины, правовых традиций и т. п. Рассмотрение же конкретных правовых норм и институтов имеет, скорее, эмпирическую, прикладную значимость, нежели фундаментальную, академическую¹. Вряд ли имеет смысл спорить о том, что важнее: прикладная или академическая значимость. И то и другое значимо, но по-разному. Право как социальное явление представляет собой регулятор поведения людей. Отсюда правоведение в целом и отраслевые юридические науки имеют, прежде всего, практическую направленность, выполняют практическую функцию. Соответственно и развитие сравнительно-правовых исследований в настоящее время обусловлено практическими потребностями правового регулирования.

Проблемой всякого сравнительно-правового исследования является вопрос об объектах сравнения. Комплексный характер таможенного права означает, что в него включаются все нормы, относящиеся к регулированию перемещения товаров через таможенную границу, и именно эти нормы, объединенные в институты, и являются, прежде всего, объектами сравнения. При более детальном выделении объектов сравнения в области таможенного права можно отметить такие его источники, как кодексы, иные законы, акты исполнительной власти, судебную практику, поскольку именно они определяют правовое регулирование в рассматриваемой сфере.

В сравнительном таможенном праве можно выделить и различные уровни сравнения. С этой точки зрения отметим сравнение таможенного законодательства двух правовых систем, что является значимым для обеспечения их гармонизации; региональный уровень — сравнение таможенных систем государств, относящихся к одному политико-географическому региону, например, страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР).

Поскольку центр мировой экономической и политической активности постепенно смещается в АТР, необходима и активизация восточного направления внешней политики, укрепление ее политических и торгово-экономических связей России со странами АТР. В связи с этим возрастает необходимость учета политико-правовых особенностей этих стран, которые отличаются по уровню экономического развития, модели экономики —

¹ См.: *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. С. 3–4.

рыночная или государственная, степени демократизации государственного режима и т. п. Эти особенности находят отражение и в конституциях.

Если сравнительное таможенное право — относительно новая область науки, то сравнительное конституционное право имеет достаточно долгую историю, разработанную методологию и систему категорий.

Конституции современных государств представляют широкие возможности для сравнения, поскольку «наряду с главной тенденцией к сближению различных конституционно-правовых систем возрастает многообразие конституционно-правовых институтов, создаются разные их варианты, порождаемые конкретно-историческими и национально-специфическими условиями»¹.

Конституция как основной закон страны устанавливает основы конституционного строя, политической, правовой и экономической систем данного государства или образования, основы правового статуса личности, представляет собой первичную нормативную базу для всего права и законодательства, в том числе и таможенного. Тот факт, что те или иные нормы, имеющие отношение к таможенному регулированию, закреплены в конституции, еще не делает их нормами таможенного права, они так и остаются конституционными нормами. Отсюда понимание конституции как источника норм той или иной отрасли права представляется достаточно условным, хотя и весьма распространенным. Конституционализация отраслевого законодательства предполагает рассмотрение его с точки зрения конституционных норм. Проблемы отраслевого правового регулирования общественных отношений необходимо решать на основе конституционного анализа, конституционного конструирования необходимых нормативных компонентов². Конституции отдельных стран уже рассматривались с точки зрения таможенного права³, так же как отдельные конституционные основания таможенного регулирования⁴. В конституциях можно выделить две разновидности норм, имеющих отношение к таможенному праву: общие начала, представляющие исходный юридический фундамент всех отраслей права, и нормы, непосредственно относящиеся к таможенному праву, правда, последних относительно немного.

Среди конституционных норм, непосредственно касающихся таможенно-правового регулирования, можно выделить нормы, определяющие полномочия по регулированию экспорта и импорта товаров, установлению таможенных тарифов, процедуры принятия законов и иных правовых актов, связанных с установлением пошлин.

Так, например, в соответствии с секцией 1-й ст. XII-й Конституции Республики Филиппины 1987 г. «Национальная экономика и наследие» «государство защищает предприятия Филиппин от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных компаний и нечестных торговых

¹ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 1996. С. 4.

² См.: *Крусс В.И.* Юридические предпосылки и перспективы конституционализации российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 5.

³ См.: *Овчинников С.Н.* Конституция РФ как источник таможенного права // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 70–72.

⁴ См.: *Крусс В.И.* О дефиците конституционного правопонимания и неконституционности нормативных конструкций российского таможенного законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 42–54.

практик». А секция 28-я ст. VI-й «Законодательная власть» устанавливает, что «конгресс уполномочен издать закон, который, при условии соблюдения предусмотренных в нем ограничений, предоставляет Президенту полномочия устанавливать тарифные ставки, пошлины на импорт и экспорт товаров, тоннажные и причальные сборы, а также другие сборы и пошлины в рамках программы национального развития, принятой Правительством»¹. Согласно ст. 142 Конституции Королевства Таиланд 2007 г., если законопроект является финансовым законопроектом, он может быть внесен только с визой премьер-министра. В соответствии со ст. 143 финансовый законопроект означает, что его положения касаются введения, отмены, уменьшения, изменения, модификации, освобождения или регулирования налогов или пошлин².

Для конституций федеративных государств существенным является распределение полномочий между федерацией и субъектами федерации. Одним из основных конституционных принципов федеративных государств является единство государственной политики, в том числе таможенной, на территории всей страны. Такое единство исключает возможность споров между федерацией и ее субъектами по таможенным вопросам. Так, Конституция Малайской Федерации 1957 г. среди Перечня вопросов, отнесенных к компетенции Федерации, называет торговлю, коммерцию и промышленность, включая импорт и экспорт Федерации; участие в международных организациях и органах, имплементацию принятых ими решений³.

Конституция Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. (с изменениями от 1992 г.) в ст. 36 закрепляет, что в КНДР внешняя торговля ведется или самим государством, или под его контролем. Государство развивает внешнюю торговлю на основе принципов полного равенства и взаимной выгоды. А ст. 38 Конституции КНДР определяет, что «государство проводит таможенную политику в интересах охраны самостоятельной национальной экономики»⁴.

Конституция Королевства Камбоджа 1993 г. обращает внимание на правоохранительный аспект таможенного регулирования. Ее ст. 64 устанавливает, что «государство запрещает и ужесточает наказания для тех, кто импортирует, производит, продает незаконные, поддельные и с истекшим сроком годности лекарства, а также товары, способные повлиять на здоровье и жизнь потребителей»⁵.

Безусловно, значение конституций для таможенного регулирования не исчерпывается только теми статьями, где прямо упоминаются таможенные вопросы. Многие иные конституционные нормы также имеют отношение к таможенному праву, используются в правовом регулировании таможенных отношений. Значение конституции определяется не только нормами, прямо

¹ См.: <http://www.gov.ph/the-philippine-constitutions/the-1987-constitution-of-the-republic-of-the-philippines/> (дата обращения: 14.11.2013).

² См.: URL: <http://www.constitutionalcourt.or.th/dmdocuments/Constitution2007byIFES.pdf> (дата обращения: 14.11.2013).

³ См.: URL: [http://www.agc.gov.my/images/Personalisation/Buss/pdf/Federal%20Consti%20\(BI%20text\).pdf](http://www.agc.gov.my/images/Personalisation/Buss/pdf/Federal%20Consti%20(BI%20text).pdf) (дата обращения: 14.11.2013).

⁴ См.: URL: <http://constitutions.ru/archives/48> (дата обращения: 14.11.2013).

⁵ См.: URL: <http://constitutions.ru/archives/5676> (дата обращения: 14.11.2013).

регулирующими те или иные общественные отношения, но и закрепленными в ней принципами регулирования, основными началами. Так, например, Конституция Социалистической Республики Вьетнам в ст. 24 определяет, что государство осуществляет единое управление экономикой и расширяет внешнеэкономическую деятельность, развивает разные формы экономического сотрудничества со всеми странами, международными организациями на основе взаимного уважения независимости, суверенитета и взаимной выгоды, защищает и стимулирует отечественное производство¹.

Все конституции подчеркивают незыблемость национального суверенитета. Тем не менее процесс глобализации конституционного права усложняет проблему суверенитета из-за влияния множества факторов², особенно суверенитета развивающихся стран. Таможенное регулирование не может функционировать без учета международных норм, которые включаются в национальное законодательство, но в то же время каждая страна стремится обеспечить свой суверенитет. Например, разд. 7 ст. II Конституции Республики Филиппины «Декларация принципов и политики государства» устанавливает, что «государство осуществляет независимую внешнюю политику. В отношениях с другими государствами первостепенное значение имеет сохранение национальной суверенности, территориальной целостности, осуществление национальных интересов и права на самоопределение». Эта идея еще отчетливее выражена в ч. III Конституции Республики Сингапур 1965 г. «Защита суверенитета», где говорится, что не должно быть никакого отказа или передачи, в полном или частичном объеме, суверенитета Республики Сингапур как независимой нации, будь то путем слияния или объединения с другим суверенным государством или любой федерацией, конфедерацией, страной или территорией либо другим способом³.

Государственный суверенитет понимается как свойство государственной власти, выражающееся в ее верховенстве и независимости. В научной литературе различают также экономический, правовой, территориальный, фискальный, налоговый, валютный, уголовно-правовой, продовольственный и другие разновидности суверенитета. Среди них можно отметить и таможенный суверенитет. Последний можно определить как верховенство и независимость государства в регулировании таможенных отношений⁴. Современные государства не могут существовать, не участвуя в различных союзах и межгосударственных объединениях, включая таможенные союзы и зоны свободной торговли. Через эти механизмы государства самоограничивают свой суверенитет, и это отражается в их конституциях. Статья 7 Конституции Республики Сингапур предусматривает возможность подписания «любого соглашения, контракта, пакта или другого договора с любым

¹ См.: URL: <http://constitutions.ru/archives/35> (дата обращения: 14.11.2013).

² См.: *Tushnet M.* The Inevitable Globalization of Constitutional Law // *Virginia Journal of International Law*. 2008. V. 49. P. 1005.

³ См.: URL: [http://statutes.agc.gov.sg/aol/search/display/view.w3p?page=0;query=DocId%3A"cf2412ff-fca5-4a64-a8ef-b95b8987728e"%20Status%3Ainforce%20Depth%3A0;rec=0](http://statutes.agc.gov.sg/aol/search/display/view.w3p?page=0;query=DocId%3A) (дата обращения: 15.11.2013).

⁴ См.: *Овчинников С.Н.* Таможенный суверенитет: верховенство государственной власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2011. № 3.

другим суверенным государством или любой Федерацией, Конфедерацией, страной или странами или любой ассоциацией, органом или организацией в их пределах, если такое соглашение, контракт, пакт или договор обеспечивает взаимную или коллективную безопасность или любой другой объект или цель, который несет или должен нести преимущества и выгоду для Сингапура».

В заключение можно отметить, что конституции различных стран затрагивают таможенное регулирование в разной степени. Некоторые, например, Конституция Японии, вообще не касаются этого вопроса. Больше внимания таможенному регулированию уделяется в конституциях социалистических государств (КНДР). Для конституций федеративных государств важно распределение полномочий между федерацией и субъектами федерации в таможенной сфере (Малайзия). Из-за тенденции к формированию зон свободной торговли и таможенных союзов некоторые конституции устанавливают ограничения во внешней политике, включая внешнеэкономическую (Филиппины, Сингапур). Вектор развития конституций рассмотренных государств сложно определить. Можно предположить дальнейшую универсализацию конституционного права, и тем самым интеграцию и унификацию таможенного регулирования.

О.И. Кочубей,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории государства и
права Юридической школы Дальневосточного
федерального университета
thp@list.ru*

Проблемы возвращения белоэмигрантов в Советскую Россию из Маньчжурии

***Аннотация:** в статье рассмотрены основные проблемы возвращения на родину лиц, эмигрировавших в Китай после установления советской власти. В отличие от европейских государств власти Китая под давлением советского государства, а затем и Японии, не пытались предоставлять какую-либо политическую защиту русским эмигрантам, что обусловило возникновение ряда проблем их репатриации.*

***Ключевые слова:** белая эмиграция, репатриация, власти Маньчжурии, амнистия рядовых солдат бывших белых армий, «харбинцы», КВЖД.*

***Annotation:** the article reviews the main problems of the people emigrated from the Soviet state to China to return to homeland. Contrary to European states Chinese authorities under Soviet and then Japanese pressure did not make attempts to provide political protection to Russian emigrants. It caused numerous problems to Russians on the way to return home.*

***Keywords:** white emigrants, repatriation, Manchuria authorities, amnesty of the private soldiers of former White armies, "kharbins", Chinese East Railway.*

С первых же лет эмиграции бежавшие от большевистской власти в разные точки планеты бывшие подданные бывшей Российской империи, сполна испившие горькую чашу неустроенности и скитаний, предпри-

---

нимали попытки вернуться на Родину. В большей степени эти тенденции были присущи русской эмиграции в Китае.

Идею возвращения активно поддерживало большевистское руководство. Конечно, при этом преследовались далеко идущие политические цели. Во-первых, после победы в гражданской войне эмигранты уже не представляли серьезной опасности для большевиков. Во-вторых, предоставление беженцам возможности возвратиться домой позволяло продемонстрировать мировому сообществу гуманизм новой власти. В-третьих, таким образом большевики стремились расколоть белую эмиграцию, подорвать ее силы. По мнению большевистских руководителей, советское закрытое общество не могло быть построено, пока за границей находились сотни тысяч бывших российских подданных.

Согласно Декрету Совета Народных комиссаров от 4 июля 1923 г. всем этим людям предлагалось зарегистрироваться в советских полномочных представительствах, а лицам призывного возраста — немедленно вернуться в страну под страхом уголовного наказания¹.

Стремясь разрушить изнутри союзы и движения белых казаков, белых партизан и другие эмигрантские воинские формирования, Советское правительство объявило о серии амнистий и разрешении вернуться рядовым бывших белых армий и ряду других категорий эмигрантов. Так, 9 июля 1924 г. вышел Указ СНК, по которому были амнистированы рядовые солдаты армий, ушедших в Китай и Монголию².

От возвращавшихся требовалось соблюдение одного условия — полного раскаяния и обещания лояльно относиться к новой власти. После чего им выдавался официальный документ о прощении перечисленных ими в покаянном заявлении «грехов». Получившие такую амнистию могли вернуться в СССР, где многие из них представляли перед судом и были осуждены за неполный перечень своих «преступлений».

Эмигранты не знали, что факт получения въездной визы на советскую территорию и документов о восстановлении во всех правах отнюдь не является истинной амнистией, и въехавших таким образом арестовывали как неамнистированных.

Активных же участников антибольшевистских выступлений амнистировали и впускали с одной, казалось бы, незначительной оговоркой — при действительном проявлении ими искреннего раскаяния. История восточной эмиграции знает немало примеров, когда были расстреляны сотни белых офицеров, казаков, священнослужителей за «неоткровенное раскаяние».

Существенную роль в этом неблагоприятном мероприятии играли и китайские власти, не желавшие обострять отношения с северным соседом. Так, в 1924 г. под давлением советской стороны руководство Китая согласилось на уничтожение в Маньчжурии антисоветской оппозиции. Это нашло отражение

---

¹ См.: О регистрации находившихся за границей русских военнопленных и интернированных и возвращении их в РСФСР : декрет СНК от 4 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923, ст. 623.

² См.: О распространении амнистии, объявленной 3 ноября 1921 года на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии, Западном Китае рядовых белых армий : указ СНК от 9 июля 1924 г. // СУ РСФСР. 1924, ст. 508.

в советско-китайском договоре, где в обмен на соглашение о КВЖД Китай согласился уволить со службы в китайской армии и полиции тех представителей эмиграции, которые персонально и по своим действиям представляли угрозу для правительства СССР.

Китайские власти, в свою очередь, были не прочь освободиться от пришлого и беспокойного элемента в лице сотен тысяч русских беженцев, многие из которых были вооружены. Они не только не препятствовали наездам советских агентов — уговорщиков в лагеря беженцев, но и требовали от последних обязательного посещения собраний, на которых выступали агитаторы. Но уговоры особого успеха не имели.

После неудачи с применением тактики «заманивания» советское правительство стало жестко требовать от китайских властей выдачи эмигрантов. «Слабое» китайское правительство не решалось противиться этому. Многие китайские чиновники, не имея элементарного понятия о принципе политического убежища, охотно выдавали белых эмигрантов в руки советских спецорганов. Имели место даже массовые выдачи. Так, из Цицикарского лагеря русских беженцев была выдана группа в сто с лишним человек. Бесправные эмигранты в подобных ситуациях ничего не могли сделать. Их обращения к китайским властям, в международные организации о защите их прав не давали положительных результатов.

В связи с провозглашением курса на новую экономическую политику советское правительство изменило и тактику действий в отношении эмигрантов. Бывшие русские подданные, прожившие за границей безвыездно более 5 лет, лишались гражданства. Кроме того, гражданства лишались все те, кто поживал за границей без выданных советским правительством документов или получившие их до 1 марта 1922 г. Гражданства лишались также люди, покинувшие Россию после 7 ноября 1917 г. без разрешения советского правительства, и те, кто имел право оптации и не воспользовался им. Гражданства лишались и русские дипломаты. Были уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности посол Российской империи в Китае Н.А. Кудашев, генеральные консулы и многочисленные сотрудники дипломатических миссий в Харбине, Мукдене, Шанхае. Лишались гражданства и находившиеся в Китае и не зарегистрировавшиеся в срок амнистированные военнослужащие белой армии.

С обострением советско-японских отношений еще более активизировалась тактика прямого похищения людей. Она стала способом «социально-демографической стерилизации» собственных приграничных территорий и территорий государства — потенциального военного противника. Китай, оккупированный Японией, рассматривался именно с этих позиций. Мощная операция была проведена ОГПУ против так называемых «харбинцев» — эмигрантов, проживавших в Харбине и вернувшихся на родину. Большинство из них родились в царской России или в Китае и никогда прежде не бывали в СССР. Так, в пересылочном лагере «Вторая речка» во Владивостоке в 1937 г. находились более 3 тыс. бывших работников КВЖД из Харбина. Они

выехали из Китая в 1931 г. в связи с продажей советским правительством Японии доли этой железной дороги. Возвращались в эшелонах, на которых красовались транспаранты «Матушка Россия, прими своих детей!».

В оперативном приказе народного комиссара внутренних дел СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. указывалось, что органами НКВД учтено до 25000 человек бывших служащих Китайской Восточной железной дороги. При этом в том же году было арестовано и репрессировано 4500 человек за «шпионскую и диверсионную деятельность». Этим же приказом было положено начало массовых арестов тех, кто оставался на свободе, и пре-кращены пусть редкие, но все же имевшие место освобождения из тюрем и лагерей.

Операция по ликвидации вернувшихся «харбинцев» была закончена к 25 декабря 1937 г. Большинство прибывших из Китая были расстреляны, остальные приговорены к заключению в тюрьмах и лагерях сроком от 8 до 10 лет.

С приходом советских войск в Маньчжурию в августе 1945 г. пришел конец не только русской политической эмиграции, но и всем тем, кто жил за рубежом в 20–30-е гг., не участвуя ни в каких политических объединениях. С этого времени начинает исчезать вся восточная русская эмиграция. Тысячи эмигрантов были отправлены в СССР. Переполненные эшелоны арестованных СМЕРШем прошли по КВЖД на северо-запад и северо-восток через Забайкальск и Гродеково намного дальше, чем с японскими военнопленными. Репатрианты из Маньчжурии отправлялись в лагеря Свердловской, Новосибирской, Оренбургской областей.

Оказавшиеся в советских лагерях были лишены права сообщать своим близким о своей участи, даже о том, что они живы. Только с 1954 г. оставшимся в живых было дано разрешение переписываться с заграничными родственниками, пользуясь при этом специальными открытками Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца СССР. При этом сложилась парадоксальная ситуация: многие эмигранты арестовывались на основе таких актов, как постановления Особого совещания при МГБ СССР. По закону, они не считались осужденными судом. Право же на пользование указанными открытками признавалось лишь за теми, кто был осужден решением суда. В результате у бывших харбинцев и после освобождения из лагерей была весьма затруднена возможность дать о себе знать. Справедливости ради надо отметить, что некоторые советские цензоры то ли по незнанию, то ли сознательно не обращали внимания на эти условия и пропускали «не-легальные» открытки.

Конечно, следует помнить, что не все эмигранты заслуживают оправдания. Были среди них и предатели, сотрудничавшие с фашистами и японскими милитаристами, убийцы и уголовники, но таких было меньшинство. Основная масса возвратившихся на Родину — без вины виноватые — достойны сочувствия потомков.

В.В. Сонин,

доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории государства
и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета
thtp@list.ru

Проект рецепции американского конституционного права на Дальнем Востоке России (1920 год)

Аннотация: в статье рассматривается рецепция американского права на Дальнем Востоке России в начале XX в. Анализируются специфические условия гражданской войны и иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: рецепция, Дальний Восток России, гражданская война, интервенция, проект конституции, республиканская форма правления.

Summary: this article is observing the process of adopting American Law in Russian Far-East in the beginning of the 20-th century. The specific conditions of civil war and foreign military intervention are analyzed.

Keywords: adopting of aw, Russian Far-East, civil war, intervention, the project of the Constitution, the republican form of government.

Дальний Восток — единственный регион России, где в 20-е гг. XX в. была создана земская государственность. Впервые земства как органы самоуправления стали осуществлять государственные функции. Подобный опыт не имеет аналогов в политической истории России и объясняется специфическими условиями гражданской войны и иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке. В этом земском государстве была предпринята уникальная попытка рецепции американского конституционного права.

После падения власти адмирала А.В. Колчака в марте 1920 г. население Владивостока, как и в 1917 г., переживало бурное и тревожное время, ожидая грядущих серьезных перемен в общественной жизни. Большевики отказались от немедленного установления диктатуры пролетариата и заявили, что они выступают за возобновление общедемократического пути развития Дальнего Востока и готовы сотрудничать со всеми социально-политическими силами, борющимися за прекращение интервенции и гражданской войны.

Вся полнота власти перешла к Временному правительству Приморской областной земской управы (Примоблземуправы), в состав которого вошли видные дальневосточные деятели Февральской революции 1917 г. во главе с правым эсером А.С. Медведевым. Правительственная программа предусматривала: сохранение буржуазного строя, частной собственности и предпринимательства «при условии защиты интересов трудящихся»; восстановление промышленности, финансовой системы и сельского хозяйства; привлечение иностранного капитала к разработке природных богатств Дальнего Востока на концессионных началах. Социальные преобразования должны были сводиться к разрешению «земельного вопроса в интересах широких крестьян-

---

ских масс на основе трудового землепользования», развитию «социального законодательства для более полного обеспечения материальных и правовых интересов рабочего класса»¹.

Дальневосточное демократическое социально-правовое государство должно было базироваться на «экономическом демократизме, политической свободе и верховенстве закона»². Приморское правительство считало, что одна из ошибок Временного правительства и лично А.Ф. Керенского состояла в отсутствии конституционного закрепления итогов буржуазно-демократической революции. В распоряжении Приморского правительства не было опытных юристов, которые могли бы в будущем войти в состав конституционной комиссии Народного собрания Приморья. Какая конституция нужна данному региону? Основной Закон какой страны может послужить для нее образцом? Эти вопросы не давали покоя председателю правительства А.С. Медведеву. На помощь пришло американское консульство во Владивостоке, которое поддерживало эсеровское Приморское Правительство. Оно попросило премьера принять гражданина США русского происхождения В.С. Завойко, который был намерен сделать важное политическое предложение.

Предложение В.С. Завойко заключалось в следующем: Российское государство должно пойти по американскому пути развития. По его мнению, история распорядилась так, что в 1920 г. именно Владивостокскому правительству при поддержке США суждено заложить фундамент демократической Приморской земской республики. В числе основателей этого государства В.С. Завойко видел и себя, предложив А.С. Медведеву проект Конституции будущей республики. При разработке этого памятника земского конституционализма использовались текст Конституции США 1787 г., законодательство Всероссийского Временного правительства 1917 г., а также отдельные акты буржуазных правительств Сибири и Дальнего Востока 1918–1920 гг.

Конституционный проект В.С. Завойко состоял из Преамбулы и семнадцати разделов, включающих 292 статьи. В отличие от американской Конституции один из первых разделов проекта подробно регламентировал статус гражданина, его права и обязанности. В его преамбуле говорилось: «Мы, народ Приморской области, во имя общего блага, торжества труда и справедливости, господства права и закона и сохранения всех благодетельных свобод, как для нас, так и для нашего потомства — принимаем и утверждаем Основные законы, которые изменяются и дополняются исключительно волею народа»³. «Господство права и закона» — формула правового государства, в котором права и обязанности гражданина должны носить всеобъемлющий характер и быть конституционно закреплены и гарантированы. Гражданином Приморской земской республики считался бывший подданный Российской империи, родившийся в Приморье или проживший на ее территории не менее 2 лет. Вся жизнь гражданина должна быть направлена на благо и пользу народа.

Земля, недра, леса, воды — общенародная собственность, которая на правах аренды может быть предоставлена предприятию, кооперативам и

---

¹ Вестник Временного правительства Приморской областной Земской управы. 1920. № 1. С. 1.

² Там же.

³ *Завойко В.С.* Основные законы Приморской области. Б. м. Б. д. С. 1.

частным лицам, в том числе и иностранцам при условии соблюдения ими природоохранительного законодательства. Имущество, нажитое гражданином преступным путем, должно быть конфисковано через суд. Торговые и промышленные предприятия, имеющие более 5 работников и доход не менее 25 тыс. рублей в месяц, были обязаны публиковать финансовую отчетность в газетах.

В случае сокрытия доходов, неуплаты поимущественно-подходного налога, совершения противозаконных операций предприятие подлежало конфискации в судебном порядке. В проекте провозглашалось равенство граждан перед законом, который был объявлен «воспитателем народа». В нем получили юридическое закрепление свобода совести, слова, печати, собраний, манифестаций и т. д., но запрещалась деятельность политических партий. Каждый гражданин имел право на труд, отдых, социальное обеспечение и образование, выступающее, по мнению автора проекта, «рычагом», при помощи которого народ движется вперед по пути прогресса. В связи с этим 1/3 национального дохода государству надлежало тратить на образование. «Забота о детях и стариках, — говорилось в проекте, — является первым долгом народной власти». Государство обязано беречь здоровье граждан и вести борьбу с таким негативным социальным явлением, как пьянство.

В проекте заявлено о неприкосновенности личности, имущества, жилища, а также свободе передвижения и выбора профессии. Однако гарантии прав и свобод граждан в проекте отсутствовали. Избирательное право граждан было ограничено, возрастной ценз в 21 год устранил от участия в выборах значительную часть молодежи. На это же были направлены образовательный ценз («бегло читать настоящие Основные Законы и объяснить прочитанное») и ценз оседлости (не менее 2 лет проживания в Приморье).

Копируя государственное устройство США, проект В.С. Завойко предусматривал создание федерации. Область как субъект федерации по правовому статусу напоминала американский штат, где власть, однако, осуществляли земства.

В.С. Завойко был сторонником республиканской формы правления, основанной на теории разделения властей с системой «сдержек и противовесов», характерной для американской практики. Верховная власть объявлялась принадлежащей суверенному народу (совокупность приморских граждан) в лице Законодательного собрания, состоящего, как и американский конгресс, из двух палат: Думы, избираемой сроком на 1 год на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, и Совета, избираемого на 1 год законодательными органами областей. Проект вводил институт пожизненных членов Совета, избираемых на объединенном заседании Совета и Думы из числа старейших членов обеих палат. Законопроект, принятый одной палатой, нуждался в одобрении другой. Принятый большинством голосов в обеих палатах собрания законопроект становился законом после утверждения его предводителем Республики, избираемым на 5 лет Законодательным собранием. Он мог быть переизбран на второй срок, но уже на 4 года. Как и американский президент, руководитель Приморской республики являлся

одновременно главой государства и правительства, их полномочия полностью совпадали. В отличие от американского образца, в рассматриваемом конституционном проекте взаимоотношения между законодательным собранием и предводителем не были определены. Предводитель имел право использовать вето в отношении законопроекта, принятого собранием, и это вето могло быть преодолено только повторным одобрением законопроекта обеими палатами собрания большинством в 2/3 голосов в каждой палате.

Верховную судебную власть осуществлял Высший суд Приморской республики, который комплектовался с помощью более сложной процедуры, чем Верховный суд США. 1/3 пожизненного состава Высшего суда Приморской республики избиралась законодательным собранием, 1/3 — выборными коллегиями всех окружных судов и 1/3 — составом Высшего суда, который являлся высшей апелляционной инстанцией, и его решения были окончательными. В проекте было закреплено право Высшего суда толковать Конституцию страны и объявлять неконституционными акты, противоречащие Основному Закону. Окружные и мировые суды с участием присяжных, избираемые гражданами, назывались в проекте «оком государства», а полиция — «слугой народа», личный состав ее назначался предводителем из граждан, имеющих «высокое умственное развитие», «высокий стандарт нравственности», гражданственности, честности и неподкупности.

Полиция, состоящая из служащих-профессионалов, призвана вести борьбу с политической и уголовной преступностью. Функции охраны общественного порядка в городах и селах осуществляла муниципальная полиция, в состав которой входили военнообязанные лица мужского пола от 18 до 45 лет. Свои обязанности они выполняли безвозмездно.

Вооруженной силой земской республики являлась Народная гвардия, в рядах которой находились призывники и добровольцы с 19 лет. Срок службы в пехоте составлял 1 год, в технических войсках — 2 года. Интересно положение, согласно которому народогвардеец не мог быть демобилизован, если не обучился грамоте, не стал физкультурником и не знал текста действующей Конституции.

Председатель Приморского Правительства А.С. Медведев внимательно изучил текст конституционного проекта В.С. Завойко и признал его интересным и заслуживающим внимания. Однако Приморское Правительство вынуждено было его отклонить, понимая, что большинство населения выступит против отделения Приморья от РСФСР и создания буржуазно-демократического государства. Навязать данное политическое решение силой американцы уже не могли, т. к. наблюдался закат интервенции, и США заявили о выводе своих войск с территории русского Дальнего Востока.

Историческое значение данного политико-правового опыта состоит в том, что в программе Временного правительства Примоблземуправы, опережая страны Запада на многие десятилетия, была зафиксирована важная стратегическая цель: построить в будущем социально-правовое государство. Начало этого политического процесса сопровождалось попыткой рецепции американского конституционного права.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ •**

Д.А. Смирнов,

*доктор юридических наук, доцент, директор
Юридического института Северо-Кавказского
федерального университета
dmi197526@yandex.ru*

К.А. Струсь,

*кандидат юридических наук, доцент Северо-
Кавказского федерального университета
(филиала) в г. Пятигорске
KonstantinStrus@gmail.com*

**О правовых основах оценки качества
образования**

***Аннотация:** в работе рассматриваются зарубежные и отечественные критерии оценки качества образования высших учебных заведений. Представлена характеристика механизма оценки качества образования в современной России, определены недостатки действующей модели.*

***Ключевые слова:** качество образования вузов; недостатки в оценке качества образования; критерии качества образования; европейская система оценки качества образования.*

***Summary:** in work it is considered foreign and domestic criteria in estimates of quality of education of higher educational institutions. The characteristic of the mechanism of an assessment of quality of education in modern Russia is submitted, working model shortcomings are defined.*

***Keywords:** quality of education of higher education institutions; shortcomings of an assessment of quality of education, criteria of quality of education; European system of an assessment of quality of education.*

В юридической литературе под правовыми основами предлагается понимать систему правовых актов, создающих с помощью принципов и иных юридических средств базу для организации либо функционирования социально-правовых институтов, осуществления юридической деятельности в целях обеспечения условий для наиболее полной жизненной самореализации личности, удовлетворения потребностей индивидов, их коллективных образований и общества¹.

Базовым документом, обозначившим новый этап в реформировании системы образования, выступил Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² (далее — Закон). В

¹ См.: Струсь К.А. Категория «правовые основы»: переход от абстрактного к конкретному // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2011. № 3. С. 81.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

названном документе отражен передовой опыт образовательной практики, подтвердивший свою эффективность. В частности, вводятся новые уровни образования, разновидности образовательных программ; возможности для обучающихся выбирать, а для работодателей — определять курсы дисциплин в рамках общих образовательных программ; дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, сетевое взаимодействие образовательных организаций и др. Основное назначение вводимых новшеств заключается в формировании человека, обладающего комплексом теоретических знаний и практических навыков, выступающего самостоятельной личностью, способной применить свои знания на практике, в самостоятельной жизни и практической деятельности. Критерием оценки образовательной деятельности выступает оценка качества образования.

По результатам проведенного опроса большинство респондентов указало, что оценка качества и востребованности профессионального образования в России определяется: государством — 25–30 %; профессиональным сообществом (отраслевых предприятий, объединений) — 5–10 %; обществом — 1–3 %; физическими лицами (абитуриентами, их родителями) — 69–57 %¹. Такая ситуация была вполне предсказуема, в силу того, что большинство поступающих в высшие учебные заведения надеется связать свое будущее с государством, а выбор направления подготовки и последующее трудоустройство ложится на плечи самых близких людей. В российской практике профессиональное сообщество и общественное мнение не заняло достойного места в формировании социального заказа на отдельных специалистов, не выступает структурой, определяющей выбор необходимых компетенций для будущих сотрудников.

Обращение к международным документам позволяет выделить три критерия качества образования: 1) академическое качество персонала, которое складывается из квалификации персонала и качества образовательных программ в сочетании с процессом преподавания и научными исследованиями, при оценке их востребованности обществом; 2) качество подготовки студентов — уровень знаний студентов; 3) качество инфраструктуры высших учебных заведений, включающей в себя всю совокупность условий их функционирования (компьютерные сети, библиотеки и др.).

Европейский центр по высшему образованию (СЕПЕС) ЮНЕСКО в качестве критериев оценки качества образования определяет: 1) институциональную миссию и цели учебного заведения; 2) параметры образовательной модели; 3) определенные стандарты реализуемой программы или дисциплины.

В целом соглашаясь с приведенными критериями, необходимо остановиться на тех аспектах, которые не были названы. Это выполнение базовых стандартов и эталонов (т. е. формирование и приобретение соответствующих компетенций у обучающихся); достижение промежуточных результатов на разных этапах обучения (в начале, в процессе и на выходе обучения); востребованность образовательных услуг заинтересованными участниками образовательного рынка.

¹ См.: URL: [http://mgup.ru/public/upload/file/_\(7\).doc](http://mgup.ru/public/upload/file/_(7).doc) (дата обращения: 01.12.2013).

В связи с ратификацией Россией Болонской конвенции отечественные высшие учебные заведения вынуждены прибегать к оценке качества образования в соответствии с общепринятыми международными критериями деятельности. В связи с этим перед образовательными учреждениями стоит задача в обеспечении обмена знаниями, мобильности преподавателей и студентов в рамках международных исследовательских проектов, с учетом национально-культурных ценностей и среды¹.

Обобщая сложившуюся практику, можно выделить три основных инструмента контроля качества высшего образования.

1. Аудит — призван оценить соответствие принятых решений поставленным целям и задачам, целесообразность и эффективность действий. В ходе аудита рассматривается система управления в вузе, оценивается профессионализм персонала вуза, система внутреннего контроля качества; изучается участие сотрудников университета и других заинтересованных лиц в процессе контроля качества. Подвергается анализу с гендерной точки зрения доступность образования для представителей различных территорий и национальностей. В отдельных государствах аудит проводится ежегодно, а составленное аудиторское заключение официально публикуется.

Аудит качества выступает довольно прогрессивным инструментом, однако его использование в практике государственного управления и в сфере высшего образования остается весьма ограниченным. Причина такой ситуации связана с высокой долей субъективизма аудитора ввиду отсутствия четких критериев оценки. На регулярной основе в качестве вспомогательного инструмента аудит качества проводится в таких странах, как Великобритания, Швеция, Ирландия, Австралия.

2. Аккредитация — предполагает проверку высших учебных заведений и учебных программ на соответствие определенным критериям. По результатам работы выносится решение о прохождении либо непрохождении аккредитации учебным заведением. Указанный вид контроля обеспечивает минимальные гарантии качества обучения. В разных странах аккредитация может осуществляться государственными органами или независимыми агентствами. Такой вид контроля качества высшего образования широко используется в США, Австрии, Германии, Нидерландах, Чехии, скандинавских странах, странах Балтии и др.

3. Оценка — предполагает сравнение и ранжирование вузов между собой, а также самооценку вузов в динамике (определение динамики индикаторов деятельности, прогресс в достижении вузом поставленных целей). Оценка, в отличие от аккредитации, позволяет выявить степень конкурентоспособности вузов, сравнить последние между собой. «Регулярно оценка проводится в большинстве стран Европейского Союза (Великобритания, Нидерланды, Франция, Скандинавские страны). Данный инструмент наиболее точно отражает развитие системы высшего образования как в целом, так и в отдельных частях»².

¹ См.: Всемирная конференция по высшему образованию: Рамки действий. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/education/> (дата обращения: 02.12.2013).

² *Смирнов Д.А., Струсь К.А.* Правовая основа оценки качества образования в высших учебных заведениях: основные подходы и пути оптимизации // *Universum: Экономика и юриспруденция* : электрон. научн. журн. 2014. № 1. URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/826> (дата обращения: 10.02.2014).

В современной России оценке качества образования уделяется большое внимание. На совещании по вопросам оптимизации сети учреждений высшего образования Северо-Кавказского федерального округа руководитель Рособнадзора С.С. Кравцов обозначил основные направления работы ведомства по повышению качества профессионального образования в регионе следующим образом: «Мы должны навести здесь порядок, чтобы вуз, который имеет лицензию, госаккредитацию, соответствовал всем условиям — и по материально-технической базе, и по преподавателям, и по качеству образования. Наша с вами общая задача — добиться высокого качества образования в каждом конкретном вузе»¹.

Для оценки качества российского высшего образования используются критерии европейской модели «Европейская сеть обеспечения качества в высшем образовании», в которой выделяются следующие показатели:

- 1) квалификационный уровень преподавательского состава;
- 2) научно-исследовательская программа университета;
- 3) состояние материально-технической базы учебного заведения;
- 4) качество учебных программ;
- 5) уровень подготовки студентов;
- 6) качество знаний;
- 7) востребованность выпускников на рынке труда;
- 8) достижения выпускников.

Из п. 29 ст. 2 Закона следует, что качество образования определяется степенью соответствия образовательной деятельности и подготовки обучающегося федеральным государственным образовательным стандартам, которые устанавливают минимальные требования для преподавательского состава, материально-технической базы, учебных планов. Приказом Минобрнауки России от 25 марта 2003 г. № 1155 «Об утверждении Положения об итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений Российской Федерации»² определяются требования, предъявляемые к качеству итоговых знаний студентов. В ст. 97 Закона определяется необходимость отражения показателя востребованности выпускников, их учебных, внеучебных и профессиональных достижений.

Во исполнение указанных документов был принят Приказ Министерства образования и науки РФ от 2 мая 2012 г. № 370 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля качества образования»³. Содержание данной функции образуют: «анализ и экспертиза документов и материалов, характеризующих деятельность организации, средств обеспечения образовательного процесса по вопросам, подлежащим проверке (в том числе учебно-методической документации, учебной, учебно-методической литературы и иных библиотечно-информационных ресурсов)

¹ URL: http://www.obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=3202 (дата обращения: 02.12.2013).

² См.: Российская газета. 2003. 15 мая.

³ См.: Российская газета. 2012. 9 нояб.

(при проведении документарных и выездных проверок); анализ использования в образовательном процессе объектов, необходимых для осуществления образовательной деятельности (зданий, строений, сооружений, помещений и территорий), учебно-методической документации, учебной, учебно-методической литературы и иных библиотечно-информационных ресурсов и средств обеспечения образовательного процесса (при проведении выездных проверок); экспертиза качества освоения обучающимися образовательных программ (при проведении выездных проверок); анализ результатов текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся, итоговой аттестации выпускников организации (при проведении документарных и выездных проверок)».

Результатом исполнения государственной функции по контролю качества образования выступает оценка соответствия содержания и (или) качества подготовки обучающихся и выпускников организации федеральным государственным образовательным стандартам или федеральным государственным требованиям. В случае выявления при проведении проверки качества образования нарушений организацией обязательных требований должностные лица Рособнадзора обязаны: выдать предписание организации об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения; принять меры по контролю за устранением выявленных нарушений, их предупреждению и предотвращению, а также по привлечению лиц, допустивших выявленные нарушения, к ответственности.

Таким образом, проведение оценки качества образования сводится к принятию решения о соответствии содержания и (или) качества подготовки обучающихся и выпускников установленным федеральным стандартам и выявлению нарушений установленных требований.

Анализ зарубежной и отечественной практики позволяет выделить ряд недостатков в сложившейся отечественной практике, которые требуют широкого обсуждения и устранения.

Первое. Необходимым условием для повышения качества деятельности вузов выступает обеспечение публичности результатов их деятельности. В связи с этим во всех странах вузы отчитываются перед органами управления образованием и обществом в целом. Формой предоставления сведений является годовой отчет, в котором содержится информация об учебной, научной, международной деятельности вуза, студентах и преподавателях, инфраструктуре, а также цели и задачи на следующий год работы. Годовые отчеты публикуются, становясь достоянием общественности. Помимо годовых отчетов вузов публикации в СМИ подлежат и результаты внешней оценки.

Второе. Сложность оценки качества образования в вузах определяется тем, что в связи с реализацией компетентного подхода образовательным учреждениям предоставляется возможность самостоятельно вводить учебные дисциплины и определять формируемые компетенции. Целесообразность введения последних не включается в предмет проверки качества образования, что, в конечном счете, сводит процедуру оценки качества образования к анализу обеспечения учебного процесса. Полагаясь на зарубежный опыт, предлагаем дополнить административный регламент положением о возможности про-

---

ведения Рособрнадзором аудита в целях оценки целесообразности введения авторских образовательных программ. Данное полномочие позволит исключить те программы, которые определяются формально, без оглядки на потребности внутреннего рынка, особенности экономического развития территорий и т. д.

Е.А. Иванченко,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры правовой культуры
и защиты прав человека
Северо-Кавказского федерального университета
kvi-elena@yandex.ru

Проблемы использования интерактивных методов обучения в преподавании правовых дисциплин

***Аннотация:** в статье автор анализирует интерактивные методы обучения, которые могут быть использованы при организации обучения правовым дисциплинам. Рассматриваются факторы, влияющие на внедрение интерактивных методов в образовательный процесс.*

***Ключевые слова:** интерактивный метод, правовая дисциплина.*

***Summary:** in the article the author analyzes the interactive teaching methods that can be used when teaching legal subjects. Factors influencing the introduction of interactive methods in the educational process.*

***Keywords:** interactive method of jurisprudence.*

Особенности динамики современной жизни, усложнение общественных отношений ориентируют преподавателя высшей школы на внедрение в процесс обучения инновационного подхода. Высшее образование как таковое в последние два десятилетия превратилось в рыночный продукт, который должен соответствовать социальному спросу, выражающемуся в формировании конкретно-определенных требований к рынку выпускников высших учебных заведений. Данная ситуация накладывает ответственность при принятии решений на образовательные учреждения как участника рыночных отношений.

Образовательный процесс постепенно совершает движение в сторону инновационных технологий преподавания, нацеленных на формирование у обучаемых убеждений, качеств характера, навыков, востребованных на современном рынке труда. Выпускник, даже блестяще образованный, но не умеющий применить теорию на практике, не жизнеспособен в условиях современных профессиональных отношений. Соответственно, задача преподавателя состоит не в воздействии на личность обучаемого, а во влиянии на процесс развития данной личности.

Процесс перестройки сознания преподавателей затруднен многими факторами. Прежде всего, необходимо отметить сложившиеся традиции преподавания юридических дисциплин, основанные на дидактизме преподавания

преподаваемого материала, лишаящего студента статуса равного участника диалога. Диалогические методы общения, направленные на совместный поиск истины, как таковые отсутствуют в арсенале преподавателя, что в корне неправильно в свете новейшей образовательной концепции.

Вторым фактором, затрудняющим внедрение инновационных технологий в образовательный процесс, является существование значительной разницы в трудозатратах при подготовке к занятиям. Не секрет, что подготовка к проведению занятия в классической форме занимает раза в три меньше времени, чем в интерактивной форме, при одинаковой оплате труда преподавателя. Кроме мотивации профессионального роста преподавателю необходимо обеспечить мотивацию получения адекватного вознаграждения за свой труд.

Третьим фактором, который тормозит процесс внедрения интерактивных методов в образовательный процесс, выступает слабая техническая обеспеченность занятий при преподавании правовых дисциплин. Позиция, в соответствии с которой при преподавании дисциплин гуманитарного цикла достаточно одной аудитории, является устаревшей, не соответствующей современным условиям. Если мы хотим получить специалиста, обладающего уже на момент получения диплома практическими профессиональными навыками сверх полученных теоретических знаний, мы должны обеспечить адекватные условия для их формирования. Интерактивная доска для проведения лекций-презентаций, компьютеры для всех присутствующих студентов с выходом в локальную сеть, в правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант» — это тот необходимый минимум, с которого следует начинать внедрение в практику преподавания юридических дисциплин интерактивных методов.

В идеале образовательное учреждение, желающее подготавливать выпускников-юристов, востребованных на рынке труда, должно стремиться обеспечить юридические дисциплины программными продуктами, позволяющими моделировать большое число вариантов юридических ситуаций. Особенно это касается учебных дисциплин, напрямую зависящих от изменений действующего законодательства, складывающейся юридической практики, достижений в научно-технической области: уголовный процесс, гражданское право, гражданско-процессуальное право, прокурорский надзор, криминалистика и т. д. Несомненно, преподавательский состав должен при этом иметь соответствующую подготовку, позволяющую использовать весь потенциал данных программных продуктов.

Суть интерактивного обучения состоит в том, что преподавание дисциплин, в том числе и юридических, основывается на вовлечении всех без исключения студентов учебной группы в процесс познания. Принципами, которыми должен руководствоваться преподаватель, использующий интерактивную методику обучения, на наш взгляд, являются принцип индивидуализации и принцип дифференциации.

Принцип индивидуализации реализуется путем подбора к каждому обучаемому студенту метода, способного обеспечить усвоение учебного материала при использовании именно его личностных качеств. Принцип дифференциации реализуется при установлении каждому обучаемому того объема индивидуального вклада в процесс познания, который необходим при

обмене идеями, вариантами решения юридических ситуаций. Полноценное соблюдение двух данных принципов возможно только в атмосфере доброжелательности, обеспеченной преподавателем на учебном занятии, позволяющей возвести познавательную деятельность студента к более высоким формам сотрудничества: «студент – преподаватель» и «студент – студент». Изменение общественной идеологии, построение ее по западному типу обязывает организовывать познавательную деятельность обучающихся по принципу кооперации, где каждый студент с набором своих личностных качеств выступает как член команды и должен иметь навыки работы в команде.

Говоря о применении интерактивных методов обучения при преподавании правовых дисциплин, нельзя не коснуться вопроса интенсификация процесса обучения. Снижение доли аудиторных занятий в общем объеме учебной дисциплины, небезосновательно воспринимаемое в штыки подавляющим большинством преподавателей, приводит к объективной необходимости детального обеспечения заданиями для самостоятельной работы студентов. И тут на выручку преподавателю приходят интерактивные методы, дополняя такие классические формы самостоятельной работы студентов, как изучение и конспектирование специальной литературы и материалов судебной практики, решение задач. Идеальными интерактивными методами при самостоятельной работе студентов, на наш взгляд, являются метод «дельфи» (для самостоятельной работы студентов группой) и метод «кей-стади» (для индивидуальной самостоятельной работы студента).

Метод «дельфи» — это метод, при котором принимается любой ответ студентов на заданный вопрос. Важно не давать оценку высказываемым точкам зрения сразу, а принимать все и записывать мнение каждого на доске или листе бумаги. Участники должны знать, что от них не требуется обоснований или объяснений ответов.

Данный метод применяется, когда нужно выяснить информированность и отношение участников группы к определенному вопросу. Давая правовую ситуацию, определенную тему или вопрос для обсуждения, целесообразно разбить учебную группу студентов на 4 или 5 подгрупп.

Алгоритм дальнейшего обсуждения самостоятельно выполненного задания следующий:

1. Назвать заданную тему, ситуацию или вопрос для обсуждения.
2. Предложить высказать каждой группе свои мысли по этому поводу.
3. Записать все прозвучавшие высказывания (принимать их все без возражений). Допускаются уточнения высказываний, если они кажутся неясными (в любом случае решение должно быть записано так, как оно прозвучало).
4. Когда суждения высказаны, нужно повторить, какое было дано задание, и перечислить все, что записано со слов участников.

После завершения фиксации всех мнений необходимо обсудить все варианты ответов, выбрать и обосновать правильный.

Метод «кей-стади», как уже отмечалось выше, больше подходит для индивидуальной самостоятельной работы студентов. Суть данного метода заключается в том, что студенту предлагают осмыслить реальную юридическую ситуацию, причем ее содержание одновременно отражает какую-либо

практическую проблему и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. Безусловно, сложность применения данного метода при организации самостоятельной работы студентов заключается в том, что в рамках читаемой дисциплины преподаватель обязан разработать не только банк кейсов (заданий), но и методические рекомендации по их использованию, а также информационные материалы, необходимые для успешного решения кейсов, т. к. самостоятельный их поиск данным методом не предусмотрен, основная задача состоит в решении правовой задачи, исходя из ограниченного, четко установленного объема исходной информации.

Применение метода «кей-стади» в процессе изучения юридических дисциплин позволяет успешно достичь интеграции знаний из различных отраслей права, обеспечивая связь преподаваемого предмета с предыдущими и последующими учебными дисциплинами, что полностью соответствует современной концепции образовательной деятельности.

Обязательными условиями применения интерактивных методов в обучении являются доверительные отношения между преподавателем и студентами, демократический стиль общения, многообразие форм и методов предоставления информации, включение внешней и внутренней мотивации деятельности, а также взаимомотивации студентов.

Бесспорно, что интерактивные методы обеспечивают прочность полученных юридических знаний, стимулируют творческую деятельность студентов и свободу самовыражения, развивают коммуникабельность, прививают уважение к индивидуальности, обучают навыкам работы в команде, что, безусловно, отражается на общей профессиональной подготовке будущего юриста.

Н.А. Ткачева,

кандидат юридических наук, доцент

кафедры конституционного

и международного права

Северо-Кавказского федерального университета

Nellyek@mail.ru

Проблемы реализации некоторых принципов конституционного строя Российской Федерации на современном этапе

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами реализации политических, экономических, социальных и духовных основ конституционного строя России на современном этапе, анализируются тенденции конституционно-правового развития Российского государства.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, конституции зарубежных стран, основы конституционного строя, конституционно-правовое развитие, правовые гарантии, проблемы реализации.*

Summary: in article the questions connected with problems of realization of political, economic, social and spiritual bases of the constitutional system of Russia at the present stage, tendencies of constitutional and legal development of the Russian state are analyzed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitution of foreign countries, bases of the constitutional system, constitutional and legal development, legal guarantees, realization problems.

Одна из качественных характеристик ныне действующей Конституции Российской Федерации заключается в том, что она является Основным Законом не только государства, но и общества. Анализ гл. 1 «Основы конституционного строя» позволяет сделать вывод о том, что Основной Закон России включил в предмет конституционно-правового регулирования все сферы жизни общества — политическую, экономическую, социальную и духовную. Каждую из этих сфер Конституция регулирует в разной степени, делая основной акцент на властеотношениях, и в наименьшей степени затрагивая ту сферу общественной жизни, которая связана с «внутренним миром» человека (его взгляды, представления, отношение к религии и т. д.).

Подобная тенденция, за некоторыми исключениями, отмечается и в конституционно-правовой практике зарубежных государств. Дело в том, что с середины XX в. активно начался процесс социализации конституций, т. е. включения в сферу конституционного регулирования все новых и новых объектов. Хорошо известно, что конституции так называемой «первой волны» (например, действующая до настоящего времени Конституция США 1787 г.) были направлены на регулирование исключительно политических отношений, связанных с организацией и функционированием высших органов государственной власти. Никакие иные вопросы в первых конституциях практически не затрагивались либо затрагивались очень фрагментарно. Однако есть и некоторые исключения из этого правила. Например, Конституция Франции 1791 г. определяла отдельные задачи государственной социальной политики, но на протяжении всего XIX и до середины XX в. подобные исключения заметного распространения не получили.

С развитием и усложнением общественных отношений появилась настоятельная необходимость в конституционном регулировании основ общественного строя более или менее целостным образом. В сферу конституционной регламентации помимо политических стали включаться экономические, социальные и даже духовно-культурные отношения. Как отмечает Б.А. Страшун, «эти нормы в большинстве случаев не столько санкционируют или устанавливают определенные правила поведения субъектов конституционного права в их взаимных отношениях (эти отношения зачастую не требуют конституционного вмешательства), сколько провозглашают принципы государственной политики в соответствующих сферах жизни общества, обязывают государство в лице его органов, учреждений, должностных лиц действовать в этих сферах определенным образом»¹.

¹ Страшун Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов. 4-е изд., обновл. и дораб. / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2005. С. 415.

Однако это вовсе не означает, что важнейшие конституционные принципы должны остаться набором благих пожеланий законодателя по отношению к субъектам, подпадающим под сферу их действия. Если говорить о функциональной заданности конституционных норм, то цель принятия конституции состоит в том, чтобы ограничить государственную власть, упорядочить всю совокупность отношений, складывающихся в обществе, придать им стабильные качественные характеристики. Сама конституция приобретает свою законченную социальную значимость, достигает цели, идеи, которая в ней заложена, если превращается из формального правового источника в фактически действующее право. Поэтому основной закон, как и все конституционное законодательство, становится правом, если реализуется, т. е. превращается в реальные правоотношения — в механизм упорядочивания и ограничения государственной власти правом. Реальная конституция в обществе существует тогда, когда появляется конституционный строй — целевой результат, ради которого действует сам основной закон. В сравнении с конституционным опытом многих зарубежных государств, Конституция Российской Федерации является достаточно «молодой», и 20-летний срок ее действия позволяет не судить о ней строго. Действительно, построение в Российской Федерации демократического, правового социального государства, в котором признаются, соблюдаются и защищаются права и свободы человека и гражданина как высшая ценность — перспектива довольно неопределенная, и уж явно рассчитана не на два десятка лет.

Коренные изменения во всех сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной), начавшиеся в конце 80-х гг. прошлого столетия, продолжаются и сегодня. Современный этап развития Российского государства и общества характеризуется крайней нестабильностью, т. к. с момента принятия Конституции России и до настоящего времени основные институты конституционного права находятся в состоянии непрерывного реформирования. Особенно это проявляется в сфере организации и функционирования органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления, т. е. в публично-политической сфере. Данный тезис можно подкрепить рядом примеров.

Процедура формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации изменялась четыре раза. Первый состав верхней палаты парламента избирался путем всеобщих выборов, второй состав представляли главы исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации, третий состав формировался по смешанной системе (представитель от законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации избирался этим органом, представитель от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации назначался главой (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации). В настоящее время действует Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»¹.

¹ См.: Российская газета. 2012. 7 дек.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 указанного Закона «наделение полномочиями члена Совета Федерации осуществляется соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации на основе волеизъявления избирателей данного субъекта Российской Федерации». Это означает, что представитель от законодательного органа власти субъекта избирается этим органом из числа его депутатов, а представитель от исполнительного органа власти субъекта — определяется из числа трех кандидатов главой субъекта в случае его победы на региональных выборах. Таким образом, можно заключить, что Совет Федерации должен стать органом, половина членов которого формируется путем двухступенных выборов, а другая половина — получает мандат от избираемого населением соответствующего субъекта губернатора или президента (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта).

Порядок выборов Государственной Думы ФС РФ также претерпел изменения. До 2007 г. депутаты нижней палаты парламента избирались по смешанной избирательной системе (225 депутатов — по мажоритарной системе по одномандатным избирательным округам, 225 депутатов — по пропорциональной системе по партийным спискам). Начиная с шестого созыва, Государственная Дума полностью перешла на пропорциональную избирательную систему. Учитывая все ее положительные черты, Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию 2011 г. все же отметил необходимость укрепления связи избирателей с кандидатами, а это возможно только в рамках возвращения к прежней (смешанной) избирательной системе при выборах депутатов нижней палаты парламента¹. С 2007 г. был установлен 7 %-й избирательный барьер при выборах депутатов Государственной Думы (до этого он был пятипроцентным), на выборах 2016 г. — вернемся к 5%-му барьеру.

Относительно порядка формирования глав субъектов Российской Федерации также можно отметить движение «вперед-назад». С 2004 г. главы субъектов стали назначаться законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации по представлению Президента (кандидатуры от политических партий, победивших на выборах в региональных парламентах). С 1 июня 2012 г. в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» были внесены изменения, в соответствии с которыми руководители субъектов избираются гражданами Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании².

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 дек.

² См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федеральный закон РФ от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ // Российская газета. 2012. 4 мая.

Таким образом, развитие многих политических институтов конституционного права происходит методом «проб и ошибок». Хотя следует отметить изменения, имеющие явно прогрессивный характер. Во-первых, снижение количества членов политической партии, необходимого для ее регистрации — с 50 тыс. до 5 тыс. человек. На момент принятия Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»¹ требование к численности членов партии составляло 10 тыс. человек. В результате увеличения численности членов политических партий в пять раз число самих партий в стране резко сократилось, новых партий за последние годы практически не регистрировали. Кроме того, партиям запретили создавать избирательные блоки, что лишило небольшие партии возможности объединять свои усилия. Во-вторых, отмена необходимого сбора подписей в Государственную Думу и в региональные парламенты. В-третьих, установление контрольных полномочий Государственной Думы по отношению к Правительству РФ. Однако все эти изменения, их нужность и эффективность можно будет оценить только в контексте времени.

Помимо политических отношений в сферу конституционно-правового регулирования, как отмечалось выше, входят и иные общественные отношения. Важным нововведением Конституции Российской Федерации 1993 г. стало провозглашение социального характера российской государственности. В ст. 7 перечисляются основные обязанности России как социального государства (охранять труд и здоровье людей, устанавливать гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивать государственную поддержку определенных категорий граждан, развивать систему социальных служб и т. д.). Справедливости ради следует отметить, что термин «социальное государство» отсутствовал во всех российских конституциях советского периода. Однако в Конституцию РСФСР 1978 г. была включена гл. III «Социальное развитие и культура», где конкретно перечислялись цели социального развития. Через государственный бюджет, в котором концентрировались 90 % отчислений от налогов и прибылей государственных предприятий и организаций, происходило финансирование расходов на эти цели. Сегодня же социальное государство — это, в лучшем случае, государство социальных услуг, социального партнерства, главное назначение которого — сглаживать социальные конфликты, провозглашать равенство возможностей для всех членов общества. Несмотря на то что в данной сфере были совершены значительные подвижки, все же осталось много нерешенных вопросов. Так, минимальный размер оплаты труда, уровень прожиточного минимума, размеры государственных пособий, устанавливаемых нормативными правовыми актами, чрезвычайно низки и выплачиваются, как правило, в одинаковом размере для всех имеющих на них право. Практически во всех случаях они не могут обеспечить средств к физическому существованию, не говоря уже о создании условий для достойной жизни и свободного развития человека (как говорится в ст. 7 Конституции).

¹ См.: Российская газета. 2001. 11 июля.

Что касается идеологической сферы, то Конституция России в ст. 13 закрепила основополагающий принцип — принцип идеологического многообразия, при котором никакая идеология не может устанавливаться в качестве господствующей или обязательной. При этом совершенно очевидно, что Конституция не может быть идеологически нейтральной. Как отмечает Н.В. Витрук, «в ней выражается определенное мировоззрение, закрепляется политика, направленная на обеспечение достоинства личности, прав и свобод человека, демократических институтов, общечеловеческих ценностей, составляющих основу конституционного строя»¹. В условиях, когда человеческое достоинство оценивается весьма низко, повсеместно нарушаются права и свободы граждан, человек нигде не может найти правды, выборы превратились в «политическое шоу» и фарс, а «общечеловеческие ценности» навязывают нам однополые браки, гей-парады, наркоманию, педофилию и прочее, простому российскому гражданину сложно понять и принять такую идеологию! Можно также отметить тот общественный резонанс, который вызвало принятие Государственной Думой РФ Федерального закона «О защите чувств верующих» (следует отметить, что он так и не был подписан Президентом РФ и возвращен в нижнюю палату Парламента на доработку). В нем содержатся поправки в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях, которые ужесточают ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих и за осквернение объектов и предметов религиозного почитания. Идея принятия подобного нормативного правового акта возникла далеко не на пустом месте. Чудовищная акция участниц панк-группы PussyRiot в храме Христа Спасителя в феврале 2012 г., неоднократное хищение предметов религиозного почитания из православных храмов, спиливание и сожжение крестов, убийства православных священников и мусульманских муфтиев — все это с точки зрения наших так называемых «правозащитников» не является основанием для вмешательства государства в целях защиты тех, кто принадлежит какой-либо конфессии. И какое отношение имеет факт принятия вышеуказанного нормативного правового акта к нарушению принципа светскости Российского государства, закрепленного в ст. 14 Конституции России — совершенно не понятно.

Считаем справедливым высказывание В.А. Четвернина о том, что «в посттоталитарной России существует принципиальное противоречие между конституционными идеалами и реальностью. Оно столь глубоко, что его устранение — это длительный процесс “дорастания” страны до своей Конституции, процесс формирования гражданского общества, которому понадобится нынешняя либеральная Конституция...»². Многие конституционные принципы до сих пор остаются лишь благими намерениями, пожеланиями, идеальными нормами, и фактически не реализуются в существующих конституционно-правовых отношениях.

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 268.

² Четвернин В.А. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. С. 386.

О.Н. Дотдаева,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права Северо-Кавказского
федерального университета
k-lawer-gmp@stavsu.ru

Теоретические и правоприменительные проблемы правового регулирования административно-территориального устройства Ставропольского края

***Аннотация:** в статье раскрываются некоторые проблемы правового регулирования административно-территориального устройства Ставропольского края, определяются пути их решения.*

***Ключевые слова:** Ставропольский край, государственное устройство, административно-территориальное устройство.*

***Summary:** the article is devoted to some theoretical and enforcement problems of legal regulation of administrative-territorial system of the Stavropol region and identify ways address them.*

***Keywords:** Stavropol region, political system, administrative-territorial system*

В статье 18 Устава Ставропольского края указывается, что Ставропольский край как субъект Российской Федерации имеет собственную территорию, которая является неотъемлемой частью территории Российской Федерации и определена существующими административными границами¹. При этом Ставропольский край имеет собственное административно-территориальное устройство.

Понятие административно-территориального устройства неоднозначно трактуется в государственно-правовой науке. В частности, О.Е. Кутафин административно-территориальное устройство государства определял как «разделение его территории на определенные части, в соответствии с которыми строится система местных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Такие части принято называть административно-территориальными единицами»². Автор специально подчеркивал, что унитарное государство само делится на территориальные единицы, а в федеративном государстве такое деление имеют лишь субъекты федерации.

В Законе Ставропольского края³ его административно-территориальное устройство определяется как территориальная организация Ставропольского края, представляющая собой совокупность населенных пунктов и районов Ставропольского края, служащая основой для взаимоотношений органов государственной власти, местного самоуправления и населения.

При этом вывод О.Е. Кутафина, в соответствии с которым федеративном государстве административно-территориальное устройство имеют именно субъекты

¹ См.: Устав (Основной закон) Ставропольского края от 12 октября 1994 г. № 6-кз // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 1997 № 11/12, ст. 506.

² Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 2006. С. 319.

³ См.: Об административно-территориальном устройстве Ставропольского края : закон Ставропольского края от 1 марта 2005 г. № 9-кз // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 2005. № 6, ст. 4343.

федерации, а не федеративное государство в целом, подводит и к мысли о том, что административно-территориальное устройство находится в самостоятельном ведении субъектов федерации. В России это дополнительно подтверждается тем, что административно-территориальное устройство не упомянуто ни в ст. 71, ни в ст. 72 Конституции 1993 г., поэтому согласно положению ст. 73 оно должно быть отнесено к самостоятельному ведению субъектов Российской Федерации.

Это мнение разделяется многими специалистами. Так, М.А. Краснов и В.А. Кряжков полагают, что субъекты Российской Федерации могут самостоятельно решать вопросы своего административно-территориального устройства¹.

Такой точки зрения придерживаются и во многих субъектах Российской Федерации, в том числе в Ставропольском крае. В п. «Г» ст. 17 Устава Ставропольского края вопросы административно-территориального устройства Ставропольского края отнесены к самостоятельному ведению Ставропольского края.

Тем не менее существует и иное мнение. Например, М.С. Трофимов пишет: «На основе анализа норм Конституции Российской Федерации (ст. 72 и 73) можно сделать вывод, что вопрос общих принципов организации административно-территориального устройства субъектов РФ относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Отметим, что на сегодняшний день не принят федеральный закон, посвященный общим принципам административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации. <...>

Непосредственно организация административно-территориального устройства и связанные с этим частные вопросы относятся к исключительной компетенции субъекта федерации»².

Таким образом, автор считает, что полномочия в области административно-территориального устройства разграничиваются между Российской Федерацией и ее субъектами примерно так же, как и в области организации государственной власти субъектов Федерации и местного самоуправления — общие принципы устанавливает Федерация, организацию проводит субъект Федерации. Однако в отличие от организации государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления административно-территориальное устройство в ст. 72 Конституции вообще не упоминается. Как уже отмечалось, по жесткой логике ст. 73 Конституции следует предположить, что данный вопрос находится в самостоятельном ведении субъектов Российской Федерации.

В отличие от нормы Устава Ставропольского края, относящей вопросы административно-территориального устройства к самостоятельному ведению Ставропольского края, остальные шесть субъектов Российской Федерации, находящиеся в пределах Северо-Кавказского федерального округа, относят данный вопрос к своему ведению. В Южном федеральном округе, в пределах которого Ставропольский край находился ранее, все, кроме Краснодарского края, в своих основных законах относят эти вопросы к собственному ведению. И лишь в п. 3 ст. 2 Устава Краснодарского края содержится более

¹ См.: Краснов М.А., Кряжков В.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. СПб., 2004. С. 375.

² Конституционное право России : в 2 т. / под ред. И.В. Мухачева. Ставрополь, 2007. Т. 2. С. 113.

осторожная формулировка: «К полномочиям органов государственной власти Краснодарского края по вопросам административно-территориального устройства Краснодарского края относятся:

— установление и изменение административно-территориального устройства Краснодарского края;

— установление границ административно-территориальных единиц, определение порядка их установления и изменения;

— организация системы учета административно-территориальных единиц.

Образование новых, объединение, упразднение, преобразование или разделение существующих административно-территориальных единиц находится в компетенции Законодательного Собрания Краснодарского края и осуществляется с учетом мнения населения, проживающего на соответствующих территориях»¹.

В соответствии с Уставом Ставропольского края административным центром Ставропольского края является город Ставрополь.

В состав Ставропольского края входят: Александровский, Андроповский, Апанасенковский, Арзгирский, Благодарненский, Буденновский, Георгиевский, Грачевский, Изобильненский, Ипатовский, Кировский, Кочубеевский, Красногвардейский, Курский, Левокумский, Минераловодский, Нефтекумский, Новоалександровский, Новоселицкий, Петровский, Предгорный, Советский, Степновский, Труновский, Туркменский, Шпаковский районы и города краевого значения: Буденновск, Георгиевск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Лермонтов, Минеральные Воды, Невинномысск, Пятигорск, Ставрополь.

Административно-территориальное устройство Ставропольского края определяется Законом Ставропольского края от 1 марта 2005 г. № 9-кз «Об административно-территориальном устройстве Ставропольского края»².

Укажем также на следующую особенность административно-территориального устройства Ставропольского края, закрепленную в ст. 20 Устава Ставропольского края: «Часть территории Ставропольского края, занимаемая курортами Кавказских Минеральных Вод в границах округа санитарной охраны курортов, обладает в соответствии с федеральным законодательством статусом особо охраняемого эколого-курортного региона, имеющего федеральное значение».

Государственное управление особо охраняемым эколого-курортным регионом Российской Федерации — Кавказскими Минеральными Водами — осуществляется федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Ставропольского края в соответствии с Конституцией РФ, законодательством Российской Федерации и законодательством Ставропольского края. Однако приходится констатировать, что адекватное федеральное правовое закрепление статуса Кавказских Минеральных Вод до сих пор отсутствует.

В настоящее время действует Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3182-1 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации — Кавказских Минеральных Водах Ставропольского края»³. В соответствии с этим Постановлением особо

¹ Устав Краснодарского края (в ред. Закона Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1523-К3) // Кубанские новости. 1993. 10 нояб.

² См.: Ставропольская правда. 2005. 5 марта.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 28, ст. 1628.

охраняемый эколого-курортный регион Российской Федерации Кавказские Минеральные Воды располагается на территориях Ставропольского края, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики.

В состав особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации — Кавказских Минеральных Вод входят:

- в Ставропольском крае — города Георгиевск, Минеральные Воды, Железноводск, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Лермонтов, а также районы Минераловодский, Георгиевский и Предгорный;
- в Кабардино-Балкарской Республике — Зольский район;
- в Карачаево-Черкесской Республике — Малокарачаевский и Прикубанский районы.

Данное Постановление не разрешает ряда принципиальных вопросов, к тому же «морально» устарело, поскольку никак не дорабатывалось в связи с изменениями в правовой системе России. Необходимо устранить данный пробел в правовом регулировании.

Сличение списка районов Ставропольского края и городов краевого значения со списком муниципальных районов Ставропольского края и городских округов показывает, что количество и названия районов совпадают полностью, а городских округов — в значительной степени. Возникает вопрос о соотношении административно-территориального и муниципально-территориального деления.

Как пишет по этому поводу В.И. Васильев, организационно-правовые институты «административно-территориальное деление» и «территориальное устройство местного самоуправления», хотя и тесно связаны, не являются идентичными. Территории муниципальных образований и административно-территориальные единицы могут, как сейчас, совпадать, а могут и не совпадать. В связи с этим необходимо четко определить, как соотносятся между собой термины «район» и «муниципальный район», «город» и «городской округ», «сельский населенный пункт» и «сельское поселение», «поселок городского типа» и «городское поселение»¹.

Нельзя не согласиться и с такой мыслью автора: «Увы, Федеральный закон № 131-ФЗ устранился от определения этого соотношения, передоверив решение этой задачи законодательству об административно-территориальном делении субъектов Федерации, благо такой закон есть почти в каждом регионе»².

Как видим, не стал исключением и Ставропольский край. Между тем понятно, что административно-территориальное устройство осуществляется в целях государственного управления, а муниципально-территориальное — в целях осуществления местного самоуправления. Почему в советский период районы и города краевого значения являлись административно-территориальными единицами — понятно. Но почему они продолжают оставаться таковыми в современных условиях, ведь на этом территориальном уровне органы государственной власти Ставропольского края создаются, скорее, в порядке исключения — здесь действуют самостоятельные органы местного самоуправления?

---

¹ См.: *Васильев В.И.* Административно-территориальное устройство региона и территориальное устройство местного самоуправления // Журнал российского права. 2006. № 3.

² Там же. С. 4.

Д.С. Белявский по этому поводу справедливо отмечает, что до принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. такое взаимодействие обеспечивалось во многом за счет того, что районные администрации в Ставропольском крае являлись государственными территориальными органами исполнительной власти, их главы назначались губернатором Ставропольского края. Районные государственные территориальные администрации являлись как бы промежуточным звеном между центральными органами государственной власти Ставропольского края и органами местного самоуправления, которые действовали на уровне населенных пунктов¹.

В настоящее время действуют администрации муниципальных районов Ставропольского края, которые являются исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления. Таким образом, промежуточное звено между органами государственной власти Ставропольского края и органами местного самоуправления на данном этапе фактически отсутствует. Естественно, что губернатор Ставропольского края в силу большого количества возложенных на него функций не имеет физической возможности напрямую осуществлять взаимодействие со всеми главами и администрациями муниципальных образований.

Возможный выход, по его мнению, состоит в создании административных округов на территории Ставропольского края (например, от пяти до семи) и учреждения должностей полномочных представителей губернатора Ставропольского края в этих округах по взаимодействию с органами местного самоуправления муниципальных образований, находящихся в пределах территории данного административного округа (хотя на них можно возложить различные функции).

В качестве обоснования возможно сослаться на несколько примеров из российской и зарубежной практики. В первую очередь, это институт полномочных представителей Президента России в федеральных округах.

Итак, сделаем промежуточные выводы.

Предлагается в процессе будущего конституционного развития в России осуществлять разграничение предметов ведения не только между Российской Федерацией и ее субъектами, но и между государственной властью и местным самоуправлением. Реализация этой меры потребует в том числе закрепления в федеральной Конституции перечня предметов самостоятельного (исключительного) ведения субъектов Российской Федерации. При этом необходимо не допускать дублирования одного и того же вопроса в разных группах предметов ведения.

Вопрос о государственной символике Ставропольского края предлагается отнести к предметам самостоятельного ведения Ставропольского края. Нормы о государственных символах Ставропольского края предлагается включать непосредственно в текст Устава (Основного закона) Ставропольского края.

Изучение практики взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Ставропольского края показало, что разграничение предметов ведения и полномочий между ними регламентируется

---

¹ См.: Белявский Д.С. Возможные мероприятия в рамках административной реформы в Ставропольском крае // Теоретические основы и социальная эффективность государственно-правовых механизмов : материалы 53-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука — региону» (г. Ставрополь, 25 апреля 2008 г.). Ставрополь, 2008. С. 15.

не только актами, указанными в ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, но и актами Президента и Правительства РФ. В связи с этим предлагается в процессе будущего конституционного развития России включить акты Президента и Правительства РФ в число источников регулирования этих отношений.

Административно-территориальное устройство в силу буквального толкования ст. 73 Конституции Российской Федерации необходимо относить к самостоятельному (исключительному) ведению субъектов Российской Федерации (в том числе в Ставропольском крае). При этом необходимо четко разграничивать административно-территориальное деление в субъекте Федерации и муниципально-территориальное деление в этом же субъекте. Предлагается в Ставропольском крае постепенно отказаться от привязки административно-территориального устройства к сельским районам и крупным городам как территориальным единицам (за целесообразными исключениями), поскольку на этом уровне осуществляется местное самоуправление. В качестве названий таких единиц можно предложить административный округ (как например, в г. Москве) и (или) регион (как уже существующий в крае регион Кавказских Минеральных Вод).

Наряду с существованием административно-территориальных и муниципально-территориальных единиц субъектов Федерации возможно и признание существования федерально-административных единиц (федеральные, военные, арбитражные округа России) и муниципально-административных единиц (управленческое деление территории в границах муниципального образования — например, Промышленный, Ленинский и Октябрьский районы города Ставрополя). Это позволит упорядочить использование соответствующей терминологии.

К особенностям административно-территориального устройства Ставропольского края относится также наличие региона Кавказских Минеральных Вод, статус которого устанавливается как федеральным законодательством, так и законодательством Ставропольского края.

Т.Ф. Вышеславова,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры экологического, земельного
и трудового права Северо-Кавказского
федерального университета
vysheslavova_tf@mail.ru*

103

Социальные права граждан как показатель развития социального государства

***Аннотация:** статья посвящена значению и роли социальных прав граждан как составляющей уровня развития современного общества, а также современным проблемам реализации конституционных социальных прав граждан.*

***Ключевые слова:** социальные права, социальная защита, перечень социальных прав, прожиточный минимум, социальное обеспечение, конституционные гарантии социальных прав, политика социальных реформ.*

Summary: *this article deals with the role and significance of social rights as a component of the level of development of modern society, as well as contemporary issues of realization of constitutional social rights of the citizens.*

Keywords: *social rights, social protection, list of social rights, living wage, social security, constitutional guarantees of social rights, politics of social reforms.*

Реализация социальных прав человека составляет суть социального государства. Государство должно создавать условия и предоставлять средства для эффективной реализации гражданами данных прав, а также формировать механизмы их правовой защиты. Конституционное закрепление этих прав показывает, что они являются одной из общечеловеческих ценностей в цивилизованном обществе. Социальные права отражают уровень материального развития конкретного государства и общества, их способность обеспечивать достойный уровень жизни и социальную защищенность индивида¹.

От других прав социальные права отличаются тем, что возможности их осуществления определяются, прежде всего, экономическими возможностями государства, развитием судебной системы, имеющимися международными стандартами.

Социальные права призваны обеспечивать человеку достойный уровень жизни и социальную защиту, но в некоторых странах мира, в том числе и в России многие социальные нормы носят декларативный характер или имеют настолько низкий уровень финансовой обеспеченности, что они фактически не осуществляются. Кроме того, в законодательстве до сих пор нет единого понятия социальных прав, дается лишь их примерный перечень. По нашему мнению, социальные права — это признаваемые и обеспечиваемые государством возможности индивида, обеспечивающие его и его семьи жизнь, развитие, человеческое достоинство, свободу деятельности.

Достойная жизнь в конституционно-правовом смысле — это тот минимальный стандарт условий жизни, который государство, провозгласившее себя социальным, обязано обеспечить каждому гражданину. Ориентиром может служить уровень величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ за III квартал 2013 г.²

Прожиточный минимум в целом по России за III квартал 2013 г. на душу населения составляет 7 429 руб., для трудоспособного населения — 8 014 руб., для пенсионеров — 6 097 руб., детей — 7 105 руб. Прожиточный минимум заметно вырос по сравнению со вторым кварталом прошлого года. В зависимости от величины прожиточного минимума происходит оценка уровня жизни общества при реализации социальной политики государства и соответствующих социальных государственных программ. Однако минимальный размер оплаты труда в России с 1 января 2014 г. составляет только 5554 руб., что говорит о расхождении уровня социальных гарантий и реальных потребностей населения.

¹ См.: *Перевалов В.Д.* Теория государства и права. М., 2004. С. 309.

² См.: Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за III квартал 2013 г. : постановление Правительства РФ от 17 декабря 2013 г. № 1173 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51, ст. 6881.

Модель социального государства основана и на том, что большинство его граждан вполне в состоянии самостоятельно обеспечить себе достойный уровень жизни, существенно отличающийся от того минимума, который устанавливает для своих граждан государство. Практическое осуществление обеспечения достойного уровня жизни для большинства граждан возможно только в условиях благополучия и процветания России, совершенствования экономической, демографической, социальной политики, развития концепции достойного вознаграждения за труд.

Конституция РФ закрепляет следующие социальные права граждан: право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на охрану материнства и детства государством; право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей; право на пенсионное обеспечение; право на оказание помощи малоимущим группам населения в вопросах предоставления жилья и в части оплаты коммунальных услуг; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на получение бесплатного основного общего образования на родном языке; право на гарантированную государственную защиту социальных прав.

В ч. 2 ст. 7 Конституции РФ приводится перечень социальных гарантий, который является открытым. Право на социальное обеспечение закреплено также в основных международных актах, которые согласно Конституции РФ являются частью ее правовой системы.

Конституционные основы социальной защиты — это основополагающие начала, закрепленные в Конституции РФ, направляющие всю деятельность по социальной защите граждан. Этим фундаментальным принципам присущи следующие особенности: во-первых, они выступают «высшим мерилом» правомерности социальной деятельности государства; во-вторых, они структурируют и ориентируют всю систему социальной защиты на конкретных граждан; в-третьих, в них закрепляются основные государственные гарантии в социальной сфере.

Механизмом, призванным обеспечить гражданам России достойный уровень жизни, является социальное обеспечение. Право социального обеспечения регулирует материальные и процедурно-процессуальные отношения в социальной сфере. К материальным отношениям относятся: пенсионные отношения; отношения по обеспечению пособиями, компенсациями, субсидиями; различные формы социального обслуживания в виде предоставления натуральных услуг либо льгот¹. Именно материальные отношения определяют содержание права социального обеспечения.

Несмотря на достаточно солидный перечень социальных прав граждан, гарантированных Конституцией РФ, это отнюдь не обеспечивает высокий уровень жизни населения в России.

Единого подхода к пониманию социальных прав человека российская юридическая наука еще не выработала. Социальные права могут рассматриваться как в широком смысле (когда они подразумевают права не только в области

---

¹ См.: Яблокова И.А. Защита права граждан на социальное обеспечение при регулировании различных видов социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2010. № 4.

социального обеспечения, но и в сфере труда, образования, экологии), так и в узком смысле, будучи приравненными, по сути, к праву на социальную защиту¹. Таким образом, социальные права и политика социальных реформ, опирающиеся на Конституцию РФ, имеют различный объем гарантий, предоставляемых гражданам России.

Проводимая в последние годы в России политика социальных реформ не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В качестве одного из ее направлений предполагалось освободить государство от «перегружающих» аппарат государственного управления несвойственных ему функций, в том числе обеспечения необходимого уровня социальных гарантий населению. Существенных результатов в повышении эффективности работы государственных учреждений в названной сфере не произошло. В связи с этим насущной потребностью является разработка и реальное воплощение в жизнь системы минимальных стандартов социальных гарантий и социальной помощи малоимущим гражданам страны и в целом — системы обеспечения достойного уровня жизни населения.

Для этого необходимо выполнить ряд действий.

Во-первых, разработать минимальные стандарты, определяющие перечень и качество социальных услуг и благ, призванных обеспечить достойный уровень жизни.

Во-вторых, сделать адресной и индивидуальной социальную помощь.

В-третьих, установить дифференцированный МРОТ, который будет являться реальным критерием того, сколько одному человеку или семье необходимо для поддержания жизнедеятельности.

В-четвертых, разработать долгосрочный проект социально-экономического развития Российской Федерации, причем не в виде декларации общих принципов и направлений деятельности, а в формате конкретных программ и механизмов, подразумевающих реальные результаты и комплексную оценку эффекта от их реализации.

В-пятых, переориентировать систему налогообложения, поскольку она является основным источником финансирования социальной помощи.

В-шестых, реализуя реформы в сфере социального обеспечения, постоянно сопоставлять их возможные результаты со степенью их влияния на уровень жизни населения и развития общества. Если возникнет сомнение в реальной полезности реформ, то они будут требовать серьезной и обстоятельной корректировки.

Отдельные проблемы существуют с реализацией права на социальное обеспечение. Примером тому является временное ограничение права на получение пособия по временной нетрудоспособности лицами, осуществляющими уход за детьми в случае их болезни, Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»².

---

¹ См.: *Александрова А.В.* Социальные права в конституционном праве Германии: история и современность // История государства и права. 2012. № 8.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1, ч. 1, ст. 18.

Прежнее законодательство предусматривало выплату пособия по временной нетрудоспособности за весь период ухода за ребенком, сейчас оно ограничено календарными днями. Кроме того, появилось ограничение сроков выплаты пособий в случае ухода за ребенком-инвалидом в возрасте до 15 лет, которое составляет 120 календарных дней в году по всем случаям ухода за этим ребенком. Как констатирует Т.В. Шелудякова, эти ограничения ущемляют права граждан, имеющих детей, и ведут к росту числа хронических заболеваний детей и подростков, поскольку родителей вынуждают приступать к работе, независимо от того, выздоровел ребенок или продолжает болеть¹.

Недостатком Конституции РФ можно считать отсутствие закрепления в ней принципов и направлений государственной политики в целом и в социальной сфере в частности, а также отдельных норм, посвященных поддержке молодежи².

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.³ сформулированы основные направления социально-экономического развития страны, которые можно рассматривать как основные положения социальной политики государства, однако они сформулированы лишь в общем виде и не отражают демографической, социально-трудовой конкретики. Уровень социальной помощи гражданам России должен соответствовать международным нормам, в частности, нормам Европейской социальной хартии, ратифицированной Российской Федерацией в июне 2009 г.⁴ Однако ратификация Европейской социальной хартии не повлекла изменений в социальной политике государства и не привела к повышению уровня социальной защиты населения. Такие ее положения, как право на профессиональную ориентацию молодежи, право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту, право детей и молодежи на социальную защиту не нашли достойного места в российском законодательстве.

Именно успехи в социальной политике служат показателем плодотворной деятельности государства⁵. Реальное наполнение принятой два десятилетия назад Конституции Российской Федерации юридическими гарантиями прав и свобод, т. е. общими социальными, политическими, экономическими, духовно-нравственными предпосылками и условиями, обеспечивающими

¹ См.: Шелудякова Т.В. Социальные права граждан: виды и защита Конституционным Судом Российской Федерации // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 13–17.

² См.: Стародубцева И.А., Шелудякова Т.В. Конституционные основы социальной поддержки молодежи в зарубежных странах и Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.

³ См.: О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

⁴ О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года : федеральный закон РФ от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 23, ст. 2756.

⁵ См.: Варламова Н.В. Социальная хартия и Европейская конвенция как инструменты защиты социальных прав // История. Право. Политика. 2011. № 1. С. 29

реальность и исполнимость прав и свобод, а также конкретными формами и средствами их реализации, охраны и защиты продолжается и сегодня¹.

Государство обязано заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности путем реализации государственной социальной политики. Основными ее приоритетами должны стать: создание многоуровневой программы социальной поддержки населения Российской Федерации; определение субъектного состава данной приоритетной помощи государства; разработка новых подходов для предоставления социального жилья (молодым семьям, военнослужащим, при рождении третьего и последующих детей); предоставление дополнительных возможностей молодым специалистам, изъявившим желание работать в сельской местности; расширение объемов предоставления государственной социальной помощи гражданам, попавшим в тяжелые жизненные обстоятельства; совершенствование системы медицинского и социального обслуживания населения; повышение относительного и абсолютного уровней пенсионного обеспечения граждан; борьба с бедностью; выравнивание уровней социальной помощи гражданам, независимо от проживания в том или ином субъекте Российской Федерации; увеличение прожиточного минимума и минимальной заработной платы; реальное обеспечение исполнения социальных обязательств государства; установление ответственности государства за неисполнение социальных обязательств; приближение социальных прав и гарантий к основным международно-правовым стандартам и др.

Достижение целей социальной справедливости возможно только при эффективной реализации социальных норм, не зависящей от усмотрения органов социальной защиты или органов исполнительной власти. Деятельность органов государственной власти в области социальной политики заключается в принятии соответствующих правовых актов, которые рано или поздно становятся объектами оценки конституционных судов. Конституционное правосудие, являясь, по сути, истиной в последней инстанции, должно быть в высшей степени объективным, позволяющим реализовать социальное право, если оно закреплено Конституцией РФ.

Только при условии гарантирования и обеспечения государством реальной возможности осуществления социальных прав Россия может претендовать на статус истинно социального государства.

¹ См.: *Окуньков Л.А.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. С. 36.

Д.Д. Берсей,
кандидат юридических наук, доцент
Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета
di.bersej2012@yandex.ru

Опасное состояние личности в свете современного российского уголовного законодательства

Аннотация: в статье указывается на сохраняющуюся актуальность термина «опасное состояние личности», дается определение его понятия, называются факторы, которые могут привести к возникновению у лица опасного для общества состояния.

Ключевые слова: личность преступника, общественная опасность, уголовный закон, теория опасного состояния, назначение наказания.

Summary: the author shows us, that term «dangerous condition of a person» is still actual, also there's given it's meaning, shown factors that can lead person to become condition that is dangerous for society

Keywords: identity of a perpetrator, public danger, criminal law, theory of dangerous condition, sentencing

«Опасное состояние личности» — это тот термин, который неохотно употребляют ученые в современной уголовно-правовой литературе, если, конечно, они его не критикуют. В настоящее время почему-то считается, что опасное состояние личности противоречит принципу вины, а потому не может иметь легальных оснований в рамках действующего российского уголовного закона. И поэтому этот термин обычно рассматривается как устаревший, ненужный и даже не совпадающий с сущностью права в целом. Этот взгляд во многом навеян случившимися в нашей стране на этой почве репрессиями, когда в период становления и укрепления советской власти в первой половине XX в. массово истреблялись лица, не принадлежавшие к рабоче-крестьянскому классу. Однако если отбросить эмоции, вызванные исторической подоплекой действия уголовно-карательной системы советского государства, то получится, что данная категория вызывает лишь два вопроса: во-первых, как сделать критерии опасного состояния личности более конкретными и тем самым избежать возможного необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности, а во-вторых, как не допустить изолированного рассмотрения опасного состояния лица в отрыве от совершенного им преступного деяния.

Отказываться же вообще от использования категории «опасное состояние личности» нецелесообразно. Здравый смысл подсказывает, что теоретически состояние личности будет иметь место всегда, пока отдельная личность проживает в условиях социальной среды, создавая этим постоянный фактор для потенциального конфликта между личными и общественными интересами. И поскольку общество в большей степени подчинено объективным законам своего развития, именно от характеристик человеческой личности будет

зависеть то, насколько отдельный индивид сможет приспособиться к тем требованиям, которые предъявляются ему со стороны общества. Учитывая, что главным показателем такого соответствия является поведение человека, на него обращается особое внимание. Ведь, как было замечено, личность человека выражается исключительно в его поступках, поведении¹. В связи с этим человек в своей повседневной жизни должен осуществлять такую деятельность, которая соответствовала бы всем уголовно-правовым нормам, т. к. последние призваны защищать общество и все его блага и ценности от наиболее опасных проявлений конкретной личности.

Опасное состояние личности — это постоянная или периодическая предрасположенность (склонность) некоторых лиц к совершению преступления, в результате чего они представляют угрозу для общества и его основных ценностей. Опасное состояние личности может быть как врожденным, так и приобретенным, в зависимости от того, какие именно детерминанты привели к появлению в структуре личности социально опасных свойств. Личность человека — собирательное явление, состоящее из совокупности социальных, биологических, психологических и правовых характеристик, образующих неповторимую в своей уникальности человеческую индивидуальность. Любое из человеческих качеств может привести к формированию социально опасного состояния личности, особенно когда оно конфликтует с социальными условиями. В этом случае сложно не согласиться с Л.В. Кондратюком, отметившим, что различие между особым типом личности преступника и законопослушной личности «состоит лишь в степени, а не в качестве проявления (акцентуации) присущих каждому человеку оснований деструктивности»².

Таким образом, решение о том, является ли человек социально опасным или нет, в конечном итоге должно принять государство, которое делает это посредством своих органов. Хорошо, если государство при этом представляет интересы большей части общества. Если же это не так, то признание человека социально опасным лицом может превратиться в орудие давления государства на отдельную личность и ущемления ее основных прав.

Как показывает законодательный опыт различных государств и мировая юридическая практика, опасное состояние личности генерируется следующими обстоятельствами:

- господствующими в сознании лица антисоциальными и асоциальными установками, что бы при этом не вкладывалось конкретно в содержание этих понятий;
- наличием у лица психических отклонений или расстройств, порождающих его девиантное поведение;
- биологической и генетической предрасположенностью к неумению управлять своими потребностями и интересами, приводящее к тому, что лицо нередко преступает запретную черту;
- особенностями восприятия лицом внешних событий, обусловленными его характером и темпераментом, и т. д.

¹ См.: Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. Н. Новгород, 2007. С. 112.

² Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М., 2001. С. 184–185.

— сословно-социальной направленностью лица на совершение преступлений, при котором оно представляет класс, являющийся антагонистом по отношению к господствующему общественно-политическому строю, установленному правящим классом;

— наличием у лица социально опасных заболеваний и привычек, антиобщественного образа жизни, создающих условия для совершения преступлений (например, алкоголизм, наркомания, проституция и т. д.).

В рамках современной уголовно-правовой системы России можно говорить о следующих показателях, несомненно, указывающих на опасное состояние личности: 1) устойчивость преступного поведения и криминальных предпочтений (в частности, рецидив преступлений); 2) особый социальный или профессиональный статус лица, открывающий широкие возможности для его повышенной криминальной активности (например, служебное положение); 3) наличие заболевания у лица, толкающего его на совершение ряда преступлений (например, сумеречные состояния сознания). Учет опасного состояния личности выразился в появлении в уголовном законе института принудительных мер медицинского характера, усилении суровости наказания в отношении лиц, совершивших рецидив преступления, возможности назначения должностным лицам, совершившим преступление, наказания в виде лишения права занимать определенные должности и т. д. Большую роль опасное состояние лица играет и в качестве критерия оценки предупредительного воздействия с последующими мерами социальной и правовой защиты (постановка на учет, установление административного надзора, временная изоляция), а также медико-профилактического воздействия (лечение от алкоголизма, наркомании).

Необходимо изучать свойства личности с точки зрения их социальной опасности и при выборе вида и размера наказания. По общему правилу, лицам, имеющим опасные для общества характеристики, следует назначать более строгую меру наказания. Это поможет государству максимально реализовать содержащуюся в уголовном законе предупредительную функцию и избавить общество от повторного совершения такими лицами преступлений. В то же время не нужно делать упор только на усиление наказания лицам, опасным для общества. Важно понять, от чего происходят социально опасные качества лица, как их полностью устранить или, если это невозможно, то скорректировать. Следовательно, наказание для социально опасных лиц только тогда будет эффективным, когда будет сочетать в себе весь необходимый для данной личности комплекс воспитательных, организационных, медицинских и карательных мер.

Нельзя забывать также о том, что опасное состояние лица — не постоянное качество человеческой личности, оно может изменяться со временем, и притом весьма значительно. Это позволит рассматривать опасное состояние личности как ее качество с точки зрения понятий «здесь» и «сейчас», но не как пожизненное клеймо, отнесение отдельного человека к отбросам общества, к так называемому «социальному мусору». Опасное состояние личности есть лишь констатация того факта, что в это время и в этих условиях лицо действительно представляет потенциальную угрозу социальным ценностям, что уже проявилось в совершении определенного общественно опасного деяния.

Очевидно, что «опасное состояние личности» как уголовно-правовая реальность особого рода не представляет собой ничего предосудительного. Все дело заключается лишь в том, как правильно расставить акценты при применении данного понятия. Если критерии опасного состояния сделать оценочными, крайне неопределенными, то в этом случае оно действительно может превратиться в средство расправы государства с негодными ему гражданами. Тем более что такие примеры уже неоднократно имели место в мировой истории. Однако неудачный предшествующий опыт — еще не основание для полного отказа от применения категории опасного состояния личности на практике. *Главное заключается в недопущении того, чтобы опасное состояние само по себе, в отрыве от поведенческих актов стало основанием для применения мер уголовной ответственности к лицу.* Поэтому опасное состояние личности и его различные уровни нужно учитывать только при выборе мер уголовно-правового воздействия. Совершенное преступление всегда будет служить показателем социальной опасности лица. Если преступление — это деяние, представляющее опасность для общества, то, по крайней мере, в момент его совершения общественную опасность представляет и виновное лицо. Опасность лица и деяния во многих случаях связаны настолько тесно, что законодатель, конструируя составы преступлений, включает в них не только признаки деяния, но и признаки, характеризующие личность преступника (так называемый специальный субъект преступника)¹.

И вместе с тем нужно знать, что общественная опасность личности не всегда адекватна общественной опасности преступления, «иначе вопрос об общественной опасности преступника становится беспредметным: деяние и личность сливаются»².

Отметим также, что опасное состояние личности как уголовно-правовая теория возникла не вчера. На нее впервые указывал еще древнегреческий философ Платон в диалогах «Протагор» и «Горгий». Высказывая идею охраны общества от опасного преступника, он подразделял лиц, преступивших закон, на поддающихся и не поддающихся исправлению. Предлагая эту классификацию преступников, Платон преследовал две цели: во-первых, максимально обезопасить общество от угрозы, исходящей от лиц, потенциально и очевидно способных совершить преступление; во-вторых, охраняя общественное спокойствие посредством нейтрализации опасных личностей, дифференцировать подход к ним, чтобы оставаться в рамках справедливости и гуманности. В связи с этим Платон полагал, что для поддающихся исправлению преступников необходимо предусмотреть особые пенитенциарные учреждения, которые он предлагал назвать домами исправления. Помещая сюда преступников, следует исходить из того, что всякий, кто совершает зло, совершает его не по доброй воле, что преступник достоин сострадания так же, как и тот, кто является жертвой зла, и обращаться с ним следует мягко. Сострадание к преступнику и вместе с тем его изоляция от общества для обеспечения общественного спокойствия — квинтэссенция теории опасного состояния³.

¹ См.: Франкевич М.П. Криминогенная личность и ее опасное деяние как источники повышенной опасности // Уголовное право и процесс. 2009. № 2. С. 13.

² Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 61.

³ См.: Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С. 140.

Подводя итог рассмотрению понятия опасного состояния личности, можно сделать несколько выводов.

Опасное состояние лица — реально существующее явление, заключающееся в индивидуальном наборе таких качеств личности, которые конфликтуют с социальной средой и ее ценностями. Важнейшим доказательством этого конфликта является совершение лицом общественно опасного деяния.

Учет опасного состояния личности есть профилактическая необходимость, помогающая государству назначить меру наиболее справедливого и эффективного наказания, способствующего в дальнейшем охране социальных ценностей от этого лица.

Опасное состояние личности не является постоянным атрибутом какого-то человека, поскольку человеческая личность, так же как и все остальное в мире подвергается изменениям. Уголовно-правовое значение опасного состояния лица не может также выражаться в каких-либо идеологических, религиозных и национальных шаблонах, которые могут примеряться к отдельным лицам, и в зависимости от этого может делаться неправомерный вывод об их общественной опасности.

Опасное состояние лица выражается в различных уровнях угрозы причинения вреда социальным ценностям, исходящих от разных субъектов, совершивших преступления. Требуется найти объективные показатели, способные измерить уровень опасного состояния лица и закрепить их в уголовном законе при выборе мер уголовно-правового воздействия. Если это сделать правильно, с учетом данных психологии, криминологии, социологии и других наук, то возникшая корреляция между мерами уголовно-правового характера и лицом, совершившим общественно опасное деяние, в большей степени будет способствовать реализации предупредительной и охранительной задач уголовного закона.

М.И. Третьяк,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
mariya62@mail.ru*

Некоторые вопросы установления сущности обмана как способа совершения мошенничества в современном российском уголовном законодательстве и судебной практике

113

***Аннотация:** в статье анализируются новые виды мошенничества с учетом раскрытия сущности обмана. Итогом проведенного исследования является вывод о том, что в современном уголовном законодательстве и судебной практике в связи с выделением новых видов мошенничества возникло противоречивое понимание обмана как обязательного признака мошенничества.*

***Ключевые слова:** мошенничество, обман, ложные сведения, недостоверные сведения, компьютерная информация, сущность, манипулирование компьютерной информацией.*

Summary: *the article analyzes the new types of fraud based on the disclosure of fraud. The outcome of the study is the finding that in modern criminal law and judicial practices in connection with the release of new types of fraud appeared contradictory understanding of deception as a mandatory feature of fraud.*

Key words: *of fraud, of deception, false information, false information, computer information, essence, a manipulation of computer data.*

Внесенные в гл. 21 УК РФ изменения, касающиеся видов мошенничества¹, заставляют вновь обратиться к рассмотрению сущности обмана как обязательного способа мошенничества (ст. 159 УК РФ) и новых видов мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ). Согласно статистическим данным за 2012 г. в России зарегистрировано 1 399 998 преступлений против собственности, что составляет 60,8 % от общего числа зарегистрированных преступлений, из них мошенничество — 161 969 преступлений². В структуре преступлений мошенничество занимает особое место. За январь–июнь 2013 г. в России зарегистрировано 1 117 255 преступлений, из них количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), составило 8,0 % — 89 897 преступлений³.

Мошенничество в соответствии с современным уголовным законодательством (ст. 159–159.6 УК РФ) может характеризоваться двумя альтернативными способами совершения преступления: обманом или злоупотреблением доверия (ст. 159 УК РФ), только обманом (ст. 159.3, 159.5), отдельными формами обмана (ст. 159.1, 159.2 УК РФ), только злоупотреблением (ст. 159.4 УК РФ) либо способами, не связанными с обманом или злоупотреблением доверием, заключающимися во вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо ином вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159.6 УК РФ).

Обман как обязательный способ мошенничества появился в Судебнике 1550 г. Такой вывод можно сделать исходя из того, что законодательно одновременно употреблялись выражения «мошенник» и «обманщик»⁴. Что понималось под обманом, анализируя ст. 58 Судебника, ответить не представляется возможным. Однако, изучив структуру Судебника, можно заключить, что закон относил к обману в уголовно-правовом смысле далеко не все имущественные обманы и придерживался точки зрения, что каждое частное лицо должно охранять свои интересы от обманов и винить самого себя за свою неосмотрительность⁵.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49, ст. 6752.

² См.: Официальный интернет-ресурс Министерства внутренних дел РФ. База данных ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (дата обращения: 27.11.2013).

³ См.: URL: <http://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/cae/sbor062013.pdf> (дата обращения: 27.11.2013).

⁴ См.: Судебник 1550 года. URL: http://www.krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm. (дата обращения: 27.11.2013).

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование, представленное в юридический факультет Императорского Петербургского университета для получения степени магистра права. СПб., 1871. URL: Allpravo.ru. (дата обращения: 27.11.2013).

Длительное время понятие «обман» не имело законодательного закрепления. Впервые его содержание было разъяснено в примечании к ст. 187 УК РСФСР 1922 г., где под обманом понималось «как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно». УК РСФСР 1926 г. определение обмана уже не предусматривал и последующие уголовные кодексы, в том числе УК РФ 1996 г., законодательного закрепления обмана не содержали¹. Как следствие отсутствия нормативного закрепления, на основании примечания к ст. 187 УК РСФСР 1922 г. в науке уголовного права было разработано множество авторских определений обмана. Так, одним из наиболее распространенных в советское время и после принятия УК РФ 1996 г. являлось определение, данное Г.Н. Борзенковым, который под обманом понимал всякое искажение истины или умолчание об истине².

В течение 10 лет действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. понятие обмана не определялось ни на законодательном, ни на судебном уровне. И только в 2007 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³, в котором было сформулировано определение обмана. В частности, в п. 2 данного документа указано, что под обманом понимается либо сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо умолчание об истинных фактах, либо умышленные действия (например, предоставление фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использование различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги либо при игре в азартные игры, имитация кассовых расчетов и т. д.), направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

До принятия Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, в соответствии с которым были выделены различные виды мошенничества, обман выступал только альтернативным способом мошенничества. В связи с произошедшими изменениями в уголовном законе в ст. 159, 159.1–159.3, 159.5 УК РФ обман представлен в качестве альтернативного либо единственного способа. В качестве единственного способа он закрепляется:

- в виде употребления общего термина «обман» (ст. 159, 159.3, 159.5 УК РФ);
- указания на конкретные формы обмана: представление ложных и (или) недостоверных сведений (активный обман); умолчание о фактах (пассивный обман) (ст. 159.2 УК РФ).

Сопоставляя две последние законодательные формулировки, отражающие сущность обмана, с понятием обмана, имеющимся в судебной практике, приходим к выводу, что они не совпадают в части «представления недостоверных сведений». Возникает вопрос: как соотносятся используемые в законе термины «ложные» и «недостоверные» сведения? Для получения ответа рассмотрим эти понятия.

В известном словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой термин «ложный» понимается как «содержащий ложь»; «ложь» — «намеренное

¹ См.: *Маслов В.А.* К вопросу о сущности обмана и злоупотребления доверием как способа совершения мошенничества в отечественном и зарубежном законодательстве // *Адвокат.* 2013. № 8.

² См.: *Борзенков Г.Н.* Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М., 1971. С. 113.

³ См.: *Российская газета.* 2008. 12 янв.

искажение истины, неправда, обман». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 в пп. 2 и 11 упоминаются «ложные» сведения, понимаемые как «не соответствующие действительности». Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹).

Термин «недостоверные сведения» ни в законе, ни в постановлении Пленума о мошенничестве не раскрывается. В статьях, которые предусматривают ответственность за преступления, совершаемые путем обмана, он понимается следующим образом. По смыслу ст. 159.1 и 159.2 УК РФ «ложный» и «недостоверный» не являются синонимами, поскольку между ними употребляются союзы «и», «или». Если проанализировать диспозиции других статей, в которых предусматривается ответственность за преступления, совершаемые путем обмана, то обнаружим, что в них указывается на сообщение заведомо «ложных» либо «недостоверных» сведений (например, ст. 176, 185, 185.1, 185.3 УК РФ и др.), т. е. эти понятия наоборот рассматриваются как равные либо частично совпадающие² (ложные сведения выступают разновидностью недостоверных сведений) по содержанию. В теории уголовного права к недостоверным сведениям чаще всего относят информацию частично ложную, например, завышение размера собственных доходов, искажение сведений о количестве иждивенцев и т. п.³ Следовательно, недостоверные сведения являются одной из разновидностей ложных сведений, которые могут содержать полную ложь (не существующие факты или события) или часть правдивой и искаженной информации. В русском языке «достоверный» означает «верный, не вызывающий сомнений», т. е. «недостоверный» — это неверный, вызывающий сомнения. Виновное лицо не имеет точной информации о неверности либо правдивости сообщаемых сведений.

Из сравнения указанных понятий следует вывод о том, что использование в статьях о мошенничестве неоднозначно понимаемого в законе и теории способа сообщения недостоверных сведений в качестве альтернативного такому способу, как сообщение ложных сведений, будет порождать определенные трудности в установлении сущности обмана для практических работников. Поскольку, как правильно отмечает Н.А. Егорова, если под недостоверными сведениями понимается информация, истинность которой сомнительна, то следует признать, что данный вид мошенничества может совершаться не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Такое понимание обмана противоречит субъективным признакам (корыстной цели) хищения, закрепленным в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ. На наш взгляд, только формулировка «сообщение заведомо ложных сведений», содержание которой раскрывается

¹ См.: Российская газета. 2007. 15 марта.

² См.: Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве. М., 2014. С. 120.

³ См.: Доктринальные и законодательные понятия в уголовном праве России : учеб. пособие : в 7 т. / К.А. Долгополов, Т.Г. Жукова, С.А. Иванов и др.; под науч. ред. Г.И. Чечеля. Ростов н/Д, 2013. Т. 2 (И-М). С. 268.

в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, на данный момент времени может отражать наиболее точно смысл понятия обмана.

Мошенничество в доктрине уголовного права в большей степени ассоциируется с таким способом, как обман. Что же касается злоупотребления, то в современной литературе имеется предложение о признании за злоупотреблением доверием подчиненной роли по отношению к обманному способу совершения мошенничества. В целях большей конкретизации признаков составов преступлений против собственности и расширения возможностей правовой защиты имущества и имущественных прав предлагается:

- отказать от упоминания в тексте ст. 159 УК РФ злоупотребления доверием как формообразующего способа хищения;
- предусмотреть особый состав корыстного злоупотребления доверием при управлении чужим имуществом¹.

Однако современный законодатель также пошел по пути закрепления специального способа при раскрытии сущности мошенничества, предусмотренного в ст. 159.6 УК РФ, который существенным образом отличается от обмана. Например, хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Отличия приведенного способа и традиционного обмана заключаются в следующем. Во-первых, воздействие осуществляется на компьютерную информацию, а не на *сознание потерпевшего*, т. е. отсутствует обман, обязательным признаком которого является введение другого лица в заблуждение путем *воздействия на сознание* (психику) другого человека. Во-вторых, отсутствует передача имущества или приобретение права на имущество с помощью *потерпевшего*. В-третьих, преступление совершается действиями по вводу, удалению, блокированию, модификации компьютерной информации либо иному вмешательству, а *не сообщением* заведомо ложных сведений. В-четвертых, орудием преступления признается компьютерная информация, средства хранения, передачи и обработки компьютерной информации, а *не ложные сведения*, передаваемые человеком.

Мошенничество, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, не связано с традиционным обманом. В данном случае необходимо использовать в законе иную формулировку для отражения сущности преступного деяния, закрепленного в ст. 159.6 УК РФ, например, *манипулирование компьютерной информацией, влекущее хищение чужого имущества или права на чужое имущество*. Однако в связи с последними изменениями, внесенными в уголовный закон (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г.), понятия мошенничества и соответственно обмана совершенно по-иному формулируются. Вследствие этого в современном уголовном законодательстве сложилась следующая ситуация.

1. Если признать способы, которые указаны в ст. 159.6 УК РФ и ст. 159.1, 159.2 УК РФ, способами обмана, то следует сказать, что определение,

¹ См.: Безверхов А.Г. Некоторые вопросы квалификации мошенничества // Уголовное право. 2008. № 2. С. 8.

содержащееся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51, не соответствует положениям Уголовного кодекса РФ. Это создает определенные трудности в понимании закона.

2. Если мошенничество является более широким понятием и может совершаться иными способами, не связанными с традиционным обманом, то, на наш взгляд, такое положение разрушает сложившуюся в законе (употреблялись выражения «мошенник» и «обманщик» как синонимы), теории и практике традицию в понимании мошенничества как обмана в полной или отдельной его части, которая существовала на протяжении многих веков.

Следовательно, сущность обмана как способа мошенничества в современном уголовном законодательстве в связи с произошедшими изменениями достаточно противоречива. С определенной степенью условности она выражается в узком и широком значении. Узкое понимание обмана содержится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51, ст. 159, 159.3–159.5 УК РФ, более широкое — в ст. 159.1, 159.2 и 159.6 УК РФ.

Е.А. Артамонова,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
ea.artamonova@yandex.ru*

Значение волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке

***Аннотация:** в статье рассматривается влияние правомерного волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого на принятие решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке.*

***Ключевые слова:** обвиняемый, волеизъявление обвиняемого, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, дознание в сокращенной форме.*

***Summary:** it is considered in the article, how the rightful application of the accuser and (or) the suspect influences making the decision about the further procedure of the criminal trial in a special order.*

***Keywords:** accuser, application of the accuser, special order of the procedure, prejudicial agreement of cooperation, interrogation in the concise form.*

В настоящее время в России продолжается активное реформирование уголовного судопроизводства. Законодатель существенно преобразовывает уголовно-процессуальный закон, вводит новые институты, ранее не существовавшие в российской правовой системе. Вместе с тем до сих пор не разработана четкая концепция развития отечественного уголовного процесса с точки зрения соотношения в нем публичного и частного начал. В последнее время прослеживается тенденция расширения частного начала

уголовного судопроизводства путем предоставления права обвиняемому и (или) подозреваемому влиять на дальнейший ход (порядок осуществления) уголовно-процессуальной деятельности. Сегодня насчитывается три крупных уголовно-процессуальных института, реализация которых зависит от волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого.

Первым был предусмотрен институт применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В тексте действующего уголовно-процессуального закона изначально содержалась гл. 40 УПК РФ, предусматривающая нетрадиционный для российского уголовного процесса порядок разрешения уголовно-процессуальных конфликтов, при котором инициатива применения упрощенной судебной процедуры принадлежит исключительно обвиняемому.

Следующим шагом было введение Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ¹ нового для российской правовой системы института досудебного соглашения о сотрудничестве. Инициирование заключения такого соглашения полностью зависит от воли и желания обвиняемого (подозреваемого).

Третьим, и пока последним нововведением в этой сфере является институт производства дознания в сокращенной форме, закрепленный Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ². Данной новеллой по воле подозреваемого предусмотрена возможность перехода от общего порядка к упрощенной форме производства предварительного расследования в форме дознания и наоборот.

Рассмотрим названные уголовно-процессуальные институты более подробно.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Волеизъявление обвиняемого признается основополагающим при принятии решения о применении особого порядка судебного разбирательства по тем уголовным делам, по которым обвиняемый выразил согласие с предъявленным ему обвинением и заявил соответствующее ходатайство (гл. 40 УПК РФ). Ходатайство подается исключительно самим обвиняемым, никто кроме него (включая адвоката) подобное ходатайство заявить не вправе. Однако желание обвиняемого в данном случае не является безусловным, несмотря на то, что обвиняемый понимает существо предъявленного обвинения и согласен с ним в полном объеме, осознает характер и последствия заявленного им ходатайства, а само ходатайство заявлено добровольно, в присутствии защитника и только после проведения консультаций с ним.

Согласно требованиям норм гл. 40 УПК РФ для применения данной судебной процедуры необходимы следующие условия: 1) согласие на рассмотрение уголовного дела в таком порядке стороны обвинения (государственного или частного обвинителя или потерпевшего); 2) обвинение лица в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы; 3) совершеннолетие обвиняемого на момент совершения преступления;

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля.

² См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.

4) обоснованность обвинения, подтверждение его собранными по делу доказательствами и отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.

При отсутствии хотя бы одного из названных условий производство в особом порядке судебного разбирательства невозможно. Лишь совокупность всех предусмотренных законом условий дает право суду вынести приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

Таким образом, обвиняемый инициирует принятие решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в упрощенной процедуре, а его волеизъявление является главным среди равных обязательных условий для принятия решения о применении особого порядка судебного разбирательства. Если при выполнении всех прочих условий обвиняемый согласился с предъявленным ему обвинением и в установленном законом порядке заявил о своем желании на рассмотрение его уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, правоприменитель не вправе ему в этом отказать.

Однако, закрепляя порядок выражения обвиняемым своего волеизъявления по данному вопросу, законодатель допустил серьезную ошибку. Он буквально установил, что «обвиняемый *вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего* заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и *ходатайствовать* о постановлении приговора» в особом порядке судебного разбирательства (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Реализация обвиняемым своего права заявить ходатайство в данном случае связывается с имеющимся на это согласием стороны обвинения в лице потерпевшего и государственного или частного обвинителя, что в корне неверно. Решение согласиться или не согласиться с предъявленным ему обвинением обвиняемый принимает самостоятельно и независимо от усмотрения на это противной стороны. Аналогично с заявлением ходатайства. Реализация предоставленного права зависит только от волеизъявления самого обвиняемого. Ничье согласие на это не требуется. Исходя из смысла закона и основываясь на дальнейших его указаниях, потерпевший и государственный или частный обвинитель дают согласие не на заявление обвиняемым соответствующего ходатайства, а на рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при наличии имеющегося ходатайства обвиняемого об этом (ч. 4 ст. 314, ст. 316 УПК РФ).

На основании вышеизложенного, представляется необходимым ч. 1 ст. 314 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 10 лет лишения свободы. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства возможно только при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего».

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Первым этапом деятельности, регламентируемой гл. 40 УПК РФ, является инициирование вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Таким правом обладает не только обвиняемый, но и подозреваемый. Реализуется это право путем заявления ходатайства о заключении такого соглашения. Ходатайство подается в письменной форме на имя прокурора через следова-

теля, ведущего производство по данному уголовному делу (ч. 1 ст. 317¹ УПК РФ). Заявляя ходатайство, лицо изъявляет желание сотрудничать с правоохранительными органами, оказывать им содействие не только в раскрытии, но и в расследовании преступления, изобличении соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения преступления, и т. д. Волеизъявление лица на это должно быть самостоятельным, осознанным и добровольным, иначе оно не может возводиться в ранг правомерного.

Определив, что инициатива о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве исходит от подозреваемого или обвиняемого, законодатель не раскрывает, каким образом лицо, участвовавшее в совершении преступления, узнает о предоставляемом ему праве заключить данное соглашение, кто обязан разъяснить ему право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Ведь, с одной стороны, не каждый гражданин, привлекаемый к уголовной ответственности, обладает нужными знаниями в сфере уголовного судопроизводства, а с другой — для того, чтобы воспользоваться имеющимся правом, по меньшей мере, необходимо знать о его наличии.

Есть два наиболее вероятных варианта решения этого вопроса, во-первых, когда данное право своему подзащитному разъясняет адвокат-защитник, и, во-вторых, когда оно разъясняется должностным лицом, ведущим расследование.

Положения ч. 1 ст. 317¹ УПК РФ обязывают подписывать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве защитнику, участие которого в случае, если он не приглашен самим подозреваемым (обвиняемым), или по его поручению другими лицами, или его законным представителем, обеспечивается следователем. В последнем случае закон допускает, что желание заявить данное ходатайство может возникнуть у лица, совершившего преступление, еще до вступления в дело защитника.

Законом устанавливается обязанность следователя разъяснять обвиняемому (подозреваемому) права и обеспечивать реальную возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Конституция РФ (ст. 48) и УПК РФ (ст. 16) гарантируют обвиняемому (подозреваемому) обеспечение права на защиту. Под защитой принято понимать совокупность законных средств и способов, которыми лицо может самостоятельно или с помощью защитника либо законного представителя опровергать или смягчать имеющееся в отношении него подозрение либо предъявленное обвинение. Важнейшим средством защиты лица от возникшего подозрения или обвинения является «всемерная реализация процессуальных прав, которые оно приобретает с момента получения соответствующего статуса. Осведомленность гражданина относительно выдвинутого подозрения или обвинения и осознание им своих прав дает возможность занять активную позицию относительно предмета материально-правового спора»¹. Следователь, исполняя свои полномочия, обязан своевременно и надлежащим образом разъяснять обвиняемому (подозреваемому) имеющиеся у него права и, прежде всего, право на защиту и создавать необходимые условия для полной их реализации.

Обвиняемый (подозреваемый) вправе знать, какие льготы он может получить при деятельном сотрудничестве с органами предварительного

¹ Уголовный процесс. Общая часть : учебник / под ред. А.В. Гриненко. М., 2008. С. 91.

расследования, каковы условия заключения и последствия неисполнения соглашения. Вместе с тем главный для обвиняемого вопрос — какой вид и размер наказания будет ему назначен приговором суда — не входит в содержание заключаемого соглашения. Прокурор не гарантирует определенное наказание в случае исполнения соглашения. Решение данного вопроса закон относит на усмотрение суда. Единственным ограничением в данном случае являются предписания ст. 62 УК РФ. Ни закон, ни соглашение не обеспечивают обвиняемому должных гарантий по вопросам последующего осуждения и наказания.

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, несет более суровое наказание, чем лица, которых он изобличил в совершении преступления. Так, Свердловским областным судом уголовное дело в отношении К. было рассмотрено в порядке гл. 40¹ УПК РФ. Подсудимая полностью признала себя виновной в совершении инкриминированных ей деяний, изобличила организатора и известных ей участников организованной преступной группы. Положения ст. 317¹–317⁵ УПК РФ, регулирующие порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, подсудимой были соблюдены, а также выполнены условия и обязательства, предусмотренные заключенным с ней досудебным соглашением о сотрудничестве. Суд постановил приговор, признав К. виновной в совершении всех инкриминированных ей преступлений, в том числе и предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ — за участие в преступном сообществе. После вступления приговора в отношении К. в законную силу Свердловским областным судом в общем порядке было рассмотрено уголовное дело, из которого выделено дело в отношении К. В результате исследования доказательств было установлено, что по данному делу признаки преступного сообщества отсутствуют. Соучастники преступлений оправданы по ч. 2 ст. 210 УК РФ, уголовное дело в отношении них в части прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с непричастностью к совершению преступления, и за ними признано право на реабилитацию. Из изложенного следует, что в двух судебных решениях приводятся противоположные выводы относительно одного факта — факта существования преступного сообщества, что недопустимо¹.

Подобные случаи объясняются, в частности, тем, что в настоящее время судом первоначально рассматривается уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и только потом «основное» уголовное дело. При этом по итогам рассмотрения «основного» уголовного дела в общем порядке квалификация деяний обвиняемых, не исключая и руководителей организованных групп, может быть значительно смягчена, а наказание — более мягким, чем то, что назначено лицу, оказавшему содействие в раскрытии и расследовании преступлений².

Из этого следует, что для обеспечения справедливого правосудия и гарантированного соблюдения прав личности, получивших отражение в

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2012 г. № 45-Д12-4. URL: http://www.vsrfl.ru/vscourt_detale.php?id=8142 (дата обращения: 01.02.2014).

² См.: *Залазав И.В.* Практика и проблемы применения института досудебного соглашения о сотрудничестве на территории Удмуртской Республики // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века : сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции. Ижевск, 2013. С. 278–279.

действующем законодательстве и прежде всего в принципах уголовного судопроизводства, необходимо, чтобы порядок судебного разбирательства был одинаков по «основному» и выделенному уголовным делам.

Упрощая форму осуществления правосудия, государство должно обеспечить законность, обоснованность и справедливость разрешения уголовного дела, не допускать, чтобы форма правосудия, которую подсудимый выбрал по своему усмотрению, оборачивалась бы против него, без каких-либо нарушений закона с его стороны.

Производство дознания в сокращенной форме. Это новая форма предварительного расследования, представляющая собой особый порядок производства дознания, где волеизъявление подозреваемого имеет решающее значение не только для принятия решения о производстве расследования в упрощенном порядке, но и наоборот — для возвращения производства расследования из сокращенной формы в общий порядок.

Однако желание подозреваемого ограничено рядом условий, прямо предусмотренных законом. Прежде всего, подозреваемый должен не просто захотеть, чтобы его дело расследовалось в сокращенной форме. Он должен признать свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривать правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Кроме этого необходимыми условиями принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме являются: 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) совершеннолетие подозреваемого; 3) отсутствие оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ); 4) непринадлежность подозреваемого к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства (гл. 52 УПК РФ); 5) принадлежность всех преступлений, в совершении которых подозревается лицо, к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; 6) владение подозреваемым языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; 7) согласие потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме.

При наличии хотя бы одного обстоятельства, исключающего производство дознания в сокращенной форме (ст. 226² УПК РФ), дознание осуществляется в общем порядке. Следовательно, волеизъявление подозреваемого в данном случае не является безусловным.

Отличительная особенность данного института состоит в том, что подозреваемый вправе ходатайствовать не только о производстве расследования в особом порядке, но и о возобновлении производства дознания в общем порядке.

Предусмотрено, что подозреваемый (обвиняемый) вправе отказаться от сокращенной процедуры производства дознания на любом последующем этапе уголовного судопроизводства вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Для этого необходимо заявить соответствующее ходатайство, которое подлежит обязательному удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 3 ст. 226³, ч. 4 ст. 226⁹ УПК РФ), т. е. носит императивный характер для правоприменителя.

Наделение подозреваемого правом немотивированно менять свое решение в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату представляется нерациональным. Если такое заявление будет сделано в суде, то дознание и подготовку всех необходимых материалов придется начинать заново, что отбрасывает производство расследования назад, увеличивает сроки, влечет неразумное использование сил и средств. Ведь дознание в сокращенной форме задумывалось для обеспечения быстрого доступа к правосудию, сокращения сроков производства, экономии сил и денежных средств, когда имеет место «простейшее» уголовное дело и человека взяли с поличным.

Подозреваемый, официально выразивший свое волеизъявление, должен быть ответственным за принятое решение. Если он выразил желание о производстве расследования в сокращенной форме, и оно было удовлетворено, т. е. принято решение о производстве дознания в сокращенной форме, то назад дороги быть не должно. Ведь подозреваемому своевременно разъясняются особенности и последствия такого производства.

Необходимо исключить возможность лица требовать сугубо по своему усмотрению прекращения производства дознания в сокращенной форме и возобновления дознания в общем порядке. Именно это правило следует объяснять подозреваемому при разъяснении ему права ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме. Нужно предусмотреть возможность возвращения в общий порядок дознания только по усмотрению лица, в чьем производстве находится уголовное дело, исходя из обоснованности и доказанности обвинения по мотивированному постановлению.

Упрощенные формы предварительного расследования в российском уголовном процессе существовали и ранее: дознание сменялось протокольным производством и наоборот¹, но выбор формы расследования уголовного дела никогда не зависел от желания лица, подозреваемого в совершении преступления. Основу уголовного судопроизводства составляет публичное начало, в силу которого уголовное преследование осуществляется от имени государства, следовательно, форма осуществления предварительного расследования должна определяться в силу установлений уголовно-процессуального закона, исходя из особенностей уголовного дела, должностными лицами компетентных государственных органов, независимо от желания заинтересованных в исходе дела лиц. Наделение подозреваемого правом по собственной инициативе выбирать форму предварительного расследования является существенным отступлением от принципа публичности.

¹ См.: Корнуков В.М. Дифференциация и дифференцированные формы осуществления правосудия с позиции принципов уголовного судопроизводства и обеспечения прав личности // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : сборник науч. статей. Саратов, 2010. С. 14.

А.Э. Зибер,
кандидат медицинских наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
ziberanna@gmail.com

Биологическое и социальное в структуре аномального поведения

Аннотация: в статье проведен анализ сочетания биологического и социального факторов в структуре формирования психики человека, влияние этих факторов на поведенческие паттерны. Разъяснены понятия аномальная психическая конституция, аномальная личность и аномальный характер как различные составляющие психики.

Ключевые слова: темперамент, характер, личность, девиации поведения, аномальная личность, аномальный характер, аномальная психическая конституция.

Summary: the article analyzes the combination of biological and social factors in the formation of the structure of the human psyche, the influence of these factors on behavior patterns. Divorced concepts abnormal mental constitution, abnormal personality and anomalous as the various components of the psyche.

Key words: temperament, character, personality, behavior deviation, abnormal personality, anomalous, abnormal mental constitution.

Мысль о том, что человеческая личность, даже на пути своего нормального развития, обыкновенно претерпевает коренные изменения, становясь иной раз неузнаваемой, часто встречается в работах психиатров, биологов и психологов. При этом диапазон представленных мнений на этот счет весьма широк. Замечено, что такое преобразование личности происходит большей частью не только путем равномерной эволюции, но и как следствие ряда сдвигов, прерывающих время от времени спокойное и медленное ее развитие. Оценивая природу этих сдвигов, Г.К. Ушаков отмечает, что формирование психики, в том числе и аномальных вариантов ее, осуществляется с помощью механизма сенсibiliзации и изменений континуума «почва» — «реакция»¹. Социальные, экологические факторы вступают в активное взаимодействие с той или иной степенью выраженности психотипологической, конституционально обусловленной дефектности², в результате чего актуализируются различные конституционально-эндогенные механизмы, трансформирующиеся в последующем в патогенетические механизмы эндогенеза, экзогенеза, психогенеза и их смешанные варианты. Причем, рядом авторов отмечается, что многие факторы риска действуют и проявляются уже на ранних этапах онтогенеза.

Известно, что четкость исходных понятий в немалой степени способствует решению проблемы, т. к. несет в себе семантический потенциал. П.Б. Ганнушкин и другие авторы подчеркивают, что в основе личностной патологии лежат аномалии развития, т. е. нарушения формирования

¹ См.: Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. М., 1978. С. 243–274.

² См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 27; Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. С. 154–157.

определенных механизмов высших психических функций. В этом значении термины «аномалия личности», «аномалия характера», «аномальная психическая конституция» становятся продуктивными, позволяя вычленив из дисгармонических свойств личности только те, которые являются результатом аномального развития или дизонтогенеза¹.

Еще на заре становления научной психиатрии (XVII–XVIII вв.) вопрос клинического понимания психической патологии рассматривался в качестве ключевого. Особый вклад в осмысление данной проблематики внес выдающийся французский психиатр Ph. Pinel. Выведению формулы болезни как целостности предшествует изучение ее естественных причин (у Пинеля это, прежде всего, социальные факторы: «неправильное воспитание», «неправильный образ жизни» и т. д.), описание физических и нравственных свойств душевных болезней. При этом нравственное рассматривается как прижизненно формирующиеся «слои» в структуре личности, демонстрируя несколько механическое понимание целостности психики².

Иная оценка соотношения социального и биологического наблюдается на основе методологического принципа детерминизма, провозглашенного в психологии С.Л. Рубинштейном³. По его мнению, внешние причины действуют только через внутренние условия и наоборот — внутреннее, психическое опосредуется и реализуется внешним, материальным⁴.

Некоторые авторы пытались сопоставить психические свойства непосредственно с соматическими характеристиками человека, но потерпели неудачу, не сумев провести обоснованных взаимосвязей⁵. И лишь исследования Б.Н. Теплова⁶, П.К. Анохина⁷, В.Н. Русалова⁸ и других позволили обосновать положение о решающей роли именно нейрофизиологических свойств в определении психодинамических свойств человека.

Развивая тему определения взаимосвязи между конституцией и социумом, многие исследователи отмечают, что, несмотря на существующую тенденцию все больше признавать значение роли семьи, воспитания, традиций и социальных факторов в формировании личности, было бы недоступным упрощением отрицать наличие состояний, в результате которых основная роль отводится конституционально-биологическим факторам. К таким патологическим состояниям авторы, в частности, относят невропатию и психопатическое развитие личности у детей и подростков. В качестве примера указывалось, что нередко носители наследственного предрасположения — родители — в то же время являются составной частью окружающей ребенка среды: «Родители отягощали детей не только своей наследственностью, но и своим воспитанием»⁹. Для детей,

¹ См.: Ганнушкин П.Б. Избранные труды. Ростов н/Д, 1998. С. 278–292.

² См.: Шостакович Б.В., Иванюшкин А.Я. Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 217–218.

³ См.: Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1975.

⁴ См.: Русалов В.М. Типологические особенности ВВД. М., 1998. С. 98.

⁵ См.: Кречмер Э. Строение тела и характер. 2-е изд. М.; Л., 1930.

⁶ См.: Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

⁷ См.: Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.

⁸ См.: Русалов В.М. Указ. соч.

⁹ Wagner–Jauregg J. Ann. Med.- psychol. 1960. P. 276.

родившихся от психопатических родителей, родная семья представляет самую опасную воспитательную среду. Многие из таких родителей проявляют жестокость по отношению к своим детям, считая семью единственным местом, где они не обязаны следить за собой и сдерживать себя, они подают детям «дурной пример своими страстями, пороками и эксцентричностью»¹. Замечено также, что распространенность тех или иных личностных расстройств неодинакова в различных обществах. То же касается и преобладания различных признаков внутри конкретных форм психической патологии, что дает повод говорить о влиянии культуры как на возникновение определенного вида личностного расстройства, так и на наличие совокупности признаков, свойственных этому виду.

К сожалению, негативные тенденции в динамике психического здоровья (в том числе подростков) на протяжении последних десятилетий фиксируются как отечественными, так и зарубежными психиатрами. Распространенность основных форм психических заболеваний возрастает каждые 10 лет на 10–15 % (от исходного уровня). К началу 2000-х гг. в России она достигла 20–25 %, что в 10 раз превышает показатели официальной статистики². Данное положение обуславливает проведение значительного количества исследований, посвященных изучению этой актуальной проблемы. Считается, что в подавляющем большинстве случаев увеличение подростковой болезненности происходит за счет пограничных форм психической патологии³. Этой же точки зрения придерживается Т.Б. Дмитриева, отмечая, что в формировании различных девиаций поведения существенную роль играют пограничные психические расстройства⁴.

Издавна разработка критериев психической нормы привлекает внимание многих исследователей. К примеру, по мнению В.П. Осипова, норма определяется адекватностью реакции индивидуума на окружающие раздражители, возможностью для человека прокладывать свой жизненный путь и, наконец, возможностями поведения человека в различных жизненных обстоятельствах⁵. А J. Schultz по этому поводу пишет, что нормальные реакции человека всегда мотивированы и представляют собой чувственно адекватный ответ на переживание⁶.

В настоящее время в диагностическом процессе основополагающим признается подход к любому психологическому феномену с двух альтернативных сторон: либо наблюдаемый феномен является психопатологическим симптомом, т. е. признаком психической болезни, либо он является признаком личностных особенностей человека⁷. В связи с этим значимым представляется

¹ Бехтерев В.М. Избранные произведения. М., 1954. С. 204.

² См.: Волгина С.Я., Менделевич В.Д., Альбицкий В.Ю. Состояние психического здоровья и структура психических и поведенческих расстройств у детей, родившихся недоношенными // Социальная и клиническая психиатрия. 2000. № 2. С. 16–19.

³ См.: Динамика состояния здоровья детей школьного возраста / Л.Ф. Бережков и др. // Вестник РАМН. 1993. № 5. С. 8–15.

⁴ См.: Дмитриева Т.Б. Динамика основных вариантов девиантного поведения у детей и подростков по данным клинико-динамического исследования // Социальная и клиническая психиатрия. 1995. № 1. С. 54–61.

⁵ См.: Осипов В.П. О распознавании психопатий и ограничении понятий // Советская невропсихиатрия : сборник трудов. Л., 1936. С. 100–116.

⁶ См.: Schultz J.R. Carnegie Institute of Washington Publication. Washington, 1936. V. 45. P. 1329–1338.

⁷ См.: Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология. Практическое руководство. М., 1999. С. 273.

анализ параметров адекватных и неадекватных форм поведения, признаков отклоняющегося и психопатологического стилей поведения и, как предшествование такого анализа, создание представления о гармоничности на характерологическом и личностном уровнях.

В отличие от темперамента, который детерминируется на биологическом уровне, характер является психологическим образованием. Гармоничный характер условно представляет собой блок из двух групп психологических параметров, включающих адаптивность и самоактуализацию. Если на уровне адаптивности гармоничным считается «принятие других и мира», то на уровне самоактуализации — «принятие себя»¹. Можно сказать, что наиболее важна для оценки характерологической гармоничности сфера обыденных взаимоотношений, включающая сугубо психологические параметры, тогда как гармоничность личностная определяется в большей степени социально-психологическими параметрами — соответствием и следованием нравственным требованиям. К гармоничным чертам характера относятся: адаптивность, зрелость, здравомыслие, гибкость, реализм в оценке окружающих, реальность самооценки, самостоятельность, автономность, простота, естественность, самоуважение и разумное сочетание эгоистических и альтруистических целей.

В свою очередь, на характерологических чертах базируются личностные качества, которые определяются степенью волевой регуляции поведения, использованием нравственных оснований, мировоззренческих установок, склонностей и социальных интересов при выборе системы поступков. Существенными признаками гармоничности, по мнению В. Франкла, выступают такие понятия, как духовность, свобода и ответственность². Гармоничная личность живет в соответствии с принципом: мне никто ничего не должен. Соответственно, при аномальном и девиантном развитии личности все перечисленные качества предстают обратными.

¹ См.: Менделевич В.Д. Указ. соч. С. 316–317.

² См.: Франкл В. Человек в поисках смысла жизни. М., 1990. С. 258.

Л.М. Балакирева,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры правовой культуры
и защиты прав человека*

*Северо-Кавказского федерального университета
ballid-61@mail.ru*

Комплектование Юстиц-коллегией штатов подчиненных судебных органов в 1718 году

Аннотация: в статье анализируются особенности подбора руководством Юстиц-коллегии судейского персонала для подчиненных ей учреждений в ходе начавшейся в 1718 г. государственно-административной реформы.

Ключевые слова: Юстиц-коллегия, судебная реформа, кадровая политика.

Summary: the particular features of selection by the leadership of the Judicial Collegium the personnel for its subordinate institutions in the course of beginning in 1718 the public administration reform are analyzed in this article.

Key words: Judicial Collegium, judicial reform, personnel policy.

Впервые тезис о необходимости сочетания структурного и функционального подходов при анализе любой административной организации сформулировал американский социолог Т. Парсонс. По его мнению, это дает возможность лучше моделировать процесс бюрократизации и рационализации, а следовательно, понимать характер изменений, происходящих в результате административных реформ¹.

Реализация функций управления обществом в целом, как известно, обеспечивается особым социальным слоем, специализирующимся на данном виде деятельности, поэтому качество работы любого учреждения, несомненно, зависит от качества его кадрового состава. Несмотря на это, кадровая политика петровских коллегий мало привлекала внимание исследователей. Упоминания же о чиновниках Юстиц-коллегий в специальных работах вообще встречаются очень редко². Кроме того, из них можно получить лишь некие отрывочные сведения, но нельзя представить картину в целом, а тем более — в динамике.

Данная статья является попыткой хотя бы отчасти восполнить существующий в научной литературе пробел. Источниками послужили нормы, включенные в «Полное собрание законов Российской империи» (1-е собрание); делопроизводственные материалы учреждений из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Процесс, исследуемый в настоящей статье, неразрывно связан с именем ее президента (1717–1722 гг.) А.А. Матвеева.

Подбирать людей для «юстицкой» службы на периферии А.А. Матвеев начал одновременно с комплектованием штата самой коллегии. Оба процесса, развивавшиеся параллельно, прошли одни и те же стадии и имели сходные черты.

Список чиновников «к делам по губерниям», включенный в самый первый «Реестр судьям, дьяком и старым подьячим, которым повелено да будет в чинах у дела в коллегии Юстиции быть», тайный советник Матвеев подал в Сенат 14 мая 1718 г.³ Тогда даже сам президент центральной судебной инстанции имел лишь общее представление о характере и объеме предстоявшей его ведомству работы, поэтому он запросил всего 9 человек — С. Чебышева, П. Власова, Ф. Замыцкого, И. Мякина, Т. Кутузова, И. Беклемишева,

¹ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

² См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1993. Кн. 8, т. 16. С. 435–437, 439–440; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 177–178; Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 336–338; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 276, 280, 268, 250–253; Серов Д.О. Строители империи. Новосибирск, 1996. С. 22–28, 150–156, 239; Его же. Администрация Петра I. М., 2007 и др.

³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 42. Л. 41–42.

П. Коробина, Н. Вепренского, И. Топильского — и совсем ничего не сообщил о том, каким образом намеревался использовать этих людей. Нет в документе также никаких пометок ни о чинах названных лиц, ни об их предыдущей службе, поэтому прокомментировать выбор президента сложно. С достаточной долей уверенности можно утверждать лишь одно: как и в случае отбора дьяков и подьячих, А.А. Матвеев фамилии необходимых ему царедворцев взял из сенатских списков, составленных или в ходе весеннего 1718 г. смотра, или ранее. Эти бумаги не всегда точно отражали реальную действительность, и их использование было чревато многочисленными проблемами в будущем, но руководители новых государственных структур тогда не располагали другими официальными источниками информации по кадровому вопросу.

Графу Матвееву пожаловали всех затребованных лиц: 21 мая 1718 г. указ об этом, подписанный М. Самариным, был отправлен в Москву в Канцелярию сенатского правления¹. Дьяк названной канцелярии Г. Окуньков достаточно быстро навел справки, потому что уже 4 августа 1718 г. президент центрального судебного ведомства в очередном «Ведении, сколько надобно в Юстиц-коллегию на упалые места» людей, ссылался на предоставленные им сведения. Выяснилось, что Ф. Замыцкий — «болен и стар»; С. Чебышев — «стар и болен же»; П. Власов — «во многих важных делах держитца в канцелярии Подрядной»; И. Беклемишев — «по многим важным делам держитца лейб-гвардии от капитана господина Чебышева в городе Скопин». Поэтому «на те места их ныне требуютца»: С. Коровин, П. Хрущев, Г. Озеров, И. Зайцев².

Однако кадровая замена не являлась единственной целью послания А.А. Матвеева в Сенат. На сей раз, познакомившись, очевидно, поближе с судебным поприщем, граф писал: «Для будущих дел в той же коллегии Юстиции к межеванью, к переписям, к сыскам, к иным приключившимся всегдашним посылкам требуютца в особливости назначить из нарочитых царедворцов, сведомых и бывалых у тех дел, тридцать человек»³. Необходимо сразу обратить внимание на один существенный момент: данных чиновников, как следует из текста, А.А. Матвеев желал «прикомандировать» к своему учреждению для исполнения различных поручений. Они вовсе не являлись кандидатами на должности местных судей, т. к. система подчиненных Юстиц-коллегии инстанций еще не существовала даже в виде проекта. Сенатским указом от 18 августа 1718 г. к А.А. Матвееву определили П. Хрущева, Г. Озерова, И. Зайцева, предоставив «искать имена» остальных 27 человек ему самому⁴.

Впервые Андрей Артамонович напомнил высшему исполнительно-распорядительному органу, что «силою именного его царского величества указу... прошлаго мая в 9 день сего настоящего году повелено быть судам для расправ по городам, а тем гороцким быть под губернскими правлениями» 21 августа 1718 г., и предложил «к делам тем назначить из городовых лантратов и комисаров, которыя прежде были у судных и розыскных дел, и подьячих

¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 42. Л. 43–45 об.

² См.: Там же. Л. 136 об.

³ Там же. Л. 137.

⁴ См.: Там же. Л. 138.

городовых по своему рассмотрению, чтобы оне... были заранее ныне определены и готовы к будущему 1719 году»¹. Пока же президент Юстиц-коллегии желал получить «к межеванью и иным делам» 17 стольников, 5 стряпчих, 10 жильцов². Списочное число превышало 30, но М. Самарин приказал «из вышеписанных людей, которые в другие коллегии не браны, и тех всех брать... в Юстиц-коллегию. И кто в Санкт-Питербурхе, тем указ читать и подписываться заставлять»³.

Из затребованных лиц Л. Толмачев, согласно справке из канцелярии Сената, оказался «в ведомости написан к делам в Штатс-кантору»⁴. Явившиеся в Юстиц-коллегию лично И. Челюскин, Л. Чаплин, «хотя и добрые оне люди, только сказалися, что грамоте не умеют... и за тою преподною у дел тех быть оне весьма не способны»⁵. 25 августа 1718 г. А.А. Матвеев вынужден был просить Сенат заменить их на И. Ляпунова, А. Давыдова, С. Арсеньева, Н. Чулкова, но указом от 27 августа 1718 г. к нему определили только Ляпунова и Давыдова: Арсеньев и Чулков в бумагах Разрядного стола сенатской Канцелярии уже проходили по ведомству Камер-коллегии⁶. Тогда 7 сентября 1718 г. граф Матвеев предложил Сенату вместо Л. Толмачева и Н. Кишкина назначить М. Норова и князя Н. Дябрицкого. На сей раз его выбор оказался удачным: «Вышеписанные царедворцы... в калегии к делам никуда не написаны, а по спискам к делам отмечены», следовательно, их можно было отдать в Юстиц-коллегию, что и сделали 20 сентября 1718 г.⁷

Процесс определения «к должности», между тем, не заканчивался получением сенатского разрешения. Существовавший на бумаге список еще нужно было обратиться в реальных лиц, но это уже считалось заботой руководства заинтересованного учреждения. Кадровые перемещения обычно производились во время ежегодных смотров, когда множество служилых людей съезжалось в столицу, где им и «сказывали указы» о новых назначениях. К сожалению, материалов о смотрах 1712–1721 гг. в фондах РГАДА почти нет. Сохранившиеся отрывки не позволяют получить всю необходимую информацию, но некоторые сведения все же содержат.

В 1718 г. служилых людей «перебирали» дважды. 17 марта 1718 г. граф Мусин-Пушкин объявил из Сената именной указ: «Царедворцев, что где есть по губерниям из помещенных, кроме палатных людей и офицеров, выслать в Санкт-Питербурх, а которые в губерниях у дел, — и тех по половине к смотру в мае и в июне месяцах сего 1718 году не отменно»⁸. Более об этом смотре ничего не известно, но, скорее всего, именно составленные в его ходе списки использовали президенты коллегий при подборе кадров для своих ведомств.

Указа о сроках проведения осеннего 1718 г. смотра и представительств на нем различных чинов мы, к сожалению, не имеем. Зато в «Делах и

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 42. Л. 146, 148 об., 149.

² См.: Там же. Л. 146–147 об.

³ Там же. Л. 149.

⁴ Там же. Л. 150.

⁵ Там же. Л. 159.

⁶ См.: Там же. Л. 159 об., 161.

⁷ Там же. Л. 207–207 об, 209 об., 211.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1-е собр. СПб., 1830–1833. Т. 5, № 3184.

приговорах Правительствующего Сената по Разрядному столу 1715–1719 гг.» есть 2 любопытных документа, которые, отчасти, проливают свет на интересующую нас проблему. Первый, под заголовком: «Царедворцы по смотрам выбраны к делам и были ж на смотре октября 15 числа»¹, является выпиской из «смотренных» списков, изготовленных канцелярией Сената, вероятно, в конце октября 1718 г.

Датируется материал путем сопоставления со следующим прямо за ним кадровым запросом А.А. Матвеева в Сенат от 4 ноября 1718 г. Источник выписки легко определяется, исходя из содержания, — там указаны только имена, отчества и фамилии людей, их чины, а также куда они «в службу написаны», что характерно именно для «смотренных списков». Документ позволяет совершенно точно назвать дни, в которые сенаторы производили «разбор» служилого сословия: «Да из выборных ж к делам на смотре сентября 26 числа не были...»; «царедворцы записались к смотру сентября з 26 числа и были на смотре октября 15 числа...»². Кроме того, из текста видно, какие чины приглашались в столицу осенью 1718 г. Это были стольники, стряпчие, жильцы (сведений о других, к сожалению, нет). И, наконец, очень важный момент: все указанные в списке люди прибыли лично, их признали годными к службе и «написали» по ведомству Юстиц-коллегии.

Таким образом, только 15 октября 1718 г. новые назначения получили 12 стольников, 4 стряпчих, 6 жильцов из реестра, который А.А. Матвеев подавал на рассмотрение Сената 21 августа 1718 г. А что же случилось с остальными? Ведь граф мог рассчитывать на большее количество подчиненных.

Обратимся ко второму документу из книги сенатских приговоров по Разрядному столу. Он состоит из двух частей: очередного кадрового запроса А.А. Матвеева в Сенат и составленной сенатской Канцелярией в связи с этим справки³. 4 ноября 1718 г. Андрей Артамонович докладывал своему непосредственному начальству: «В коллегии Юстиции к надлежащим делам... требуетца ис Правительствующаго Сената определение нижеписанным царедворцам в пополнку к прежним, которыя на смотрех по разсуждению сенатскому за болезнью и за неспособностью быть у дел отставлены» (далее следует список)⁴. Однако множество вакансий имелось во всех отраслях гражданского управления, поэтому сенаторы решение приняли не сразу, а приказали сначала составить подробную выписку, сколько человек уже отдано в судебное ведомство. Подьячий А. Севергин исполнил поручение «со всем тщанием», и, благодаря ему, стало известно, что «в нынешнем 1718 году в разных месяцах и числах по требованиям тайного советника графа... Матвеева и по приговорам Правительствующаго Сената велено быть у дел в Юстиц-коллегии царедворцам... к делам в губернии... (36 служилым людям. — Л.Б.). Да по требованию ево ж, тайного советника, определены были к делам в Юстиц-коллегию, а октября 3 и 15 чисел смотру Правительствующаго Сената определены в губернии к делам и из Санкт-Петербурха отпущен-

¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 304–312.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 307–308.

³ См.: Там же. Л. 398–401 об.

⁴ Там же. Л. 398–398 об.

ны»: Н. Маслов, Б. Челищев, И. Ергольский, И. Муромцев, Н. Чулков, М. Горяинов¹. Да еще А.А. Матвеев просил определить, «вместо тех выбылых от нех царедворцов в пополнку к прежним»: И. Косагова — «в стольниках на житье в Санкт-Петербурхе и отпущен в дом до указу»; И. Вердеревского — «то ж, ныне у дел в Киевской губернии»; Л. Никифорова — «то ж, у дел в Московской губернии»; П. Благова — «в стольниках и от смотру отпущен в губернию к делам»; А. Ильина — «в стольниках на житье в Санкт-Петербурхе и ныне здесь»; В. Дохтурова — «в стольниках, с смотру отпущен к делам в губернию»; Е. Николева — «в стольниках и ныне в Санкт-Петербурхе на житье»; М. Леонтьева — «в житье и по смотру написан к делам, а ни в которые коллегии не определен»; А. Казимерова — «в стольниках и к смотру не явился»; князя А. Ухтомского — «в житте у дел лантратом в Московской губернии и отпущен по прежнему до указу»; Ф. Клешнина — «в стольниках и для смотра не явился»; В. Тимашева — «в житье и ныне при канцелярии Сената от Нижегородской губернии камисаром»; И. Чирикова — «в стряпчих с новгородским разрядом и для смотра не явился»; Г. Опочинина — «в стряпчих и на смотре не был. А те царедворцы ни в которые калегии к делам не определены»².

Последняя фраза, по-видимому, и решила судьбу 14 чиновников, замыкавших список: 21 ноября 1718 г. «по указу великого Государя Правительствующий Сенат приказали» всех их передать Юстиц-коллегии³.

Итак, на основании приведенных выше источников, можно уточнить детали и сделать некоторые выводы. Осенний 1718 г. смотр проводился в течение, как минимум, трех дней — 26 сентября, 3 и 15 октября. А.А. Матвеев, получивший в числе других президентов коллегий сенаторский чин, скорее всего, лично присутствовал при «разборе» служилых людей, особенно предназначавшихся для его ведомства, и даже активно влиял на этот процесс. Иначе сложно объяснить, каким образом Юстиц-коллегии, явно не относившейся к разряду привилегированных, на фоне общего дефицита кадров все же удалось отказаться от чиновников, не способных уже исполнять никакие обязанностей и вытребовать даже получивших назначение в другие коллегии (Толмачев, Арсеньев). Но самым ярким доказательством наличия у графа Матвеева организаторских способностей служит, пожалуй, количество царедворцев, приобретенных им «в свое ведение»: из 47 затребованных лиц указ на смотре «был сказан» 42.

Почему же А.А. Матвеев попросил у Сената, в качестве возмещения, не 5, а 14 человек, да еще и получил разрешение на это? Возможно, все дело заключалось в том, что, работая над проектом будущего российского судоустройства, президент Юстиц-коллегии понял: в самом скором времени ему понадобится множество кандидатов на замещение вакантных судейских должностей в создававшейся разветвленной системе. Осенью 1718 г. у него уже были примерные цифры, поэтому граф решил сделать некий кадровый запас. Окончание же смотра было наиболее благоприятным моментом для

¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 399–400 об.

² Там же. Л. 400 об., 401 об.

³ См.: Там же. Л. 402.

этого: Сенат сам стремился срочно занять всех временно «отставших» по разным причинам от службы царедворцев. Правда, качество набранного таким способом пополнения, как правило, оставляло желать лучшего. Согласно справке А. Севергина, из 9 стольников, назначенных в Юстиц-коллегию 21 ноября 1718 г., 2 на смотр не явились вообще, 6 ранее отправляли какие-то незначительные дела, и только 1 служил ландратом в Московской губернии, т. е. имел опыт в отправлении судебно-розыскных дел.

Последнее в 1718 г. донесение по кадровому вопросу граф Матвеев направил в Сенат 22 декабря 1718 г.: «Понеже губерния Санкт-Петербургская разделена на двенадцать губерний и правинций, и в том же Санкт-Петербурге имеет быть нижней суд, для того управления к делам требуютца... царедворцы»: князь А. Болховской, А. Темирязов, Е. Пыжов, И. Веригин, Я. Сытин, Б. Аничков, А. Кайсаров¹. Документ процитирован почти полностью, ибо замечателен во многих отношениях. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что названные фамилии не встречаются в предыдущих реестрах, следовательно, тайный советник снова желал получить людей «в пополнку к прежним». Однако в данном случае это не главное, гораздо более важным является другое.

Возможно, мы имеем дело с первой экспериментальной попыткой организовать еще до высочайшего утверждения общей схемы нового русского судоустройства подчиненное Юстиц-коллегии и действующее на постоянной основе судебное учреждение. На такую мысль наталкивает ряд моментов в тексте источника. Президент Юстиц-коллегии вряд ли мог одновременно с выходом именного указа подать «доношение» во исполнение его — он бы просто не успел. Кроме того, А.А. Матвеев обязан был непременно сослаться на только что вышедший законодательный акт, послуживший основой его действий, но не сделал этого.

И последнее. 22 декабря 1718 г. Петр I четко определил типы будущих судов — надворные в «знатных» городах и провинциальные (или городские судьи вместо них) «по городам». Граф Матвеев, сочиняя свое послание, об этом еще явно не знал, поэтому написал просто: «нижней суд». Других материалов, подтверждающих данную версию, к сожалению, обнаружить не удалось, что не удивительно: идея устарела еще до начала реализации.

Таким образом, комплектование руководством Юстиц-коллегии штатов подчиненных судебных органов в 1718 г. осложнялось двумя обстоятельствами: система подчиненных Юстиц-коллегии инстанций в указанном году еще не существовала даже в виде проекта; общим дефицитом служилых людей, годных к гражданской службе, особенно на судебном поприще. Тем не менее начало процессу формирования бюрократии нового образца все же было положено.

¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 420.

И.В. Михалёва,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономики Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса (филиал в г. Находка), аспирант
Института социологии РАН (г. Москва)
solomonova_irina@mail.ru

Взаимодействие институтов президента и правительства Российской Федерации и Республики Корея в условиях политической трансформации современности

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности взаимодействия современных институтов президента и правительства России и Республики Корея с учетом анализа действующих конституционных полномочий.*

***Ключевые слова:** авторитарная модернизация, демократизация, политическая практика, власть, политический процесс, элита.*

***Summary:** the article is devoted to features of interaction of modern institutes of the president and the government of the Russian Federation and the Republic of Korea, taking into account the analysis of operating constitutional powers.*

***Keywords:** authoritative modernization, democratization, political practice, the power, political process, elite.*

Вопрос взаимодействия институтов президента и правительства в России уже достаточно продолжительное время занимает умы теоретиков и практиков юридической и политологической мысли. Представляется важным рассматривать российский опыт с учетом опыта ближайших соседей.

Практика показала, что наиболее удачной в данном контексте представляется модель взаимодействия институтов президента и правительства в Республике Корея, которая прошла примерно одинаковый с Россией цивилистический путь развития: от тоталитаризма к демократии, от диктата к демократизации и становлению институтов президента и правительства в нынешнем конституционном статусе.

Необходимо отметить основные отличия институтов президента и правительства и их взаимоотношений в сравниваемых странах.

В Республике Корея Кабинет правительства возглавляет премьер-министр, который в свою очередь, управляет двумя заместителями. В отличие от России, где вице-премьером может стать любой министр, в Южной Корее первый вице-премьер — это совместитель должности министра экономики или финансов, а министр объединения, в ведении которого находится весь перечень вопросов, связанных с внешними отношениями с Северной Кореей, является вторым вице-премьером¹.

¹ См.: Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2011. № 5. С. 19.

Упомянутая система обладает важным преимуществом: прежде всего, в Республике Корея повышенное внимание уделяется вопросам экономики.

Составляющими многих министерств являются независимые агентства различного профиля, напоминающие государственные комитеты Российской Федерации или бывшего СССР. К слову, южнокорейский «Госкомстат» выступает независимой составляющей в структуре министерства экономики и финансов.

Выше перечислены только общие черты структуры правительства Республики Корея, но стоит упомянуть и о полномочиях президента, который в рамках исследуемой правительственной модели обладает широким спектром полномочий, сдерживаемых конституционным принципом разделения властей и пределами осуществления федеральной исполнительной власти, что делает невозможным единоличное управление государственным аппаратом.

Несмотря на внешне неограниченную власть, ни одному южнокорейскому президенту не удавалось добиться серьезных изменений в государственной структуре или в международных отношениях, не прибегнув к помощи высшей законодательной власти. Таким образом, южнокорейская политическая система может позволить сильному президенту консолидировать всю полноту власти при условии поддержки преобладающего количества голосов членов Национального собрания (южнокорейского парламента). Такая прямая зависимость власти президента от решений парламента существенно отличает южнокорейский институт президента от российской модели, близкой к авторитаризму.

В контексте вышесказанного возникают сомнения в степени демократизации политической системы Республики Корея. Однако остается неоспоримым факт постоянного давления — как на президента, так и на южнокорейский парламента — со стороны общественно-политических группировок, профсоюзов и множества других социально значимых организаций. Несомненно и то, что политика южнокорейского президента находится под влиянием постоянного противоборства партий и действий эффективной контрэлиты в Национальном собрании. Все публичные действия президента Республики Корея постоянно муссируются в СМИ, которые в соответствии с действующей Конституцией абсолютно свободны от цензуры со стороны правительства. Кроме того, в любые действия главы государства может вмешаться и Верховный суд. Можно резюмировать, что деятельность южнокорейского главы государства находится под неусыпным контролем как общественных, так и политических институтов¹. Следовательно, ни при каких условиях Республике Корея не угрожает режим абсолютной личной власти. И любые попытки его установления встречают серьезный отпор².

В отличие от России, в Южной Корее для института президента не характерна двойственность исполнительной власти и соперничество между премьер-министром и главой государства за решающее влияние на функциональные начала правительства. В России же Президент наделен максимально широкими полномочиями, включая роспуск парламента, назначение и смещение членов правительства, что позволяет называть Российскую республику не просто президентской, а «суперпрезидентской».

¹ См.: *Ли Ин Хо* Заложить крепкую основу для процветания / ред. Ю.Б. Кашлев и др.; Дипломат. акад. МИД РФ // Российско-Корейский форум : докл. и выступл. М., 2012. С. 67.

² См.: *Yang J.M.* Supporting interdisciplinary research projects. Seoul, 2011. P. 9.

Еще одним немаловажным преимуществом южнокорейской модели является то, что во время любых политических кризисов, изменений и потрясений выборы президента всегда проводились в сроки, установленные Конституцией.

В последнее время создается впечатление, что для южнокорейского общества превыше всего не политические, а экономические реформы, но, тем не менее, институт президента остается комплексным и целостным. Как это ни странно, экономические реформы не влекут за собой политические, что заставляет уважать южнокорейский опыт взаимодействия институтов президента и правительства: изначально — авторитарная модернизация, затем — политическая демократизация, причем неоспоримая, жизнеспособная и делающая южнокорейский институт президента открытым и подконтрольным.

А.Я. Ахмедов,
аспирант Саратовской государственной
юридической академии
ahmedov.arsen@bk.ru

Договор трансфера спортсмена

***Аннотация:** статья посвящена соглашениям между спортивными организациями (клубами), направленным на переход спортсменов из одного клуба в другой (трансферным договорам). Рассматриваемый договор квалифицируется как комплексный, содержащий элементы, свойственные трудовому и гражданскому праву.*

***Ключевые слова:** трансферный договор, комплексный договор, обязательство, непоименованный договор, вознаграждение.*

***Summary:** the article discusses the agreement between the sport organizations, which fix transfer of a professional athlete from one organization to another. The agreement qualifies as a complex, regulated by labor and civil law.*

***Keywords:** transfer contract, complex contract, obligation, unnamed contract, compensation.*

В профессиональной спортивной деятельности могут заключаться гражданско-правовые, трудовые и смешанные договоры. Распространение получили и соглашения между спортивными организациями, фиксирующие переход профессионального спортсмена из одной спортивной организации в другую. Такие правоотношения не свойственны трудовому праву, предоставляющему возможность работнику по собственной инициативе расторгнуть трудовой договор. Как должны квалифицироваться такие соглашения, и будут ли они действительными?

Трансферные договоры не предусмотрены законодательством, что, однако, не свидетельствует о запрете на их заключение. Между тем отсутствие правового регулирования усложняет определение места трансферного договора в системе договоров частного права. Трансферный договор предусмотрен лишь регламентами спортивных союзов. Регламентом РФС (Российского футбольного союза) по статусу и переходам (трансферу) футболистов¹ трансферный контракт определен как договор, заключаемый между профессиональными футбольными клубами,

¹ Регламент Российского футбольного союза по статусу и переходам (трансферу) футболистов : утв. Постановлением Исполкома Общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз» № 141/4 от 5 марта 2011 г. URL: <http://sportslaw.ru/data/files/regstatus2011.pdf> (дата обращения: 11.12.2013).

определяющий порядок, сроки и условия перехода (трансфера) футболиста-профессионала. Приложением № 5 к указанному регламенту предмет договора определяется как действия первого клуба по расторжению трудового договора с футболистом и увольнению его в порядке перевода к другому работодателю и действия другого клуба по заключению трудового договора с футболистом и осуществлению трансферной выплаты первому клубу за переход футболиста. В науке же можно встретить различные трактовки трансферного договора.

Е.В. Вавилин рассматривает трансферный договор как смешанный, включающий условия оказания услуг другой профессиональной организации и условия расторжения и заключения нового трудового договора с профессиональной организацией¹.

Ю.В. Зайцев квалифицирует трансферный договор как непоименованный. Предметом договора является выплата компенсации (денежная или иная) и иные обязательства спортивных клубов, направленные на переход спортсмена, в том числе обязательства клубов расторгнуть и заключить трудовой договор².

Можно встретить квалификацию трансферного договора в качестве уступки прав работодателя³, в качестве договора на передачу прав на регистрацию спортсмена-профессионала в соответствующей спортивной ассоциации и допуск к соревнованиям⁴ и др.

Таким образом, данный договор содержит в своем составе обязательства, регулируемые гражданским и трудовым правом. Обязательство, предусматривающее обязанность субъекта правоотношения расторгнуть трудовой договор с одним из своих работников, не свойственно гражданскому праву. Трудовое право, в свою очередь, не связывает расторжение и заключение трудового договора иным работодателем с выплатой вознаграждения.

В теории гражданского права договоры, содержащие элементы соглашений, регулируемых разными отраслями права, именуются комплексными. Некоторые авторы под комплексным договором понимают договор, включающий обязательства разных видов, объединенные в один договор-документ для удобства, который в отличие от смешанного договора не создает единого обязательства⁵. По нашему мнению, противопоставление комплексного и смешанного договора по указанному признаку не представляется возможным, поскольку ни смешанный, ни комплексный, ни даже унитарный договор не создает единого обязательства. В силу п. 1 ст. 307 Гражданского кодекса РФ обязательством является связь, предусматривающая выполнение должником в пользу кредитора одного действия. Большинство договоров носит синаллагматический характер, в силу чего каждая сторона является и должником,

¹ См.: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009. С. 266.

² См.: Зайцев Ю.В. Правовая природа переходов спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 4. С. 18–24.

³ См.: Лукьянцев А.А., Буров В.С. О правовой природе трансфертного контракта в отечественном профессиональном спорте // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 62–64.

⁴ См.: Горлова Д.В. Правовая природа перехода (трансфера) спортсмена-профессионала по футболу // Спорт: экономика, право, управление. 2005. № 4. С. 18–23.

⁵ См.: Собчак А.А. Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 63, 66; Писчиков В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 70 и др.

и кредитором, а договор в целом содержит множество обязательственных связей, т. е. не создает единого обязательства.

М.И. Брагинский рассматривал комплексный договор как разновидность смешанного¹. Д.В. Огородов и М.Ю. Чельшев именовали такие договоры «полиотраслевыми смешанными договорами»². Следуя этой логике, можно было бы разделить смешанные договоры на гражданско-правовые и межотраслевые смешанные (или комплексные). В таком случае комплексные договоры становятся видом общеправового института смешанного договора. Если комплексный договор включает гражданско-правовой элемент, то, бесспорно, им может выступать и непоименованный договор.

На наш взгляд, трансферный договор должен быть квалифицирован как комплексный, т. к. его предметом являются действия одного клуба по расторжению трудового договора со спортсменом и действия другого клуба по заключению трудового договора с ним и предоставлению первому клубу вознаграждения за расторжение договора. Комплексный договор, так же как смешанный, не может быть одновременно квалифицирован как непоименованный, поскольку это противоречит правилам регулирования комплексного договора и природе договора непоименованного. Комплексный и непоименованный договор — самостоятельные институты гражданского права, что не исключает возможности включения в состав комплексного договора элементов непоименованного договора, примером чего служит трансферный договор.

Предоставление вознаграждения абсолютно не свойственно трудовому праву, обычным для которого является возможность свободного расторжения договора и безвозмездного перевода к другому работодателю. При этом выплату вознаграждения следует считать встречным исполнением, осуществляемым после расторжения трудового договора переходящего спортсмена. Размер вознаграждения не связывается с возмещением убытков клуба на подготовку спортсмена, в том числе с упущенной выгодой, что не только не представляется возможным, но и не целесообразно. Клуб, расторгающий контракт, может стремиться покрыть расходы на заключение трудового договора с иным спортсменом, иметь другие основания определения размера вознаграждения. Размер вознаграждения формируется рынком, а также зависит от представления клубов о ценности спортсмена, заинтересованности клубов в продолжении (возникновении) трудовых отношений с ним, более того, может быть экономически никак не обоснован.

Таким образом, мы приходим к выводу, что договор, предусматривающий вознаграждение за осуществление действий, не свойственных гражданско-правовому обязательству, следует квалифицировать как непоименованный в силу отсутствия регулирования договоров, имеющих аналогичный либо схожий предмет. При этом под непоименованным договором мы понимаем соглашение, в отношении которого законом и иными правовыми актами не определены предмет и иные условия договора, содержащее не отраженный в иных договорных конструкциях признак направленности, предмета и объекта

---

¹ См.: Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М., 2007. С. 66.

² См.: Огородов Д.В., Чельшев М.Ю. Некоторые дискуссионные вопросы учения о смешанных договорах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6. С. 60.

договора, являющийся основанием отличия совокупности квалифицирующих признаков соглашения от предусмотренных договорными типами.

В связи с этим представляется, что комплексный трансферный договор помимо элементов трудового права включает элементы непоименованного гражданско-правового договора о выплате вознаграждения за действия, не типичные для гражданского права. Регулирование трансферного договора совпадает с правилом регулирования смешанных договоров, предусмотренным п. 3 ст. 421 ГК РФ. В соответствующих частях регулирования будет определяться положениями ТК РФ о заключении и расторжении трудового договора и общими положениями обязательственного права, предусмотренными ГК РФ.

Е.А. Кухтяева,

*соискатель Академии Генеральной
прокуратуры РФ, старший преподаватель
Северо-Кавказского (г. Махачкала)
филиала РПА Минюста России
kuhtyaevaelena@yandex.ru*

Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями

***Аннотация:** в статье речь идет о проблемах современного российского уголовно-процессуального законодательства, являющегося результатом проводимой в Российской Федерации судебной реформы, начало которой было положено в 90-х гг. прошлого столетия.*

***Ключевые слова:** присяжные заседатели, вердикт, вопросный лист, председательствующий судья, судебное заседание.*

***Summary:** the modern Russian criminal procedure legislation grows out of the judicial reform carried out in the Russian Federation which beginning was necessary in the early nineties last century.*

***Keywords:** jurors, a verdict, the voprosny leaf, the presiding judge, a court session.*

Формулирование и постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, являются важнейшим этапом производства в суде присяжных. Эта процедура возложена на председательствующего по делу судью. Ответы присяжных заседателей на поставленные вопросы, их соответствие внутреннему убеждению присяжных заседателей, а также понимание этих вопросов при вынесении вердикта в решающей мере зависят от того, насколько точно и ясно они будут сформулированы, насколько полно и лаконично изложены.

Процесс постановки вопросов присяжным непросто. В результате обобщения опыта функционирования этого института в нашей стране были разработаны и предложены для практического применения рекомендации по составлению вопросных листов¹. Верховный Суд РФ традиционно уделяет этой проблеме значительное внимание безотносительно к тому, формулирует ли разъяснения по вопросам применения УПК РФ или проверяет в установленном законом порядке приговоры нижестоящих судов. Необходимо отметить, что в настоя-

---

¹ См.: Суд присяжных : науч.-практ. сборник. М., 1994. С. 221–254; Суд присяжных : пособие для судей / С.А. Вицин и др. М., 1994. С. 93–100.

шее время соблюдение требований ст. 338 УПК РФ, к сожалению, связано с большими практическими трудностями, чем представляется на первый взгляд.

Согласно УПК РФ (ст. 338) после произнесения последнего слова подсудимым судья, с учетом результатов судебного следствия и прений сторон, формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями.

Н.П. Ведищев в ч. 1 ст. 338 УПК РФ находит противоречие: согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в рамках предъявленного подсудимому обвинения. В таком случае, не совсем ясно, что является основанием для постановки вопросов перед присяжными заседателями — предъявленное обвинение или результаты судебного следствия и прения сторон¹. Необходимо также учитывать, что в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель может отказаться от обвинения в полном объеме или в его части. Обвинение представляет собой первое основание для постановки вопросов присяжным заседателям. Итоги судебного следствия и мнения сторон, которые были высказаны в прениях, могут служить основаниями для постановки вопросов в том случае, если эти результаты и мнения изменяют или развивают выводы обвинения (если это не усугубляет положение обвиняемого).

Нельзя не разделить точку зрения Т.А. Владыкиной, которая подчеркивает, что выявленное Н.П. Ведищевым противоречие — это, по большому счету, спор о словах². Исследование доказательств в суде — это деятельность, в которой проверяется и оценивается вся совокупность предложенных суду доказательств, восстанавливается картина совершенного деяния, а не повторение предварительного следствия. Иначе говоря, судья формулирует вопросы не только на основании материалов предварительного следствия, имеющихся в обвинительном заключении, но и на основании результатов судебного следствия и прений сторон.

Стороны могут высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов. Суд не может выходить за пределы содержания обвинения, предъявленного органами уголовного преследования лицам, привлеченным к уголовной ответственности.

Председательствующий обязан дать время для ознакомления с вопросным листом, внесения предложений о постановке новых вопросов и подготовки замечаний к уже поставленным. Соответственно, председательствующий не вправе отказать сторонам в этом. Н.П. Ведищев справедливо указывает на то, что в свете таких законоположений новыми вопросами, которые могут предлагать стороны в соответствии с ч. 2 ст. 338 УПК РФ, следует считать только такие, которые не выпадают из законной компетенции присяжных, ограниченной четырьмя юридическими вопросами, не удлиняют перечень, а лишь детализируют его с использованием обыденных, общепонятных слов и выражений³.

¹ См.: *Ведищев Н.П.* Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями (ст. 338 УПК РФ) // Адвокат. 2011. № 10. С. 6.

² См.: *Владыкина Т.А.* Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями // Российская юстиция. 2013. № 3.

³ См.: *Ведищев Н.П.* Указ. соч. С. 7.

В связи с этим обратим внимание на недопустимость действий адвокатов, направленных на постановку перед присяжными вопросов, не входящих в их компетенцию. Так, органами предварительного следствия М. и А. предъявлено обвинение в убийстве Р. группой лиц. На основании вердикта присяжных заседателей М. и А. в ходе судебного заседания была проведена судебно-медицинская экспертиза, по результатам которой было установлено, что смерть Р. наступила 19 октября 2009 г. в период от 9 до 14 часов. Защита ходатайствовала о проведении повторной экспертизы, в производстве которой председательствующий отказал.

Позже сторона защиты ходатайствовала о постановке перед присяжными заседателями вопроса: доказано ли, что смерть Р. наступила 19 октября 2009 г. в период от 9 до 14 часов? Государственный обвинитель и потерпевший возражали против постановки этих вопросов перед присяжными заседателями. Несмотря на это, вопросы были включены судьей в вопросный лист. Поставив такие вопросы перед присяжными заседателями, судья нарушил требования ст. 338, 339 УПК РФ¹.

Не могут ставиться вопросы, требующие от присяжных собственно юридической оценки при вынесении вердикта.

Высказывая свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внося предложения о постановке новых вопросов, стороны должны четко понимать, что перед присяжными не должны ставиться вопросы о вероятности доказанности и виновности подсудимого в совершении преступления. Пункт 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ устанавливает, что выводы присяжных заседателей не могут основываться на предположениях. Недопустимо, когда при постановке основного вопроса помимо описания деяния в вопрос включаются иные обстоятельства совершенного преступления.

Например, по одному из уголовных дел в основном вопросе наряду с описанием самого деяния были приведены несколько мотивов действий С. (отомстить судье Г. за его деятельность, связанную с осуществлением правосудия, и тем самым добиться отстранения судьи от рассмотрения дела). В вопросе также было указано, что С. заранее знала, что распространяемые ею сведения являются не правдивыми, порочащими Г. как судью. Указанную постановку основного вопроса о том, доказано ли, что деяние имело место, как нам думается, нельзя признать правильной, т. к. содержание вопроса, включающее в себя помимо описания деяния и иные приведенные выше обстоятельства, влияющие на степень виновности, не позволяет ответить на него «да» или «нет»².

Вопросы ставятся по каждому деянию отдельно. При идеальной совокупности преступлений перед присяжными заседателями ставится один вопрос, т. к. они в соответствии с полномочиями, определенными ст. 334 УПК РФ, устанавливают лишь фактическую сторону деяния, юридическая оценка которого дается судьей в приговоре. Встречаются случаи, когда на практике данный вопрос вызывает некоторую сложность. Так, Судебная коллегия, отменяя приговор и направляя дело на новое рассмотрение, указала, что квалифицированное разбойное нападение, в ходе которого совершается

¹ См.: Архив Верховного суда Республики Дагестан. № 11-256/13. 14 июня 2012 г.

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2005 г., дело № 49-005-30сп. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

убийство, — одно деяние, содержащее признаки состава двух преступлений, а согласно положениям ч. 1 ст. 339 УПК РФ три основных вопроса ставятся по каждому деянию, а не по каждому составу преступления¹.

К сожалению, число адвокатов, готовых «за значительный гонорар ... пренебречь нормой ч. 2 ст. 338 УПК РФ и оставить все как есть, не предпринимая попыток бороться за подсудимого при его очевидной невинности, постоянно растет»². Тем не менее, несмотря на то что «в адвокатском сообществе, как и в других профессиональных группах юристов, действительно встречаются недостаточно профессиональные или не слишком высоко-нравственные люди ... считать, что именно они определяют положение дел в российской адвокатуре, по меньшей мере странно»³.

Как было отмечено ранее, сформулированные в вопросном листе вопросы председательствующий зачитывает и передает сторонам. Председательствующий не вправе внести в окончательный проект вопросного листа вопросы, которые не были предметом обсуждения с участием сторон (п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство с участием присяжных заседателей»⁴).

Вопросы, сформулированные в окончательном виде, оглашаются в присутствии присяжных заседателей и передаются их старшине (ч. 5 ст. 338 УПК РФ). Несоответствие такому порядку, на наш взгляд, справедливо расценено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ как нарушение норм УПК РФ, которое может повлечь отмену приговора. Само нарушение в этом случае выражается в лишении присяжных заседателей права получить от председательствующего разъяснения по возникшим у них неясностям в связи с поставленными перед ними вопросами (Определение от 12 марта 2009 г. № 44-О09-7СП⁵), не касаясь при этом существа возможных ответов на эти вопросы.

В. Банников подчеркивает, что в его практике «нередко возникал вопрос о возможности указания председательствующим в вопросном листе вариантов ответов с тем, чтобы присяжные заседатели лишь выбирали один из предлагаемых вариантов»⁶. Как нам представляется, такой порядок вряд ли возможен, т. к. ответы должны давать сами присяжные заседатели. Их ответы фиксируются в их вердикте старшиной согласно требованиям ст. 343 УПК РФ. Именно такое распределение процессуальных обязанностей позволит рассматривать суд присяжных «в качестве важнейшего индикатора подлинного движения нашей страны к построению правового государства, сохранения выбранного курса на демократизацию российского уголовного процесса»⁷.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2007 г., дело № 67-о07-22сп. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Белокопытов Ф. Суд присяжных в России: проблемы и решения. М., 2010. С. 134.

³ Семеняко Е. В. Самое трудное — расстаться с предубеждениями // Юрист. 2010. № 7. С. 4.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.

⁶ Банников В. Суд присяжных в России. М., 2011. С. 167–168.

⁷ Александров А. И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Российский судья. 2012. № 11. С. 10–11.

• МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА •

«Концепция судебной политики в современной России: проблемы формирования» (г. Пенза, 8 ноября 2013 г.)

А.В. Малько,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН
igp@sgar.ru*

Судебная жизнь общества как объект судебной политики

Обсуждение проекта концепции судебной политики в Российской Федерации лишней раз доказало, что во введении данного проекта (названного «Характеристика современного состояния судебной системы в Российской Федерации») лучше вести речь не о судебной системе, а о судебной жизни общества. Дело в том, что «судебная жизнь» — предельно широкая категория, охватывающая собой всю судебную сферу, причем как в историческом, так и в современном плане, как прошлое, так и настоящее судебной действительности. Естественно, судебная жизнь включает в себя и судебную систему, даже если ее понимать в самом широком смысле слова.

В узком значении судебная система — это собственно судоустройство, т. е. совокупность судов, выстроенных в иерархическом порядке. Широкое понимание судебной системы включает множественность ее структурных компонентов: систему судов как центральный элемент судебной системы; судебный корпус; органы судейского сообщества; третейские суды; работников аппаратов судов; арбитражных и присяжных заседателей; судебно-правовую культуру; судебное и судейское право¹.

К тому же термин «судебная жизнь» будет более адекватно отражать в названии и содержание самого введения, которое в проекте необходимо обозначить следующим образом: «Характеристика современного состояния судебной жизни в Российской Федерации».

В силу того, что проект концепции судебной политики выступает, прежде всего, в виде доктринального документа, новые научные наработки в нем как раз будут кстати. А понятие «судебная жизнь» — одна из таких наработок, требующих особого внимания со стороны ученых-юристов (как теоретиков, так и процессуалистов).

Что же такое судебная жизнь? Что отражает данная категория?

По мнению Э.М. Мурадян, судебная жизнь — это нормальная форма существования суда, его функциональное состояние, соответствующее по-

¹ См.: *Гайдидей Ю.М.* Судебная система в современной России: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 38.

требностям определенных субъектов права в той или иной судебной процедуре, в прояснении или разрешении конкретной юридической ситуации¹.

В то же время судебная жизнь — это и способность суда к дальнейшему существованию в условиях перманентной критики его деятельности; это иски и возражения, обвинения и попытки самооправдания стороны, призванной к ответу, или взаимного обвинения сторон; это и судоговорение, в котором суду и участникам предстоит постигать суть дела, отделять существенные факты от привходящих, реалии от вымысла, исследовать доказательства и опровержения; это разрешение противоречия за противоречием².

На наш взгляд, судебная жизнь — есть особая форма правовой жизни, выражающаяся преимущественно в судебных актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень судебно-правового развития данного общества, отношение субъектов к суду и степень удовлетворения их интересов.

Судебная жизнь немыслима и невозможна без постоянно возникающих при этом судебных актов. В последние годы значительно повышается их статус, весьма заметно усиливается их правовое воздействие на общественные отношения. Посредством принимаемых актов суды во многом устраняют либо нивелируют просчеты законодателя, реально смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы. Судебные акты представляют собой государственно-властное предписание, выражающее волю государства. Посредством этого вида правовых актов государство в лице суда выражает свое мнение относительно сложившейся ситуации, которая привела стороны в зал судебных заседаний.

Верно подмечено Э.М. Мурадян, что «если суд не функционирует, его существование не оправдывает себя. Суд — не музей. Его ценность подтверждается и поддерживается востребованностью суда и приемлемостью судебных решений, прежде всего в оценке сторон»³.

Судебная жизнь характеризует специфику и уровень судебно-правового развития данного общества. Говоря об этом, мы, прежде всего, имеем в виду динамику правовой культуры и правосознания. Анализируя данные категории в рамках характеристики судебной жизни, следует обратить внимание, во-первых, на правосознание и правовую культуру обычных граждан и, во-вторых, на правосознание и правовую культуру судей, ибо именно судьи и лица, участвующие в деле, являются субъектами судебной жизни общества.

Точно так же как при выстраивании правовой политики необходимо ориентироваться не столько на правовую систему общества, сколько на ее правовую жизнь⁴, так и при формировании судебной политики исходить нужно из имеющихся судебно-правовых реалий, из самой судебной жизни.

Дело в том, что судебная политика, с одной стороны, должна базироваться на действительных отношениях, протекающих в жизни процессах, учитывать их и реагировать соответствующим образом. С другой стороны, судебная политика призвана организовывать судебную жизнь общества, налаживая определенным

¹ См.: Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007. С. 65.

² См.: Там же. С. 67–68.

³ Там же. С. 65.

⁴ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 7–15.

способом судебную систему. Здесь четко просматриваются взаимные связи и взаимозависимости. Судебная политика должна содержать в себе выработанную стратегию и тактику развития судебной жизни, ориентиры (цели и средства) для нее. В свою очередь, судебная жизнь представляет собой одновременно истоки и сферу проявления судебной политики, выступает ее объектом.

Необходимость выстраивания судебной политики диктуется проблемами, прочно «прописавшимися» в судебной жизни общества, например, такими, как отсутствие единой судебной практики, низкий процент доверия к суду со стороны субъектов права, коррупция, высокая степень неисполняемости судебных решений и т. д.

В практическом аспекте данная политика представляет собой разностороннюю деятельность многих субъектов, направленную на решение следующих задач:

1. Оптимизация правового регулирования обозначенной сферы.
2. Повышение гарантированности механизмов судебной защиты.
3. Улучшение сотрудничества государственных и негосударственных судебных структур.
4. Углубление взаимодействия внутригосударственных и международных судебных инстанций.
5. Формирование судебного и судейского права, судебно-правовой культуры и т. д.

Помимо названных можно выделить и такие пути усовершенствования судебной системы, как углубление специализации судей и судов, повышение уровня открытости и транспарентности судебной деятельности, внедрение информационных технологий (автоматизированная система распределения дел, аудио- и видеопотоколирование судебных процессов, электронные документы, видео-конференц-связь, электронные базы данных и системы судопроизводства и т. д.). Более того, не подлежит сомнению, что будущее судебной системы — за внедрением «электронного правосудия», под которым можно понимать способ отправления правосудия, основанный на использовании информационных технологий и включающий в себя ряд мер, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов и автоматизации судопроизводства.

В.А. Терёхин,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, зав. кафедрой правосудия Пензенского государственного университета pravosudiepenza@mail.ru

---

Некоторые аспекты содержания проекта Концепции судебной политики в Российской Федерации

Проjekt концепции судебной политики — это доктринальный документ, содержащий определенные теоретические положения, в том числе идеи о стратегии и тактике поступательного развития судебной системы,

---

повышения эффективности осуществляемой судебной защиты и обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов юридического общения.

Прежде чем предложить конкретные направления дальнейших реформ, необходим обстоятельный анализ итогов преобразований, проведенных за годы современного переустройства суда, а главное, тех проблем, которые препятствуют завершению начатых перемен, движению к прогрессивным результатам и достижению намеченных целей.

Высказанная А.В. Малько на заседании круглого стола мысль об изменении названия вводной части проекта концепции «Характеристика современного состояния *судебной системы* в Российской Федерации» на «Характеристика современного состояния *судебной жизни* в Российской Федерации» для разработчиков этого документа оказалась явно неожиданной. Новое для юридической науки словосочетание — «судебная жизнь» (вместо ранее используемого «судебная система») выглядит, на первый взгляд, не совсем академично и вряд ли сразу будет воспринято всеми представителями научной общественности. Устоявшиеся и широко используемые в литературе категории «судебная система», «судебная деятельность» кажутся более предпочтительными, поскольку деятельность суда как разновидность государственной и юридической деятельности строго регламентирована, во многом ритуальна. Она подчинена действующим, формально определенным правилам поведения, поскольку общий тон организации и функционирования органов судебной власти задается законодателем. Термин же «судебная жизнь» как бы вносит в эту, исключительно официальную, сферу некие элементы обыденности и упрощенности, вольности и хаотичности, негосударственности и непрофессиональности.

В то же время предлагаемые новации нельзя сразу отвергать. Поэтому инициатива А.В. Малько заслуживает самого пристального внимания. Она необходима для более углубленного и всестороннего познания всех объективных процессов и закономерностей, происходящих в области судебного строительства и осуществления судебной защиты, для проверки гипотез и наборок прогнозов ее совершенствования и т. д. Возможно, «судебная жизнь» — самая широкая категория, вбирающая весь комплекс проблем, весь объем явлений, имеющих в данном срезе общественных отношений. Словом, категория «судебная жизнь» требует осмысления, тщательной проработки и своего достойного места в понятийном ряду судебной политики.

Кстати, А.В. Малько своими оригинальными новаторскими идеями не перестает удивлять юридический мир и, похоже, еще не единожды продемонстрирует свои способности научного предвидения.

Современное состояние отечественной судебной системы в самом общем виде характеризуется двумя ключевыми признаками: с одной стороны, повышенным вниманием общества к осуществлению правосудия и растущим социальным запросом на реально независимый и справедливый суд, а с другой — незавершенностью начатых реформ. В связи с этим механизм судебной защиты избилует многочисленными проблемами как непосредственно в судебной деятельности, так и на стадиях исполнения судебных актов, проведения судебно-экспертных исследований и т. д. Это крайне отрицательно сказывается на реализации юридического статуса субъектов права и обеспе-

---

чении правового порядка в стране, привлекательности ее инвестиционного климата и возрождении экономики, сдерживает развитие общества.

Среди основных дефектов, на устранение которых должна быть направлена судебная политика, можно назвать следующие: наличие процессуальных ошибок и несправедливых судебных актов, а вследствие этого неудовлетворенность населения эффективностью судебной защиты; бегство юридических компаний и предпринимателей в случае возникновения экономических споров из-под юрисдикции отечественных судов; фактическое неравенство органов судебной власти с соответствующими институтами законодательной и исполнительной власти; отсутствие подлинной и реальной независимости судей; невысокая степень легитимности суда; неоптимальность юрисдикции органов правосудия и высокая загруженность судей и сотрудников судебной системы; неурегулированность судоустройства, судопроизводства, в том числе судебных инстанций; нестабильность законодательства о юридическом статусе судей, особенно в части закрепления принципа несменяемости; дисбаланс судебной практики высших судебных органов; неопределенность статуса судебных актов в качестве источника права; массовое неисполнение судебных актов, в том числе невыполнение государственными структурами отдельных решений Конституционного Суда РФ; отсутствие единой государственной судебной-экспертной службы и нарушение сроков проведения исследований, затрудняющих рассмотрение юридических споров в разумные сроки, и др.

В обсуждаемом документе, безусловно, следует прописать цели и задачи судебной политики, поскольку она, как и другие виды правовой политики, имеет целевое назначение. Цели судебной политики вытекают из объективных интересов субъектов права, сформировавшихся на современном этапе проведения судебной реформы, развития правовой системы, государства и общества.

На наш взгляд, стратегическими целями судебной политики являются:

1) обеспечение незыблемости основ конституционного строя, верховенства права, законности и правового порядка; 2) эффективное восстановление нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства; преодоление препятствий в реализации юридического статуса субъектов правоотношений; 3) утверждение социальной справедливости, миротворческих начал и общественной стабильности.

Указанные цели судебной политики концентрируются в ее задачах. Поэтому для достижения целей в настоящее время требуется решение следующих задач: утверждение подлинной самостоятельности и независимости судебной власти, фактическое выравнивание статуса ее органов до соответствующего уровня законодательной и исполнительной власти; упрочение роли суда в обществе; повышение степени легитимности судебной системы; оптимизация юрисдикции суда и служебной нагрузки судей; модернизация судоустройства и судебных инстанций; совершенствование юридического положения судей и сотрудников судов, повышение уровня их правовой культуры; укрепление дисциплины, правового и нравственного порядка в судебной среде, совершенствование механизма ответственности судей; обновление процедур социального контроля за судьейским сообществом; развитие правового статуса судебных актов; реформирование

механизма исполнения судебных актов; организация единой государственной судебно-экспертной службы.

При разработке проекта концепции следует исходить из постулата о том, что в правовом государстве правосудие приобретает статус социальной и юридической ценности. Суд — это внедрение в практику идеи о равноправии и справедливости, необходимое условие обеспечения стабильности публичной власти и развития общества. И к такому эффективному и авторитетному суду стремятся все цивилизованные государства, проводя для этого системные преобразования.

Поэтому России, учитывая ее демократические в целом векторы движения, нужна не только легальная, но и легитимная судебная система. Категория «легитимность» отражает не столько законность учреждения судов, сколько степень доверия населения к органам судебной власти, а также его уверенность в справедливости принимаемых судами решений, готовность добровольного и сознательного исполнения судебных актов. Как представляется, легитимность судебной власти может формироваться и культивироваться из двух основных источников: внутреннего — самим судебским сообществом и внешнего — институтами государства и гражданского общества. Известные мыслители давно заметили, что «охрана авторитета суда является функцией верховной власти»¹. И вовсе не случайно, что Президентом РФ 28 апреля 2011 г. утверждены Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, в которых предусмотрены меры по утверждению «традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду»². В силу конституционных предписаний государство обязано предоставить судебной системе все необходимые условия, все возможности для эффективного выполнения возложенных на нее задач.

В свою очередь, гражданское общество, сознавая правозащитное назначение правосудия, естественно заинтересовано в высокой степени доверия населения к судебной власти.

Уровень репутации суда, конечно, во многом зависит от самой судебной системы: от способностей носителей власти безупречно соблюдать принципы и нормы права, нравственно-этические стандарты, вершить безошибочное и истинное правосудие. Значит, для решения задачи по утверждению репутации органов судебной власти нужно грамотно выстраивать судебную политику.

В заключение отметим, что проект концепции судебной политики в Российской Федерации как доктринальный документ должен содержать цельный пакет положений, предъявляемых к подобным научным трудам. В нем следует непременно заложить весь алгоритм практических действий, а также юридическое будущее — правовой образ скорого, правового и справедливого суда.

¹ Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 259.

² Российская газета. 2011. 14 июля.

А.А. Фомин,
доктор юридических наук, доцент, профессор
Пензенского государственного университета
fominpenza@mail.ru

К вопросу о принципах формирования и реализации судебной политики*

Исследование принципов судебной политики в современных условиях представляет особый интерес как для науки, так и для практики, поскольку принципы служат основанием для выстраивания и осуществления государственно-правовой политики в сфере судебной деятельности. Как верно отмечает Н.И. Матузов, «принципы государственно-правовых явлений... вопрос не “проходной” и не второстепенный, а сущностный, ключевой, теоретически значимый, позволяющий раскрывать подлинное “кredo” изучаемых объектов»². Принципы позволяют понять сущностные характеристики, приоритеты, ориентиры реализуемой сегодня в нашей стране судебной политики.

Принципы судебной политики — это закрепленные в Конституции Российской Федерации, международно-правовых актах, законодательстве страны основные, руководящие положения (правила, требования, идеи) наиболее общего характера, отражающие сущность и содержание научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективной судебной системы, повышению качества судебной деятельности и исполнению судебных актов.

Принципы судебной политики, лежащие в основе организации и деятельности судебной системы, определяют как собственно устройство судебных органов — порядок формирования судейского корпуса, правовой статус судей, структуру и полномочия судов, так и организацию самого процесса судебной деятельности, а также исполнения судебных решений.

Наиболее общими принципами судебной политики в Российской Федерации являются: социально-политическая обусловленность; научная обоснованность; приоритетность прав и основных свобод человека и гражданина; легитимность; демократический характер; законность; учет нравственно-ценностных устоев и социокультурных традиций; согласованность с международными стандартами правового регулирования судебной деятельности и осуществления судебной защиты; публичность; целенаправленность; прогнозирование развития судебно-правовой системы российского общества; эволюционный характер реформирования судебной системы, реалистичность, комплексность, достаточность средств и ресурсов для достижения заявленных в ходе судебно-правовой реформы целей.

Специальные принципы судебной политики отражают собственные исходные установки судебной деятельности и наряду с другими основаниями

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках гранта «Судебная политика в современной России» (проект № 11-03-00349а).

² Матузов Н.И. Принципы права как объект научного исследования // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 12.

выступают средством отграничения ее от иных видов правовой политики. В выстраивании и осуществлении правовой политики демократического государства органам правосудия отводится настолько важная роль, что ряд норм, определяющих сущность и содержание судебной политики в современной России, имеют статус конституционных положений и закреплены в международно-правовых актах о правах и свободах человека и гражданина в виде минимальных стандартов справедливости. К числу специальных принципов судебной политики относятся: независимость судей и невмешательство при реализации судебной политики в деятельность по осуществлению правосудия; отправление правосудия только судом и в точном соответствии с законом; запрет создания чрезвычайных судов; федерализм и единство судебной власти; право граждан на судебную защиту; равенство граждан и организаций перед законом и судом; беспристрастность, объективность и справедливость суда при разрешении правовых споров; гласность и непосредственность судебного разбирательства; оперативность правосудия, рассмотрение дел в разумный срок; состязательность процесса и равноправие сторон; язык судопроизводства и делопроизводства в судах; обязательность судебных актов и др.

Принципы судебной политики образуют единую систему. Они едины по своей сущности и служебному назначению. И хотя каждый принцип имеет свое собственное содержание, все они действуют не разрозненно, а в совокупности. Они объединены общей направленностью — организовать судебные органы и их функционирование таким образом, чтобы успешно выполнять поставленные перед ними задачи. Принципы судебной политики распространяются как на правотворческую, так и на правоприменительную деятельность.

А.Ю. Саломатин,

*доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор, зав. кафедрой
теории государства и права и политологии
Пензенского государственного университета
valeriya_zinovev@mail.ru*

О ценности французского опыта подготовки судей

В концепции судебной политики обязательно должен быть поставлен вопрос о подготовке судей. Зарубежный опыт в этом плане весьма разнообразен. Естественно, нам не может быть полезен опыт стран прецедентного права. Скажем, в Великобритании существует неоправданная дискриминация в отношении солиситоров при занятии судейских должностей и предпочтения для барристеров. Это не наш путь не только потому, что у нас нет ненужного дуализма адвокатской профессии, но и главным образом из-за того, что из хорошего адвоката необязательно сформируется хороший судья. Нам не может быть полезна и американская практика, когда назначение федеральных судей и выбор судей на уровне штатов осуществляются не на основе адвокатского стажа, как в Великобритании, а исходя из лояльности правящей партии.

Иное дело — опыт централизованной подготовки кадров для судебной системы во Франции. Мне четыре раза довелось быть в Национальной школе магистратуры в г. Бордо, которая функционирует с 1958 г. Здесь обучаются выпускники юридических факультетов в возрасте до 27 лет, прошедшие жесткий конкурентный отбор. Подготовка длится 33 месяца, в том числе 8 месяцев — это аудиторные занятия. Их проводят в основном судьи, временно на несколько лет прикомандированные к Школе, и преподаватели-совместители. Изучаются не только правовые, но и смежные, полезные для будущего судьи дисциплины — управление экономикой, основы ислама, проблемы молодежи в современном мире, учреждения Евросоюза, международные организации и т. д. Кроме того, предусмотрены 3 практики: 3-месячная ознакомительная (преимущественно в частных компаниях, правительственных органах и зарубежных судах), 14-месячная судебная под руководством действующего судьи или прокурора (тогда же происходит знакомство с работой полиции и адвокатов) и 6-месячная заключительная в соответствии с выбранным местом будущей работы. Итоговый экзамен, от которого зависит назначение на службу, проходит перед заключительной практикой.

Представляется, что эту модель подготовки можно было бы позаимствовать Российской академии правосудия. Необходимо, чтобы в судьи попадали не случайные люди (откуда бы они ни были — из следственных органов или из адвокатуры), а молодежь, которая проходила бы все ступеньки профессиональной лестницы в судах. Обязательно должна быть высокая и частая географическая мобильность для судейских работников, чтобы они не успевали обрывать связи с местными элитами и губернаторами. Судейской карьерой необходимо жестко руководить из центра. Это будет одной из гарантий того, что Российская Федерация не превратится в «рыхлую» конфедерацию, что опасно для будущего нашей страны.

В.А. Рудковский,

*доктор юридических наук, профессор
кафедры теории и истории права и
государства Волгоградского государственного
университета
rudk-viktor@yandex.ru*

Роль суда в правоприменительной политике

Политический аспект организации и деятельности органов судебной власти в последнее время привлекает к себе повышенный интерес представителей общетеоретической и отраслевой юридической науки. Одной из наиболее заметных позитивных тенденций в его разработке является доктринальный анализ понятия и содержания судебной политики как одного из важнейших направлений и видов правовой политики современной России. Конструктивность изложенного подхода видится, прежде всего, в возможности перевести ставший во многом бесплодным спор о том, явля-

---

ется судебная власть субъектом политики или нет, в плоскость изучения реальных возможностей ее влияния на процессы правового развития в стране. Непредвзятый анализ показывает, что как бы мы не относились к сложившейся системе судебной власти в современной России, объективно она выступает одним из важнейших факторов, определяющих облик правовой системы нашего государства и тенденции ее развития. Поэтому всесторонний анализ судебной политики, а также других аспектов, отражающих роль суда в правовой политике нашего государства, является крайне важным. И такие исследования в настоящее время активно проводятся¹.

В современном Российском государстве органы судебной власти выполняют довольно разнообразные функции. Так или иначе они влияют на процессы формирования и осуществления практически всех направлений правовой политики (правотворческую, интерпретационную, уголовную, гражданскую, семейную, правозащитную и пр.). Тем не менее по своему политико-правовому статусу и назначению судебная власть является правоприменительной по существу. И этим объясняется ее органичная включенность, прежде всего, в процессы выработки и реализации правоприменительной политики².

Значение суда в механизме становления и практической реализации правоприменительной политики современного демократического государства вряд ли возможно переоценить. Во всяком случае, практика последних десятилетий убедительно свидетельствует о том, что в условиях зависимого, непрофессионального, коррумпированного правосудия практически невозможно эффективно решать задачи в сфере укрепления законности, обеспечения прав личности, правового сопровождения экономических и иных преобразований. Поэтому задача оздоровления российской судебной системы, формирования адекватной современным российским реалиям модели судостроительства и судопроизводства остается одной из наиболее актуальных и практически значимых³.

В механизме осуществления правоприменительной политики органам судебной власти, в частности, принадлежит исключительно важная роль по обеспечению единства и стабильности соответствующих сфер правоприменительной практики (исполнительно-распорядительной, регистрационной, правоохранительной и др.). Вряд ли стоит доказывать, что для нашего государства, где законность, к сожалению, все еще бывает и «казанской», и «тамбовской», указанная задача является крайне важной. Но ее решение, разумеется, возможно только в условиях наличия авторитетной и эффективно работающей судебной власти, неуклонно следующей принципам законности и уважения прав личности.

Особенно велико значение в проведении единой правоприменительной политики в масштабах государства высших судебных инстанций (Конституционного и Верховного Судов РФ, судов субъектов Федерации). Практическая значимость принимаемых ими решений выходит далеко за

¹ См., напр.: *Орешкин С.И.* Введение в судебную политику. Элиста, 2007; *Малько А.В., Семинкин Д.С., Люкина О.В.* Судебная политика и судебно-правовой прогресс. М., 2013; *Терехин В.А.* Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика. М., 2013. С. 336–346.

² См.: *Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления* : материалы Междунар. круглого стола, г. Волгоград, 16 мая 2013 г. Волгоград, 2013.

³ См.: *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. С. 499.

рамки собственно сферы судопроизводства. Правовые позиции указанных инстанций учитываются в деятельности иных органов государства и создают необходимую почву для проведения единой стратегии правоприменения в различных областях общественных отношений. Координирующая роль указанных решений особенно важна при интенсивном обновлении законодательства, которое, как правило, сопровождается серьезными затруднениями по точному и единообразному пониманию и реализации воли законодателя. Результаты обзоров и обобщений судебной практики показывают, что одной из причин увеличения количества неправосудных решений в последние годы явилось неправильное толкование вновь принятых норм либо их неучет соответствующими правоприменительными органами.

Еще одной первостепенной задачей суда как субъекта правоприменительной политики является последовательное решение задачи гуманизации индивидуально-властной деятельности различных органов и должностных лиц государства и местного самоуправления. В данном направлении за последние годы произошли определенные сдвиги. В частности, значительная часть дел, находившихся в производстве Конституционного Суда России, касалась защиты прав и свобод личности, а принятые решения оказали позитивное воздействие на правоприменительную практику соответствующих органов. Необходимость ориентации судов общей юрисдикции на права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и основной критерий при разрешении конкретных юридических дел подчеркивалась и в решениях Пленума Верховного Суда РФ.

Тем не менее реализация указанного направления в деятельности российских судов в целом остается на достаточно низком уровне, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Известно, например, что на сегодняшний день кадровый состав судей во многих случаях не соответствует тем профессиональным и нравственным требованиям, которые позволили бы указанным органам эффективно решать возложенные на них задачи. В.Д. Зорькин, в частности, отмечает, что необходимо изменить подход к формированию судебных кадров в современной России. «Здравый смысл подсказывает, что будущий судья должен в первую очередь владеть основами толкования законодательства, умением правильно применять закон, чему способствует адвокатская практика. Парадокс состоит в том, что в США и некоторых странах Европы юристы начинают карьеру как адвокаты, а заканчивают как судьи. У нас, напротив, нередко начинают работать судьями, а заканчивают адвокатами. Часто источник пополнения судебных кадров — секретари и помощники судей, которые, в свою очередь, являются студентами вечерних и заочных юридических вузов»¹.

Таким образом, проблема формирования эффективной системы судостроительства и судопроизводства в современной России остается одной из ключевых не только для судебной политики как таковой, но и для иных направлений правовой политики нашего государства. Соответственно, ее решение необходимо рассматривать как комплексную задачу теории и практики правовой политики в целом.

¹ Интервью с Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным // Законодательство. Право для бизнеса. 2012. № 7. С. 7.

К юбилею Рудольфа Леоновича Хачатурова

5 марта 2014 г. юридическая общественность и Тольяттинский государственный университет отмечают юбилей одного из ведущих ученых-юристов страны — 75-летие со дня рождения доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Рудольфа Леоновича Хачатурова.

Рудольф Леонович родился 5 марта 1939 г. в г. Тбилиси в семье рабочих. После окончания школы служил в рядах Вооруженных Сил СССР. В 1963 г. поступил на юридический факультет Иркутского государственного университета, который успешно закончил в 1967 г. В 1970 г. Рудольф Леонович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Становление советского судебного аппарата в Восточной Сибири» в Московском государственном университете. В 1988 г. им была защищена докторская диссертация в Академии наук Украинской ССР (г. Киев) на тему: «Становление древнерусского права». Ученое звание профессора присвоено в 1990 г.

С 1967 по 1975 гг. Рудольф Леонович работал в Иркутском госуниверситете преподавателем, старшим преподавателем и доцентом кафедры теории и истории государства и права. В 1975 г. был переведен в Омский государственный университет, где проработал 5 лет. С 1980 г. 14 лет работал в Министерстве внутренних дел СССР начальником кафедры общеюридических дисциплин Тбилисского факультета Московской высшей школы МВД СССР, начальником кафедры общеюридических дисциплин высшей школы милиции МВД Республики Грузия. В 1994 г. Рудольф Леонович переехал в г. Тольятти. Благодаря Рудольфу Леоновичу в Тольятти была создана юридическая школа, которая получила свою известность не только в Поволжье, но и в России. Им было подготовлено 37 кандидатов и 5 докторов юридических наук.

С момента переезда в г. Тольятти Рудольф Леонович работал в Международной Академии бизнеса и банковского дела профессором, заведующим кафедрой теории и истории государства и права, деканом юридического факультета, а в последствии с 1995 г. трудился в Волжском университете им. В.Н. Татищева профессором, заведующим кафедрой теории и истории государства и права, проректором по научно-исследовательской работе.

В 2007 г. он был приглашен в Тольяттинский государственный университет для создания юридического факультета, где работал профессором кафедры теории и истории государства и права, деканом юридического факультета, а с февраля 2012 г. являлся директором Института права, с апреля 2013 г. — заместителем директора по научно-исследовательской работе. Рудольф Леонович внес большой вклад в становление Института права Тольяттинского государственного университета.

Р.Л. Хачатуров ведет большую научно-методическую работу, он — автор свыше 400 научных, учебных, методических и редакторских работ общим объемом свыше 1000 печатных листов.

В число наиболее значимых работ Р.Л. Хачатурова входят: «Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права» (Иркутск, 1974); «Становление древнерусского права» (М., 1987); «Договоры Руси с Византией» (М., 1987); «Становление права» (Тбилиси, 1988); «Мирные договоры Руси с Византией» (М., 1988); «Юридическая ответственность (в соавторстве)» (Тольятти, 1995); «Византия и Русь» (Тольятти, 1996); «Ответственность в современном международном праве» (Тольятти, 1996); «Русская Правда» (Тольятти, 2002); «Источники права» — учебное пособие (Тольятти, 1996–2007, выпуски 1–25); «Правовые системы» — словарь-справочник (Тольятти, 2007); «Общая теория юридической ответственности» (в соавторстве) (СПб. 2007). Р.Л. Хачатуров является соавтором, ответственным редактором и руководителем авторского коллектива 5-томной «Антологии юридической ответственности» (Самара, 2012). Он же — соавтор, ответственный редактор и руководитель авторского коллектива 3-х томной «Юридической энциклопедии для студентов всех специальностей» (Тольятти, 2011). Р.Л. Хачатуров — автор пятитомной «Юридической энциклопедии» (Тольятти, 2003–2005). Под общей редакцией Р.Л. Хачатурова опубликовано 50 монографий. С 2013 г. Рудольф Левонович является соавтором и редактором 35-томного научно-учебного пособия «Памятники российского права». В настоящий момент в издательстве «Юрлитинформ» вышли в свет 1–4 тома.

Рудольф Левонович Хачатуров — прекрасный педагог, известный ученый в области юриспруденции. Его активная организаторская деятельность, высококвалифицированная учебно-методическая и научная работа способствуют развитию образования, фундаментальной и прикладной науки в России. За безупречную профессиональную деятельность и активное участие в общественной жизни имеет правительственные награды: 1985 г. — медаль «Ветеран труда», 1987 г. — медаль «За безупречную службу III степени», 1989 г. — нагрудный знак «За отличную службу в МВД», 2009 г. — «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», 2010 г. — «Почетная грамота Министерства образования и науки Самарской области»; 2013 г. — «Почетная грамота губернатора Самарской области».

Р.Л. Хачатуров как человек, профессионал и руководитель пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди коллег, студентов и аспирантов. Рудольфу Левоновичу присущи такие качества, как широкая научная эрудиция, профессиональное, педагогическое и лекторское мастерство, душевное обаяние, тактичность, общительность.

Юбилар полон энергии и творческих планов. О Рудольфе Левоновиче без преувеличения можно сказать — Учитель, Педагог, прекрасный Человек, признанный Мэтр отечественной юриспруденции. Коллектив Института права Тольяттинского государственного университета, ученики, студенты и все выпускники сердечно, от всей души поздравляют Рудольфа Левоновича с его юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья, благополучия и новых творческих свершений.

Д.А. Липинский,
*заместитель ректора — директор Института
права Тольяттинского государственного
университета, доктор юридических наук, профессор*